

ДЖОРДЖ ГЕНРИ СМИТ

КОРОЛЬ И ВЕДЬМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СВЕТЛОСТЬ»

Annotation

Джордж Генри Смит — классик англо-американской фэнтези. Свои произведения Смит строит как некие псевдоисторические, псевдомифологические реконструкции, широко используя европейские мифы и легенды. Наибольшую известность Смицу принес сериал «Мир друидов», в который вошли романы «Ведьма — Королева лохлэнна», «Кэр Кабалла», «Мир друидов», «Вторая война миров». Действие в этих произведениях разворачивается в неких параллельных мирах, где обитают персонажи европейского эпоса, средневековых легенд, скандинавской и ирландской мифологии.

Букинист Дюффус из современного Лос-Анджелеса оказывается в магическом псевдо-Средневековье, где борется с морским богом Ллиром и разными монстрами, защищая права очаровательной королевы-ведьмы Лохлэнна.

ДЖОРДЖ СМИТ
ВЕДЬМА — КОРОЛЕВА ЛОХЛЭННА

I

Маникюр мне больше всего нравилось делать у Пегги О'Ши. Не могу сказать, чтобы она обрабатывала мои ногти лучше любой другой маникюрши, но зато из всех представительниц этой профессии в нашей части Лос-Анджелеса у нее были самые потрясающие ножки и самые короткие юбки. Поэтому в ее маленьком алькове в помещении парикмахерской Анжело такая скучная процедура, как маникюр, и связанная с этим потеря времени превращались для меня в высокое эстетическое переживание. Стоило мне только откинуться на спинку стула и немного отодвинуться в сторону, как я целиком погружался в зрелище, от которого любого сердечника наверняка хватил бы удар. Всем этим голливудским шоу с полуголыми красотками далеко было до картины, которую созерцал я, считая себя вправе удрать ради этого на часок из своего книжного магазина. В тот день, когда все это началось, Пегги была особенно великолепна, и биение моего пульса достигло такой частоты, что мне стало трудно удерживать свою руку в ее теплых ладонях.

— Ох-х, — выдохнул я с шумом, и девушка удивленно подняла на меня глаза.

— В чем дело, мистер Дженъери? Что-нибудь не так?

Тут я в очередной раз заметил (а это бывало совсем не часто на протяжении моего с ней знакомства), что волосы у нее черные, а глаза голубые, как озера Ирландии. Я редко отводил взгляд от тех мест, которые она выставляла напоказ, поэтому каждый раз с удовольствием убеждался, что и остальное в ней весьма недурно.

— Что-нибудь не так, мистер Дженъери? — переспросила она. Видимо, девушка заметила, что мой лоб блестел от пота, и почувствовала, как дрожала моя рука.

— Нет, ничего, — ответил я. — Просто внезапное волнение в моем либидо.

— В чем, вы сказали? — Вот с мозгами у Пегги было явно хуже, чем со всем остальным.

— Либидо. Это такая штука, ее Фрейд выдумал. Она тряхнула головой.

— Никакого такого мистера Фрейда я не знаю. Разве он здесь стрижется?

— Нет, не думаю, — ответил я, подавляя улыбку. — По-моему, у него длинные волосы.

— А-а-а, тогда, значит, он из этих пацифистов, или хиппи, или как их там, — заключила она, продолжая полировать мои ногти.

— Угу, из этих, — согласился я.

Как раз посередине бедра у нее было симпатичное пятнышко, казавшееся мне похожим на ямочку. Спору нет, для ямочки место было неподходящим, но выглядело это пятнышко именно так, при этом оно как бы подмигивало мне, предлагая к нему прикоснуться.

Проблема, однако, заключалась в том, что Пегги была недотрогой. Конечно, она вполне намеренно

устроивала это шоу, но мне в нем была отведена лишь роль зрителя. Она дала мне это понять в первый же раз, когда мы остались наедине за занавеской. Я как бы шутя уронил руку на ее округлое колено, и тотчас же конец острых ножниц ткнулся под ноготь другой моей руки.

— Так когда же мы с вами съездим куда-нибудь, а, Пегги? — спросил я.

— Ну-у, не знаю, мистер Дженъери. Мы не так уж хорошо знакомы, да и мой старик, он такое не одобряет. Он считает, что мне, конечно, можно встречаться с парнями, но только с настоящими ирландцами. А я вашей национальности не знаю. Дженъери — это не ирландская фамилия.

— Нет, не ирландская, — признался я. — Но я готов поменять ее на О'Дженъери, если дело только в этом.

Несколько минут она вполне серьезно обдумывала эту идею, но потом тряхнула черными локонами.

— Нет, пожалуй, это ему не понравится. Ваша фамилия с этим «О» впереди звучит совсем по-ольстерски, а он говорит, что дьявол и родился, и вырос в Ольстере. Он вас будет считать одним из демонов, если решит, что вы из Ольстера.

— И окажется гораздо ближе к истине, чем вы думаете, — сказал я. — Но ведь вы можете ему сказать, что поедете с подругой...

Девушка была потрясена.

— Да что вы в самом деле, мистер Дженъери! Ведь это будет ложью!

Я печально покачал головой. Какая досада, что это роскошное тело, просто созданное для любви, увенчивает головка, полная добродетели и наивности! Я считал своим долгом вмешаться и помочь девушке избавиться от этих нелепых предрассудков, но иногда совершенно отчаивался в успехе.

— Да и потом, как же мы можем куда-то поехать? — спросила она. — У вас ведь нет машины. Надо же, таким франтом наряжаетесь, и дело имеете хорошее, а машины нет, как это так?

Разговор принял нежелательный для меня оборот. Мне не хотелось говорить ни о машинах, ни вообще о чем-либо механическом. Это было одной из причин, почему я ходил стричься к Анжело. Он пользовался только старыми добрыми ножницами, без всяких там электрических машинок и тому подобных приспособлений.

— Так почему это, мистер Дженъери, я вас в машине никогда не видела?

— Я им не доверяю, — ответил я неохотно. — Вы никогда не чувствовали, что они исподтишка наблюдают за вами, стоит только повернуться к ним спиной?

От удивления ее голубые глаза стали огромными, как два блюда.

— МАШИНЫ наблюдают за мной? С чего бы это они вдруг стали такое вытворять?

— Они ищут случая наброситься на вас. Разве вы не обращали внимания на их клыки, которые все называют решеткой радиатора?

— Ну, мистер Дженъери, уж и не знаю, что сказать. Вы такой чудной...

— Думаю, каждого из нас судьба сделала таким, какой он есть. Так где бы вы больше всего хотели побывать, Пегги? Есть ли такое место?

— Ну конечно, — ответила она. — Я бы хотела съездить в Вегас. Вот здорово, наверное, когда эти маленькие колесики крутятся и крутятся, а потом выпадает мой номер.

— Да, вам бы наверняка везло. Я чувствую, как пульсирует ваша удача.

Вот теперь она оживилась. Впервые я предложил то, что не оставило ее равнодушной. Я задумался. Мог ли я рискнуть поехать поездом? Ведь поезд — не то что машина... не совсем то... И я не без удовольствия подумал, что поезд идет долго, и нам придется провести в нем ночь.

— Нам, вероятно, придется ночевать в поезде. Что на это скажет ваш отец?

— Ночевать? — Пегги выпрямилась на стуле и безуспешно старалась прикрыть колени своей

коротенькой юбочкой. — Это почему?

— Да потому что в поезде ехать довольно долго.

— Но зачем именно в поезде? Ведь самолетом это всего каких-то полчаса.

Я постарался не выдать себя, но почувствовал, как кровь отхлынула от моего лица.

— О нет... нет, мы не можем лететь!

— Но почему? Это ведь не таи уж и дорого. Я думала, вы щедрый...

— Я щедрый, Пегги, и готов потратить на вас сколько угодно денег, но мы не можем лететь, потому что у меня насчет самолетов есть теория.

— Какая еще теория?

— Я считаю, что все они — просто обман. Если подумать... вернее, если посмотреть на самолет... он такой громадный. Как по-вашему, сколько примерно он может весить?

— Не знаю.

— Я тоже точно не знаю, но, во всяком случае, много тонн. И я наотрез отказываюсь поверить, что существует такая разумная сила, которая способна поднять эту махину с земли и заставить лететь со скоростью сотни миль в час через весь континент.

— Мистер Дженъери, у них есть реактивный двигатель. Их заставляет летать не какая-то разумная сила — это делает двигатель. — Пегги нервно стиснула в руках ножницы.

— Так говорят, но это слишком неправдоподобно. В действительности нет такой силы, естественной или сверхъестественной, которая могла бы поднять в воздух ДС-8 и донести, до Нью-Йорка за три часа.

— Но, мистер Дженъери, это ведь бывает каждый день, сотни раз в день. Вот съездили бы вы в Лос-Анджелесский Международный, так увидели бы, как они то взлетают, то приземляются каждые несколько секунд. А шум какой стоит, ужас!

— Да, я знаю, именно так все и выглядит, поэтому я и называю это большим обманом. ОНИ убедили всех, что эти штуки летают. Похоже на коллективный гипноз. Когда-то подобные трюки называли *glamourte*, массовая иллюзия.

По выражению лица Пегги я понял, что она готова вскочить на ноги и убежать.

— Даже если вы и правы, — сказала она, — почему вы так боитесь полететь в одном из них? Все остальные в это верят, летают, и ничего. Почему вы не можете?

— Потому что это опасно, — ответил я. — Однажды наступит момент, когда все разом поймут, что эти штуки не могут летать, и тогда все до одного самолеты упадут и разобьются.

— Ну вот» я закончила. — Она оттолкнула мои руки. — Пожалуйста, мистер Дженъери, Готово.

Я неохотно поднялся на ноги, отрываясь от восхитительного зрелища. В кармашек ее униформы я засунул купюру, почувствовав при этом теплоту вздымавшейся груди. — До встречи, — сказал я. — Не знаю, может, я возьму короткий отпуск...

Она вынула банкнот из кармашка и внимательно его рассмотрела. Сумма оказалась достаточной, чтобы вызвать на ее лице улыбку.

— Ладно, до встречи.

— А не могли бы мы встретиться раньше? — спросил я. — Можно было бы поужинать у меня с бутылочкой шампанского и тихой музыкой.

— Не знаю, — ответила она с сомнением. — Вот были бы вы настоящим ирландцем, тогда другое дело, а так...

— Да ну же, Пегги! Мы ведь будем только держаться за руки, а уж этим-то мы с вами и так все время занимаемся.

— Но я...

— Завтра вечером я вам позвоню.

— Ну ладно. Что еще отец на это скажет...

От радости, что она ответила обнадеживающим «может быть» вместо постоянного односложного «нет», я чуть не забыл кое-что важное. Я уже направился было к парикмахерскому креслу, возле которого меня ждал Анжело, но тут вспомнил и, повернувшись к Пегги, вытащил из кармана маленький бумажный пакетик.

— Чуть не забыл, — сказал я, протягивая ей пакетик.

— Ага, я тоже, — сказала Пегги и, взяв маленькую щеточку, тщательно смела все обрезки ногтей и срезанные заусеницы в пакетик, который затем протянула мне.

— Спасибо большое, Пегги. — Я усмехнулся ее озадаченному выражению лица и положил пакетик в карман.

— Ну и как ваше парикмахерское дело, Анжело? — спросил я, усаживаясь в кресло.

— Да помаленьку, мистер Дженъери. А как ваше книжное?

— Прекрасно. Вполне позволяет мне жить не тужить.

— Не пойму я, как это у вас получается, мистер Дженъери. Почти все книжные магазины на Голливудском бульваре больше вашего, а доходы у их владельцев — меньше, чем у вас.

— Я скажу вам, в чем дело, Анжело. У меня есть дополнительный заработок. Я по ночам стригу клиентов, не состоя при этом в союзе парикмахеров. Но вы ведь никому не расскажете, правда?

— Вот уж на чем не разбогатеешь! — засмеялся Анжело, но вдруг веселость с него как рукой сняло. — Ведь надо же, что вы пришли именно сегодня!

— А в чем дело?

— Сегодня утром заходил какой-то парень, спрашивал о вас. Здоровый такой, башка круглая, как ядро, волосы короткие, как у этих немецких подонков в фильмах про шпионов.

— Вот как... — У меня по шее вдруг побежали мурашки, и было это вовсе не из-за ножниц, сновавших туда-сюда по моим волосам. — И что же ему было надо?

— Он зашел примерно в восемь тридцать, я еще только открылся. Сказал, что хочет побриться. Я ему объяснил, что уже не брею клиентов, что большинство парикмахеров теперь перестали заниматься бритьем. Он кивнул, как будто понял, но не ушел, а продолжал здесь топтаться, болтал о погоде и всякой чепухе. И наконец заявляет, что он-де пришел сюда, потому что его приятель по имени Дюффус Дженъери здесь бывает. Я сказал, что вы — один из лучших наших клиентов, а он и говорит: «Такой хороший клиент должен бывать здесь часто». Я ответил, что да, мол, вы довольно часто у нас бываете. Он захотел узнать, насколько часто, и стрижетесь ли вы, и делаете ли маникюр, и что еще.

Я кивнул, и Анжело продолжал:

— Он хотел знать, приходите ли вы по определенным дням недели, и я ему сказал, что вы просто заходите, когда решите, что пора подстричься, и что иногда, если вы заняты, у вас отрастают довольно-таки длинные волосы.

— Это все? — Мои пальцы под белой салфеткой впились в ручки кресла.

— Ага... нет, вот еще что. Он заговорил про обрезки волос, которых должно быть много в любой парикмахерской, и спросил, что я с ними делаю.

— И что вы ему ответили?

— Я ему сказал, что выбрасываю их вместе с остальным мусором.

— И больше ничего?

— О, я ничего ему не сказал о том, что ваши я каждый раз ссыпаю в пакет, который вы забираете с собой.

— Очень хорошо, Анжело.

— И о том, что Пегги тоже собирает для вас в пакетик обрезки ваших ногтей и вы их берете домой, я ему не сказал ни словечка.

— Вы молодчина, Анжело. Я горжусь вами. — С этими словами я протянул ему пятидолларовую бумажку, поскольку он уже закончил меня стричь.

— Спасибо вам, мистер Дженъери. Да, думаю, такая стрижка вам очень к лицу.

Я засмеялся.

— Мне тоже так кажется, Анжело, но я имел в виду не мою прическу, а то, что вы совершенно правильно ответили на вопросы этого парня.

— Ах, вы об этом. Ну вы же меня знаете, мистер Дженъери. Я не из болтливых.

Улыбнувшись, я промолчал. Анжело был так же болтлив, как и большинство его собратьев по профессии, но он по крайней мере не выдал мою маленькую тайну.

Он смёл обрезки моих волос и сложил их в бумажный пакет. Внимательно осмотрев пол, я нашел три или четыре волоска, которые он пропустил, поднял их и сунул в пакет к остальным.

— Знаете, я иногда думаю, а что же вы делаете со всеми этими волосами, которые отсюда уносите, — сказал Анжело.

Я усмехнулся.

— Так и быть, скажу вам, но только смотрите, никому ни слова!

— Обещаю, сэр. Никому. Я буду нем как рыба. Придвинувшись к нему, я понизил голос.

— Я собираю их, чтобы набить ими подушку, на которой большими белыми буквами вышью слово МАМОЧКА.

Он недоуменно уставился на меня, пытаясь понять, стоит ли принимать мои слова всерьез или надо рассмеяться.

— Да, вот еще, Анжело, — сказал я, прервав его размышления.

— Что, сэр?

— Если этот парень заявится снова...

— Да?

— И будет у вас стричься, сохраните для меня несколько его волосков, не забудете? Я бы их тоже сунул в мою подушку. Получите за это десять долларов.

Его лицо расплылось в довольной улыбке.

— Да, сэр! Непременно!

Выйдя из парикмахерской, я направился к моему книжному магазину с примыкавшей к нему квартирой. Мне предстояло пройти несколько кварталов вниз по Голливудскому бульвару. По бульвару слонялись туристы, разглядывавшие тротуар, исписанный именами звезд, и хиппи, разглядывавшие туристов в надежде на подаяние. Я все время озирался через плечо. Кто-то заинтересовался моей персоной, и этот интерес был мне совсем не по душе.

Когда я дошел до книжного магазина, мое беспокойство усилилось. В воздухе чувствовалось что-то такое... опасность... злоба... Следствие ли это визита незнакомца в парикмахерскую или просто тревожное предчувствие?

Нет, это было ни то и ни другое. Я уже собрался переходить улицу, когда понял, в чем дело, и обернулся. Меня рассматривала стоявшая неподалеку машина. Это был большой, зловещего вида кадиллак с копьеобразными выступами сзади. Взгляд чудовища был злобным. Решетка радиатора, похожая на ряд зубов, искривилась в усмешке, полной ненависти, колеса упирались в землю совсем как лапы тигра, готового к прыжку.

Я поборол пронзивший меня страх. В такой ситуации главное не показывать, что испугался. Подняв свою трость со стальным набалдашником, я шагнул к машине.

— Я все про тебя знаю, — крикнул я ей, — меня не застанешь врасплох, не надейся!

Она сразу отступила, и выражение ненависти исчезло из ее фар. Я всегда знал, что все эти механические чудовища — жалкие трусы, если только поведешь себя с ними бесстрашно.

Пожав плечами, я пошел дальше. Я знал, что они меня ненавидят, и не сомневался в природе этой ненависти. Они ненавидели меня, потому что многое обо мне знали. Дай я им только возможность и не будь все время начеку, они убили бы меня.

Да, меня не так-то легко заставить врасплох, ведь я наделен могуществом. Видите ли, я волшебник. Конечно, в этом мире, который мы называем Землей, мои чары действуют плохо, но я все равно не сомневаюсь в своем могуществе. Вот за что всякие механизмы меня ненавидят.

Я умею управлять их ненавистью или избегать ее, стараясь не сталкиваться с ними. Но теперь заявило о себе нечто совсем иное. Кто-то, явно знакомый с магическим искусством, проявил ко мне интерес. Они послали этого парня с головой-ядром шпионить и задавать вопросы в моей парикмахерской, и мне это было не по душе.

Это беспокоило меня еще и потому, что, как я признался Анжело, у меня была вторая профессия. Конечно, не парикмахера и не волшебника. В том нереальном мире, в котором мы живем, чародейство не приносит дохода, и я нашел другой заработок. Меня, полагаю, можно назвать частным сыщиком, но не таким, каких вы видите на телеэкране. Мне никогда не приходилось сражаться с парой вооруженных противников (оружие, как и прочие механизмы, ненавидит меня), я не бил женщин ногой в живот, даже пальцем не тронул ни одной, если не считать женщины-оборотня на пляже в Санта-Монике, да и то было исключительно в целях самозащиты.

Мое имя — Дюффус Дженъери, я специалист по всему странному, необычному, сверхъестественному. Мое оружие — не пистолет, а книга заклинаний, а единственный синдикат, беспокоящий меня, — это синдикат сатанистов. Проблемы, которые я решаю, связаны скорее с Черной Мессой, чем с Черной Рукой.

Если вам понадобятся мои услуги, вы найдете меня в маленьком запущенном книжном магазинчике в самом конце Голливудского бульвара. Магазин мой называется «Малефициум», и между девятью утра и шестью вечера я буду рад обслужить вас. Но после шести не приходите, тогда я наверняка уже буду сидеть в коктейль-баре «Медный гонг», что напротив, потягивая джин с тоником, или в моей квартире с садиком позади магазина, пытаюсь вспомнить заклинание, проданное мне одним персидским чародеем, уверявшим, что, применяя его, ни от одной женщины не услышишь «нет».

Но, возвращаясь в свой магазин от Анжело, я не думал о заклинаниях против целомудрия. Я думал о человеке, который проявил интерес к обрезкам моих волос и ногтей. Несмотря на жаркое солнце, заливавшее Голливудский бульвар с его дешевым великолепием, меня от этих мыслей бил озноб.

II

Еще раз оглянувшись, я отпер дверь «Малефициума» и вошел внутрь. Кажется, я уже упоминал, что здесь несколько неопрятно? Это еще мягко сказано. Все здесь покрыто пылью, плесенью и паутиной, но вот что интересно — мне совсем недешево обходится эта запущенность. Покупатели книг, продающихся здесь, почувствовали бы себя разочарованными и едва ли не обманутыми, если бы магазин имел современный интерьер и сиял чистотой. Это разрушило бы мой образ, а в таком бизнесе, как у меня, образ даже важнее, чем на телевидении.

Войдя, я миновал затянутые паутиной полки и, лавируя между пыльными кипами книг, прошел в ванную. Там я вытащил из кармана два маленьких пакетика и выбросил обрезки волос и ногтей в унитаз. Конечно, я не собирал их, просто считал рискованным оставлять в парикмахерской, где любой мог их подобрать и использовать как магическое оружие против меня. В таком нереальном месте, как Земля, заклинания не действуют, но мало ли что... Я абсолютно уверен, что являюсь самым могущественным волшебником в Северной Америке и что со мной некому тягаться, но вдруг найдется кто-то чуть-чуть сильнее меня, чьи заклинания имели силу.

Итак, отдав обрезки своих волос и ногтей в распоряжение еще более могущественного волшебника, я вернулся в магазин встречать первого клиента. Однако оказалось, что это была клиентка, и какая!

Интересно, что за нужда привела эту высокую, стройную женщину в мой маленький пыльный магазинчик? Как правило, мои покупатели — люди совсем другого сорта. Красивые утонченные женщины обычно не читают книг, во всяком случае, таких, какие я продаю. Я твердо знал, что никогда прежде ее не видел, и все же было что-то смутно знакомое в ее зеленых глазах, слегка выдающихся скулах и блестящих золотисто-рыжих волосах. А как изысканно сидел на ней зеленый вязаный костюм, сама простота которого говорила о его стоимости!

— Я хотела бы найти одну книгу, — сказала она низким грудным голосом. — Надеюсь, вы мне поможете.

— Разумеется, — ответил я серьезно и деловито. Именно так я обычно разговаривал с покупателями.

— У вас... у вас есть «География колдовства» Монтегю Саммерса?

— Есть, конечно, — кивнул я, поворачиваясь к полкам. Книга стояла довольно высоко, я снял ее и протянул женщине.

Некоторое время она стояла, осторожно держа книгу одной рукой, а другой переворачивая страницы. Подняв на меня глаза, она слегка улыбнулась:

— По-моему, это очень тяжело для чтения.

— Вовсе нет, если только вас действительно интересуют затронутые здесь вопросы, — возразил я,

доставая другую книгу. — Но может быть, «Ведьмы еще живут» Тэды Кэньон покажется вам более интересной.

Мельком посмотрев на черную книгу с красным заглавием, она перевела на меня испуганный взгляд.

— Неужели? Я хочу сказать, они что... и правда существуют?

— Думаю, будет лучше, если вы сядете и все мне расскажете, мисс... мисс...

Ее зеленые глаза широко раскрылись от удивления.

— Вы меня не узнаете? — спросила девушка.

— Ваше лицо мне как будто знакомо, но...

Она откинула голову, тряхнув рыжими волосами, и рассмеялась.

— Ну и ну! Пожалуй, я бы не удивилась, если бы меня не узнали в какой-нибудь глуши вроде долины Озарк, или, например, на необитаемом острове в Атлантическом океане, но здесь, на Голливудском бульваре! Сказать по правде, для меня это не очень лестно!

— Наверное, вы киноактриса, — предположил я. — Вы должны меня извинить, поскольку мои интересы находятся совсем в иных сферах.

— Я так и поняла, — она окинула испуганным взглядом мои книги о волшебстве, вампирах, ликантропии, некромантии и тому подобных предметах, а также коллекцию колдовских и магических орудий и утвари из разных уголков мира.

— Я — Морган Лэйси, — сказала она. — Это имя вам что-нибудь говорит?

— Ну конечно, — ответил я. Она была звездой первой величины, и ее имя проникло даже в ту темную нишу, в которой я прятался от действительности.

— Чем я могу быть вам полезен, мисс Лэйси? Ведь вам нужна совсем не книга, правда?

— Да, мне нужна ваша помощь, но... — она посмотрела на открытую дверь, выходящую прямо на шумный бульвар. — Нет ли здесь более укромного места?

— Конечно, есть. Вот сюда, пожалуйста, — я провел ее в свой кабинет, находившийся в глубине помещения за рядом полок. Усадив ее, я налил ей рюмку «хеннесси» — превосходного коньяка, который я держу для своих лучших клиентов, и приготовился слушать.

— Все это... довольно необычно. Я хочу сказать, все это так странно... А может быть, я просто схожу с ума. Я, конечно, знаю, что всякое волшебство и магия — просто выдумки, однако...

— Говорите со мной так, как будто я ваш друг-психотерапевт, — сказал я ободряюще.

— Хорошо, постараюсь. — Глубоко вздохнув, девушка посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц. Она слегка покраснела, ее высокие остроконечные груди быстро вздымались и опускались, и мой пульс участился, вторя этому ритму. Ох, как она была хороша, эта Морган Лэйси! Глаза ее как будто вобрали в себя загадочный зеленоватый сумрак морских глубин, волосы переливались всеми оттенками золотистого цвета осени в Новой Англии, ноги были длинными и безупречно стройными.

— Вы правильно угадали, что я пришла сюда совсем не за книгой. Мне вас рекомендовал один человек, которому я доверяю. Честно говоря, мистер Дженьери, вы — моя последняя надежда. — Она замолчала и нервно провела языком по нижней губе. — Я очень, очень напугана и хочу повторить свой вопрос: существуют ли в наше время ведьмы? Существовали ли они вообще когда-нибудь? Может ли женщина из Голливуда быть ведьмой? Может ли она обладать колдовской силой? И может ли она с помощью этой силы меня убить?

— Это уже несколько вопросов.

— Да, но мне сказали, что вы ответите на них.

— Разумеется. И ответом на все эти вопросы будут два слова: «Да, но...»

— Объясните, пожалуйста, что вы хотите этим сказать?

— Да, ведьмы существуют. Они существовали всегда. Они обладают силой, которая убивает. НО, ведьмы — это совсем не то, что о них думают суеверные люди. Они наделены силой, но, ручаюсь вам, это не более чем сила психологического воздействия. Они убивают, но не каким-то сверхъестественным способом. Их оружие — страх. Они ничего не смогут вам сделать, если будут приняты соответствующие контрмеры.

Морган облегченно вздохнула.

— Я рада это слышать, потому что нахожусь в опасности. Одна женщина хочет меня убить. Она грозит сделать это с помощью колдовства.

— Почему она хочет убить вас, мисс Лэйси?

— Вот в этом-то все и дело! Как раз из-за всего этого я и подозреваю, что сошла с ума.

— Расскажите мне все. Почему она говорит, что хочет убить вас?

— Потому что... двое людей приняли меня за кого-то другого. Возможно, они задумали какое-то чудовищное мошенничество, какой-то трюк, розыгрыш или Бог знает что еще.

— Не могу похвастаться, что я хоть что-нибудь понял.

— Вам знакомо название Лохлэнн? Я напряг память.

— Да. Согласно кельтским преданиям, Лохлэнн — это иной мир, вернее, ОДИН из кельтских иных миров. Вообще, в кельтской мифологии насчитываются десятки миров — под небом и под землей. Тир э Бео, Тир Эйт, Маг-Мор, Тир Онан-Ог и Аннон — вот названия лишь нескольких. Лохлэнн — подводная страна и, если верить преданию, — родина ведьм и колдунов.

— Значит, это сказочная страна? Не какое-нибудь место на краю Земли?

— Нет. Страна эта существует только в творениях кельтских бардов.

— Значит, там и королевы нет, правда? Королевы Лохлэнна, отправленной в ссылку маленькой девочкой, у которой из памяти было стерто все прошлое?

Я выпрямился на стуле.

— Пожалуй, будет лучше, если вы расскажете мне все по порядку.

— Хорошо. — Она протянула рюмку, и я плеснул ей еще коньяку. — Все это началось несколько недель тому назад. Я гостила в Кармеле, в доме одного из тех людей, которые, похоже, коллекционируют чудаков с не меньшей страстью, чем другие собирают, скажем, антиквариат. В один из выходных там давали прием, на который и пригласили эту странную пару. Лорд Сион и его жена леди Крэрви. Имена показались мне странными. Несмотря на титулы, они звучали не совсем по-английски.

— Думаю, валлийские. Или же кельтские. А что собой представляла эта чета?

— Одно слово — странные. Они выглядели еще более нелепо, чем хиппи и дети-цветы, которых среди приглашенных было очень много. Лорд Сион ростом гораздо выше шести футов, [\[1\]](#) худощавый, держится очень прямо. У него длинная черная борода. Одет он был в белую мантию, на шее — цепь с эмблемой, но не такой, как у хиппи. Женщина была просто красавицей, тоже в белой мантии, только короче, обута в сандалии, распущенные волосы доходили ей чуть ли не до бедер. Но меня испугала не их внешность, а то, как они себя повели. Увидев меня, они просто оцепенели от удивления, а придя в себя, бросились ко мне и — вы не поверите — упали передо мной на колени. Они называли меня королевой Морриган. Все зовут меня Морган Лэйси, но в моем свидетельстве о рождении записано Морриган. С тех пор, как я в Голливуде, я не ношу это имя и не могу понять, откуда они его узнали.

— И что же было потом?

— Конечно, я им сказала, что не понимаю, о чем это они говорят. Мужчина пытался убедить меня, что мою память заблокировали, заставив меня забыть, что я — Морриган, королева Лохлэнна. Вам это о чем-нибудь говорит, мистер Дженъери?

— Нет. Если в Лохлэнне и была королева, я не помню, как ее звали.

— Ну вот... все это звучало до того нелепо, особенно когда они стали уговаривать меня отправиться с ними. Надеюсь, вы догадываетесь, что я постаралась побыстрее оттуда удрать.

— Куда они вас звали? Что именно говорили?

— Они что-то говорили о моем отце, короле Аравне, что он якобы умер, и я должна прибыть в Лохлэнн к празднику Бельтене, потому что... как же они их называли... а-а-а, да, Дети Ллира стучат в ворота самого Каэр Ригора.

Я записывал некоторые имена и названия. Морган, помолчав, взглянула на мои записи и снова спросила:

— Это вам о чем-нибудь говорит? Я пожал плечами.

— Дети Ллира, согласно кельтской мифологии, — жители моря. Ллир — морской бог, кельтский аналог древнегреческого Посейдона. Каэр Ригор — королевский замок или что-то в этом роде. Ваши друзья как минимум хорошо знакомы с кельтской мифологией.

— Я была уверена, что они затеяли какое-то мошенничество или планируют похищение. Поэтому, как я уже сказала, я оттуда немедленно уехала.

— И больше вы этих двоих не видели?

— Наяву — нет, — сказала она изменившимся голосом.

— Что вы имеете в виду?

— Я... я видела во сне, будто они вошли в мою спальню. Сначала мужчина, а следом за ним и женщина. Они снова стали умолять меня вернуться вместе с ними в Лохлэнн. Старались убедить меня в том, что я очень нужна моему народу. Они сказали, что если я оставлю Лохлэнн в беде, он погибнет — Нью, водная бездна, поглотит его, и Дети Ллира будут разгуливать по улицам Каэр Ригора и Клас Мирддина, а Рот Фэйл, колесо света, никогда больше не озарит лица людей.

— Вы разговаривали с ними в этом сне? — я почувствовал, что поневоле заинтересовался этим случаем.

— Я... да. Я спросила лорда Сиона, на самом ли деле они находятся в моей спальне или сняты мне.

— И что он ответил?

— Он ответил, что по-прежнему находится в Кармеле и общается со мной при помощи таг хайрма. — Она вопросительно посмотрела на меня.

— Таг хайрм — это передача мыслей и образов на расстоянии. Кельтские волшебники умели проделывать подобное с помощью заклинаний, — объяснил я.

— Он говорил о моем народе, который называл фоморианами. Сказал, что они населяли Лохлэнн от начала времен и что злой бог Ллир хочет разрушить страну и истребить ее жителей. И только если я, королева Морриган, вернусь и возглавлю праздник Бельтене, Детей Ллира можно будет оттеснить от ворот Лохлэнна.

— Он не объяснил, каким образом вы могли бы вернуться туда?

— Сказал, что я должна сначала плыть морем, а потом — через Каэр Педриван.

— Каэр Педриван, Вращающийся Замок. Вы сами или ваши друзья совсем неплохо знакомы с наследием кельтских бардов.

— Ну, что касается меня, я ничего подобного никогда не читала. После выхода из приюта я вообще ничем всерьез не интересовалась, кроме кинематографа.

Мои брови взметнулись вверх от удивления, и я быстро плеснул себе в стакан бренди.

— Так вы что, сирота?

— Да. Забыла вам об этом рассказать. Мои родители погибли в авиакатастрофе, когда мне было девять лет. Меня нашли, когда я бродила среди обломков самолета. Никто не мог понять, как мне удалось

уцелеть, а сама я после пережитого шока не могла ничего вспомнить.

— У вас не осталось никого из родни?

— Нет, никого. Мои родители вели, мягко говоря, нетрадиционный образ жизни. Много лет они прожили в Европе, без конца путешествовали — по ирландским паспортам, но в Ирландии, похоже, не имели ни корней, ни каких-либо родственных уз.

— Да, загадка, связанная с вашим прошлым, вносит некоторую долю достоверности в рассказ ваших друзей, и все становится более интересным.

— Вы хотите сказать — более пугающим?.

— Меня интригует еще одно — ваше имя.

— Мое имя? — она была озадачена.

— Да. Имя Морган может быть связано с Морган Ле Фэй из легенды о короле Артуре или с некоторыми разновидностями бэнши,^[2] появлявшимися близ воды. Имя Морриган носила великая королева из ирландской легенды, чьим символом была черная ворона. Согласно некоторым версиям, королева была замужем за Тетрой, предводителем фомориан.

— Неужели вы поверили во все это?

— Нет, но я вижу здесь целый ряд довольно любопытных совпадений.

— А я ведь еще не рассказала вам о другой женщине.

— Которая тоже уговаривала вас вернуться в Лохлэнн?

— О нет! Она грозила убить меня с помощью колдовства, уверяя, что она и есть законная наследница престола, а я — самозванка.

— Так-так, — пробормотал я, соединив кончики пальцев и разглядывая их, — расскажите мне о ней.

— Это высокая, стройная девушка лет двадцати с небольшим, довольно миловидная, с черными как смоль волосами и еще более черными глазами. Как-то раз вечером я выходила из телестудии после шоу-программы с интервью, и вдруг она возникла передо мной. Девушка была вне себя от ярости, а голос был полон ненависти, когда она говорила: «Так значит, эти два дурака объявили тебя королевой и собираются взять с собой в Лохлэнн!» Я ответила: «Не понимаю, о чем вы». Она засмеялась: «Ты лжешь! Лорд Сион и его безмозглая жена два года рыскали по всей Земле, чтобы найти тебя. И теперь они думают, что нашли настоящую королеву, но мы-то знаем, что это не так, не правда ли, дорогая сестричка?!»

Испугавшись, я хотела отстраниться, но она больно сжала мою руку: «Ты умрешь прежде, чем достигнешь Каэр Ригора! Я обещаю тебе это! Я, Эннис, обещаю тебе это, а ты ведь знаешь, что в колдовстве я сильнее тебя! Ты знаешь, что я посвящена Бранвен и что она мне поможет. Если ты будешь претендовать на мой законный титул королевы, ты умрешь! Если слушаешь Сиона и его жену, ты умрешь! И весьма мучительной смертью!»

Морган Лэйси замолчала и испуганно оглянулась, как будто опасаясь, что сию же минуту призрак темноволосой незнакомки появится в моем кабинете. Потом она снова взглянула на меня и продолжила:

— И после этого... она как бы растаяла, то есть буквально... исчезла.

— Может быть, она просто смешалась с толпой? — предположил я.

— Не знаю. Тогда мне так не показалось.

— Или произнесла «фит-фат» — заклинание, делающее невидимым.

— Значит, вы все-таки в это верите? — спросила Морган, и ее зеленые глаза потемнели от страха.

— Не совсем, но кое-какие вопросы у меня в связи с этим возникают. Например... — Я встал, снял с полки книгу Льюиса Спенса «Мифология Британских островов», открыл ее и, прочитав две страницы, посмотрел на Морган. — Все имена, которые вы упомянули, принадлежат кельнским богам и богиням, имеющим отношение к морю. Давайте-ка я вам немного о них прочитаю.

Я стал читать ей с начала двадцать седьмой страницы: «Ллир Лледиат или Ллир Иноземный... жена его известна под именем Иверидд или Ирланд, данные обстоятельства ясно указывают на его ирландское происхождение. От этого брака у него была дочь, Бранвен Благостное Лоно, богиня любви, аналог пеннорожденной Афродиты, или Венеры».

Я улыбнулся девушке.

— Так что если в словах напугавшей вас незнакомки есть хоть доля правды, она, по-видимому, не кто иная, как сама Бранвен Благостное Лоно, дочь Ллира, одна из его Детей, о которых говорил лорд Сион.

— Значит, Эннис пугала меня тем, что она посвящена морю, и это наделяет ее сверхъестественной силой?

— Возможно, но не забывайте, что Бранвен — еще и богиня любви, а согласно мифам такие богини любви, как Афродита и в особенности — Иштар, активно покровительствуют колдовству.

— А есть ли там что-нибудь о моем имени? — спросила она.

— Оно также связано с морем, — ответил я и прочел ей вслух: — «Средневековая легенда повествует о феномене, известном под названием „Фата Моргана“. Это мираж, который часто предстает перед рыбаками во время летнего сезона. У самого края горизонта люди вдруг видят гигантские колонны, башни выше облаков, великолепные дворцы...»

— Может быть, этот мираж — Лохлэнн?

— Если поверить в то, что Лохлэнн — подводная страна, то «Фата Моргана» может быть ее отражением.

— Но мое имя Морган, а не Моргана, так что ко мне это не имеет отношения.

— Морган — просто слегка измененное Моргана.

— Но в книге ни разу не упоминается Морган, не так ли?

И тогда я прочитал ей следующее:

— «...но слово моргай в некоторых кельтских диалектах по смыслу связано с морем. В Бретани морган — русалка, или морская дева. Морганы острова Ушант обитают в подводном дворце, смертные, которых они любят, могут жить с ними там без всякого ущерба для себя. Согласно французскому фольклору, моргай пленяется смертными мужчинами, но не может насладиться их любовью, поскольку они умирают от одного ее прикосновения».

— О Боже мой! — выдохнула Морган.

— У вас проблемы в личной жизни, мисс Лэйси?

— У меня... все в порядке... с чего бы у меня были проблемы? — сказала она, между тем как взгляд ее выдавал неуверенность и тревогу.

— Как хотите, но думаю, будет лучше, если вы мне все расскажете.

— Хорошо. Не знаю, по-моему, это не более чем совпадения, чудовищные недоразумения. В общем, год тому назад я была помолвлена. За два дня до свадьбы Пол — Пол Гюнтер, драматург, умер. Это произошло сразу после того как я покинула его, проводя с ним... довольно интимный вечер... Врач сказал, что это сердце... что он умер от сердечного приступа.

— Но вы этому не верите?

— Полу было всего тридцать три, и он был в прекрасной форме.

— А другие? Чем кончились остальные любовные связи?

— Было еще двое. Билл Эллис, актер... Мы были вместе только однажды, и он после этого умер от заражения крови. Не странно ли это, мистер Дженьери, — умереть от заражения крови в наш век антибиотиков и пенициллина? Потом был Дэвид Кинг. Он покончил с собой наутро после того как мы были... вместе.

— Трое мужчин, и все умерли, — пробормотал я вполголоса. И немедленно призвал на помощь всю свою выдержку, чтобы противостоять чарам Морган Лэйси. Надо положить конец разгоревшимся было мечтам о близости с нею, добившись которой, трое молодых здоровых парней, похоже, поплатились за это головой.

Тут я увидел, что она дрожит и, того и гляди, расплачется. Я осторожно погладил ее по плечу.

— Вы же знаете, что это все чепуха. Абсолютная чушь.

— И угроза этой женщины убить меня — тоже чушь?

— Ну разумеется. Ведь колдовство здесь не действует.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Что вы имеете в виду под словом «здесь»?

— Мы живем в странном мире, — сказал я ей. — В мире, где механические чудовища угрожают нам на каждом шагу. Самолеты летают без всякой видимой причины, автомобили крадутся за вами следом, когда вы идете по улице.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— Вы немножко параноик, да? Самолеты летают по вполне ясным причинам, и автомобили никогда ни за кем не крадутся, просто ездят по дорогам.

— Нет, параноик не я, а скорее — весь этот мир. Мое волшебство здесь не действует. С самого детства я знал, что наделен могуществом, но мне так и не удалось его применить. Я серьезно учился, прочитал множество старинных книг, глубоко исследовал оккультизм, соблюдал все ритуалы, но ничего не помогает.

Она явно собиралась встать и уйти.

— По-моему, вы нуждаетесь в помощи больше, чем я.

— Нет-нет, подождите, — взмолился я. — Я рассказал вам все это, только чтобы уверить вас, что девушка, называющая себя Эннис, не может причинить вам вред в пределах этого мира, во всяком случае, с помощью колдовства.

Морган снова села.

— Я понимаю, что это так. Однако в ее голосе звучала такая угроза, что...

— Ну, конечно, угроза была непосредственна и реальна. В этом вся суть игры. Поймите, ведовство — это игра, инструментом которой служит психологический террор. Никакой реальной силой, кроме силы внушения, оно не обладает, но эта угроза — прекрасный пример отрицательного психологического воздействия, в данном случае — успешного запугивания. Именно поэтому вы не должны поддаваться страху и панике. Иначе вы будете работать на тех, кто хочет расправиться с вами.

Морган улыбнулась, но глаза ее остались серьезными.

— Ведовство находит слабые Места в эмоциональной структуре личности. Для уничтожения своей жертвы оно делает ставку на доверчивость и мнительность. Представьте, что кому-то внушили, будто на него навели порчу. Сначала это кажется шуткой, но если человеку постоянно об этом напоминают и убеждают, что он должен почувствовать это на себе, то он начинает воспринимать «порчу» все более серьезно, все время думает об этом, у него портится пищеварение и исчезает способность критически воспринимать окружающее.

— Так вы говорите, что это не опасно?

— Нет. Я говорю, что в так называемом колдовстве нет ничего сверхъестественного. Но это не означает, что оно не опасно. Напротив, все, связанное с колдовством, очень опасно. От него погибли миллионы людей, и, без сомнения, погибнет еще столько же.

Ее глаза снова расширились, а красивые губы сжались от страха. Мне непреодолимо захотелось прижать к ним свои, чтобы успокоить ее — наплевать, Морган она или нет. Но трое парней погибли от подобных действий...

— Из тех, кто стал его жертвой, — со вздохом продолжил я свою лекцию, — ни один не умер от колдовства как такового. Ни одна смерть не явилась результатом того, что чье-то восковое изображение искололи булавками или по ком-то спели песню смерти. Все так называемые жертвы колдовства, узнав о подобных действиях против них, умерли просто от страха.

Морган чуть-чуть расслабилась, откинулась на стуле и снова вытянула вперед свои длинные стройные ноги.

— Несмотря на ваши странные идеи, вы мне уже немного помогли, — сказала она. — Вы не представляете, как мне было страшно. Страх не покидал меня последние несколько дней.

— Любого человека порой по разным причинам охватывает страх. Но всегда есть способы избавиться от него.

Я налил нам с ней еще по глотку коньяку.

— Вот один из них, а вот другой, — с этими словами я достал из ящика стола амулет на золотой цепочке.

Она потягивала коньяк, рассматривая меня поверх стакана.

— Знаете, я вас себе представляла совсем другим. Думала, что вы сутулый и узкоплечий, близорукий, с бородавкой на носу, страшно ученый. А вы, оказывается, ростом не меньше шести футов четырех дюймов, да и плечи у вас, как у полузащитника из «Рэма».

— А я и был полузащитником, только не в «Рэме». Люблю спортивные игры вроде футбола, где не требуется никаких механических приспособлений и вообще никакой механики.

— Вы сумасшедший, — улыбнулась она. — Но здесь с вами я чувствую себя в безопасности. Впервые с тех пор, как все это началось.

— Так и должно быть, — веско сказал я. — Это место защищено моими заклинаниями и колдовством.

— Но вы только что сказали, что колдовства не существует.

— Так ведь колдовство — это игра, и чтобы выиграть в ней, надо просто придерживаться определенных правил.

Ее улыбка внезапно погасла, и она снова нахмурилась. Я понял, что девушка суеверна и принимает всерьез опасность, которой подвергается. Я протянул ей амулет, вынутый из ящика.

— Давайте-ка я вам его надену.

— Что это? — спросила она, исследуя надпись на амулете.

— Вы когда-нибудь слышали о камне Соломона? О камне мудрости и власти?

— По-моему, нет. — Я придвинулся ближе, надевая ей на шею цепочку и застегивая ее. Легкий аромат духов, исходивший от ее волос, взволновал меня.

Руки не очень хорошо меня слушались, но зато голосом я овладел вполне, невозмутимо рассказывая ей о камне:

— Восточная легенда гласит, что частица камня Соломона предохраняет того, кто ее носит, от любого колдовства, глаза, порчи и вообще от всякого зла.

Я не добавил при этом, что ящик моего стола полон таких амулетов, сделанных по моему заказу лос-анджелесским ювелиром. Ей совершенно незачем было знать, что для меня они — всего лишь инструмент воздействия на эмоциональную, суеверную сторону личности моих клиентов, в то время как моя убежденность и критичность вызывает к их логике.

Ее близость и сознание того, что она — прекрасная, желанная женщина, а я — молодой и крепкий мужчина, кружили мне голову, но имя Морган и рассказанная ею история охлаждали мой пыл. Мне очень хотелось ее поцеловать, и ей, без сомнения, хотелось того же, но я сделал шаг назад и заложил руки за спину.

Чтобы скрыть возникшую неловкость, я спросил:

— С тех пор, как вы повстречали эту девушку, которая претендует на звание королевы, лорд Сион и его жена не давали о себе знать?

— Я их не видела, но слышала.

— Слышали?

— Да, голоса как будто звучали в моем сознании... вернее, даже не голоса... Я не слышала слов, но понимала, что меня убеждают вернуться в Лохлэнн. И каждый раз я заставляла себя противиться этим призывам, потому что Эннис убьет меня, если я отправлюсь туда.

— Никакого Лахлэнна и никакого волшебства нет! Надейтесь на камень Соломона. Он вам поможет.

— Да, да! Я сделаю, как вы говорите, — пообещала она, крепко сжав амулет в руке. — Я буду уповать на этот камень. Но вы тоже что-нибудь предпримете, правда?

— Прежде всего я постараюсь выяснить, кто за всем этим стоит. Мне хорошо известен мир оккультизма. Я осторожно разузнаю, что смогу, об этой троице, которая вас беспокоит. Я разгадаю их игру и — будьте уверены — покажу им, что тоже умею играть в колдовство.

Она встала, собираясь уйти, и, глядя на нее, я снова пожалел, что ее звали Морган. Не веря в колдовство, я все же считал, что лучше не рисковать.

После ее ухода я некоторое время сидел, уставясь на ряды книжных полок, пока мною снова не овладели мысли о моих собственных проблемах. Я вспомнил о большом двуручном мече, хранящемся в моей квартире, кольчуге, висевшей в шкафу, и о стоявшем высоко на полке большом боевом шлеме. Меч я нашел в одном из древних захоронений в горах Шотландии еще когда был студентом-археологом. Он, пожалуй, самое ценное, чем я владею. Я ненавидел мир, в котором жил, и всей душой стремился в другой — туда, где я мог бы носить шлем и кольчугу и где мне понадобился бы этот меч. В мир, где ясно, кто твой враг, и где можно сразиться с ним лицом к лицу в открытом бою — мечом так мечом, колдовством так колдовством. Я ненавидел мир, в котором жил, — с его автомобилями, самолетами, атомными бомбами и нервно-паралитическими газами. Я ненавидел его с тех пор, как себя помнил, с тех пор, как начал понимать, что он собой представляет. Я бы с великой радостью поменял его на любой другой, особенно на такой, как Лохлэнн, где правит волшебство и где действовали бы мои заклинания.

Но другие миры не существовали. Был только этот с его сумасшедшей реальностью. Только этот, где я вынужден каждый божий день зарабатывать себе на жизнь. Я проведу следствие по делу Морган Лэйси, но навряд ли его разгадка окажется интересной, ведь все это наверняка чьи-то глупые козни или плутовские игры. Бескрайние вершины «Фата Моргана» растают без следа, как мираж, которым они и являются. Затем я буду по-прежнему продавать книги и фальшивые амулеты, отпугивать наглые машины и ухаживать за девицами вроде Пегги О'Ши.

Подумав о Пегги, я вспомнил о том парне с головой-ядром, который пытался добыть обрезки моих волос и ногтей. Да, в этом явно было что-то интересное... Хотел бы я знать, кто его подослал.

III

Следующие несколько дней не принесли результатов в расследовании, предпринятом мною для Морган Лэйси, хотя я осторожно порасспросил кое-кого в городе и побеседовал с множеством мошенников, выдающих себя за астрологов, и жуликов-предсказателей. Побывал я также и в святилище Образа Мазды, поговорил с самим Образом Мазды, но тот ничем не интересовался, кроме репутации своего бога.

Наконец я позвонил предводителю местных ведьм, который доверял мне, зная, что я не проболтаюсь об их шабашах.

— Нет ли чего-нибудь новенького? — спросил я, когда он взял трубку.

— Насчет дамского белья? Нет ничего нового. А что?

— Вы прекрасно знаете, о чем я. Это касается другой стороны вашей жизни.

— Ах, это вы, Дженъери! Чем я могу быть вам полезен?

— Известно ли вам что-нибудь о трех людях, появившихся у нас совсем недавно? Муж с женой, одетые как хиппи и называющие себя лордом Сионом и леди Крэрви, и девушка, которая говорит, что ее зовут Эннис или Бранвен.

— Они что, артисты-любители?

Этот тип явно ничего не знал. Мы немного поговорили о заклинаниях и черной магии, мне пришлось выслушать его жалобы на то, как трудно стало в наше время достать кисть руки казненного убийцы, чтобы использовать ее в качестве Руки Славы в Черной Мессе.

— Это все Верховный суд, — хныкал он. — Так нянчатся с этими преступниками, что в последнее время вообще никого не казнят.

Посочувствовав ему, я попрощался и повесил трубку, размышляя о том, что его слова скорее приличествовали бы главе местного филиала Общества Джона Берча,[\[3\]](#) чем предводителю шабашей ведьм. Но, может быть, разница между ними не столь уж и велика, подумал я. Оба живут в своих маленьких нереальных мирах, так же как и я в своем.

В конце концов мне пришлось позвонить Морган Лэйси и сказать, что я не очень далеко продвинулся в своем расследовании о ее странных друзьях. Она отнеслась к моему сообщению совершенно равнодушно, что меня встревожило.

— У вас не было с ними новых встреч? — спросил я.

— Нет, только голоса.

— Не обращайтесь на них внимания, — уговаривал я ее, — не поддавайтесь им и надейтесь на камень

Соломона.

Она пообещала, что так и сделает, и я повесил трубку. Было уже начало девятого, и я почувствовал, что здорово устал. Решив, что на сегодня хватит, я собрался пойти выпить, запер магазин и, прождав минут двадцать, пока на участке шоссе длиной в полквартиры не оказалось ни одной машины, бегом пересек бульвар, направляясь к «Медному гонгу».

Однако попал я туда совсем не так скоро, как рассчитывал, потому что столкнулся с круглоголовым парнем. Я увидел его, когда сворачивал в проход, ведущий к боковой двери бара. Он явно меня поджидал. Я сразу узнал его по описанию Анжело.

Мы заметили друг друга одновременно, и он молча пошел на меня, нагнув голову и сжимая в руке дубинку.

Я никогда не ношу оружия. Автоматическое оружие я терпеть не могу, а мой огромный меч выглядел бы довольно странно в сочетании с костюмом от братьев Брукс.^[4] Но драться я, скажу не хвастаясь, умею неплохо, и обычно мне удается разделаться с противником быстро и красиво. Не люблю размениваться на мелкие удары и зуботычины средней тяжести. Другое дело — сразу вырубить молодчика. Это проще и удобнее для обеих сторон.

Круглоголовый метил своей дубинкой мне в висок, и я знал, что в этом ударе он обрушит на меня все свои двести с лишним фунтов^[5] веса. Я наклонил голову, и удар пришелся мне по плечу. Было больно, но я не пытался уклониться от удара, потому что это сближение дало мне возможность изо всех сил двинуть его коленом в пах. Как только он начал падать, я применил прием каратэ, ударив его ребром ладони по горлу. Он потерял сознание, не успев даже как следует удивиться.

Склонившись над ним, я перевернул его на спину и в одном из карманов нащупал бумажник. В нем оказались водительские права на имя Уильяма Стедмэна, около пятидесяти долларов и несколько карточек. Ни паспорта, ни амулетов. Из другого кармана я вытащил пистолет тридцать второго калибра и, содрогаясь от омерзения, разрядил его, высыпав патроны. Положив пистолет на место, я поднял парня за лацканы пиджака, потряхнул его и похлопал по физиономии.

— Просыпайся, Стедмэн! Слышишь, пора вставать! Он дернулся, глаза его наполовину открылись, и в них тотчас же вспыхнула ненависть.

— Кто тебя послал? — спросил я. — И чего тебе от меня надо?

— Катись к черту! — пробормотал он.

Я стукнул его по губам и опрокинул на тротуар затылком вниз. Он согнул ногу в колене, собираясь ударить меня в пах, но я был начеку и, уклонившись, ответил ему пинком. Еще пару раз я стукнул его затылком о тротуар, достаточно твердый, чтобы даже его череп это почувствовал.

— Перестань! — завопил он. — Ты что, проклятый, убить меня хочешь?

— Больно ты мне нужен, дурак! Мне надо всего лишь, чтобы ты ответил на пару моих вопросов.

Он упрямо замотал головой, не помогши даже несколькими новыми ударами о тротуар. Тогда я кое о чем вспомнил, усмехнулся и вынул из кармана пиджака конверт, полученный сегодня утром по почте.

— Ты вчера стригся, ведь правда, Стедмэн? — спросил я.

— Что?! Ты это о чем?!

— Вот твои волосы, — сказал я, показывая ему несколько обрезков светлых волос, присланных мне Анжело.

— Мои?!!

— Можешь мне поверить. А моих у тебя, я знаю, нет.

Даже в неярком уличном свете было видно, что он смертельно побледнел.

— Что... что ты хочешь знать?

— Кто тебя послал?

— Меня?.. Лорд Сион...

— Зачем?

— Мне велели добыть обрезки твоих волос — магическое оружие против тебя. Леди Крэрви — ясновидящая. Она заранее знала, что королева Морриган обратится к тебе за советом.

— Вы, ребята, действуете непрофессионально. Это не внушает уважения к вашей компании. Он умоляюще уставился на меня.

— Мои волосы... Теперь ты их отдашь мне?

— Разумеется. Держи! — я протянул ему конверт. Он поднялся на ноги, отирая кровь, струившуюся у него изо рта и из носа.

— Ты мне за это ответишь, Дженъери! Я тебя достану, так и знай!

— Катись-ка лучше отсюда, пока зубы целы! — и я шагнул к нему.

Парень, отскочив, сунул руку в карман и вытащил пистолет. Я ударил его, и он упал на колени. Ужасно не хотелось снова прикасаться к этой штуке, однако я выкрутил ему руку, выхватил пистолет и навел прямо на его физиономию.

— Он разряжен, ты, безмозглый подонок! Он так же пуст, как твоя дурная башка! А теперь убирайся отсюда!

Продолжая ругаться, он вскочил на ноги и припустил по улице, окинув меня на прощание взглядом, который должен был выражать угрозу, но на деле только добавил нелепости и комизма его фигуре, потому что он тут же бросился бежать, спасаясь от пинка, который я хотел дать ему напоследок.

— А если посмеешь сунуться еще, ты у меня проглотить эту свою пушку! — крикнул я ему вдогонку.

Убедившись, что его и след простыл, я наклонился и поднял оброненный им платок. Платок был в крови. Я аккуратно свернул его и сунул в карман. Кровь человека является частью его организма, и среди колдунов считается, что ее можно очень эффективно использовать в колдовских манипуляциях. Если нам со Стедмэном когда-нибудь доведется сражаться колдовскими способами, я буду хорошо вооружен. С этой обнадеживающей мыслью я открыл дверь и вошел в «Медный гонг».

Примерно с минуту я оглядывал зал в поисках подходящего места, пока наконец не нашел его — на приличном расстоянии от кондиционера и достаточно далеко от музыкального автомата и автомата по продаже сигарет. Пока я шел туда, кондиционер зашипел на меня, а автомат с сигаретами злобно сверкнул своими лампочками. Я окинул их свирепым взглядом, потом заказал и выпил свою первую порцию.

— Как поживаете, мистер Дженъери? — спросил бармен, подавая мне вторую порцию без всяких просьб с моей стороны. Он знал, что первые три скотча я выпиваю залпом один за другим.

— Спасибо. Теперь совсем хорошо.

— Собираетесь сегодня напиться?

— Да. Я считаю, что алкоголь — прекрасное средство для отпугивания механических чудовищ.

— Прошу прощения, о чем вы?

— Вы не слышали, как ваш кондиционер на меня зашипел, когда я сюда вошел?

— Зашипел на вас? Ну, если вы так говорите, значит, так оно и было. Наверное, с ним что-то не в порядке. Надо будет попросить монтера проверить, в чем дело.

— Не надо, — возразил я. — Уверен, что лучше с ними не связываться. Если с парнем что-то случится, я буду чувствовать себя косвенно виновным в кровопролитии, даже если это будет кровь колдуна, усмиряющего такие чудовища.

Бармен озадаченно посмотрел на меня и, уходя, пробормотал:

— Конечно, конечно, мистер Дженъери. Пойду принесу вам еще выпить.

После нескольких порций джина я почувствовал себя намного лучше. Настолько лучше, что стал

воспринимать музыкальный автомат как приспособление для проигрывания пластинок, а не как чудовище, подстерегающее свои жертвы в ночи. Еще через несколько минут я настолько ощутил себя частью этого мира, что прошел к автомату через весь зал и опустил в щель четвертак. К сожалению, в его репертуаре не было «Танца Ужасов» или какой-нибудь другой хорошей ведьмовской музыки, и я остановил свой выбор на трех песнях «Битлз».

Когда я не без труда возвращался на свое место, из-за ближайшего столика поднялась девушка и буквально налетела на меня.

— Ох, извините. Боюсь, я был неловок, — пробормотал я. — Похоже, меня кто-то толкнул. — Молодая леди была одета в мини-платье, сшитое из полупрозрачного материала, с таким большим декольте, что было совершенно непонятно, как оно не соскользнет с ее стройного тела, разве что его удерживала колдовская сила.

— Это не ваша вина, — возразила она, отбрасывая назад свои темные волосы и глядя на меня снизу вверх черными глазами. — Я нарочно столкнулась с вами. Я наблюдаю за вами с тех пор, как вы здесь появились.

— Если вы из психиатрической лечебницы, я пойду с вами и буду вести себя тихо. Я жду вас с тех пор, как все о НИХ узнал.

— О них? — спросила она удивленно и с оттенком беспокойства.

— Об этих механических штуках, которые нас окружают. О машинах и самолетах, которые на самом деле не более чем орудия колдунов и некро... некромантов.

Девушка улыбнулась.

— Похоже, вы немного выпили.

— Понимаете, стоит мне как следует напиться, и все становится на место, мне удается более или менее примириться с тем, что мы называем реальностью. Так вы сказали, вы из Камарильо? Или из больницы Со ном а?

— Ничего подобного я не говорила! — произнесла она таким тоном, как будто само собой разумелось, что появилась она из Зазеркалья. Черт возьми, мне именно так и показалось! Девушка была красива какой-то нереальной, неземной красотой.

— Вижу, белые халаты у вас больше не в ходу. Ваше платье — просто чудо, но я никак не думал, что в дурдоме можно носить такое вместо униформы.

— Успокойтесь. Меня совершенно не волнует состояние вашей психики.

Я замолчал, стараясь получше ее разглядеть. После четырех двойных скотчей мне было непросто удержать ее в одном положении: девушка покачивалась, то появляясь в фокусе моего взгляда, то исчезая.

— А что же тогда вас во мне интересует? — спросил я, пытаюсь придать своему голосу и осанке как можно больше достоинства.

Она придвинулась так близко, что ее грудь коснулась моей рубашки.

— Почему бы вам не пойти со мной, чтобы это выяснить?

Теперь до меня наконец дошло, чего она хотела, несмотря на алкогольный туман, окутавший мое сознание, и когда она, повернувшись, вышла из бара, изящно покачивая стройными бедрами, я послушно, как хорошо вышколенный солдат, последовал за ней в ночную тьму.

С минуту я стоял неподвижно, озираясь вокруг. Механические чудовища, сновавшие туда-сюда по Голливудскому бульвару, визжа, как свора гончих, благодаря колдовским снадобьям бармена Бена, казались мне почти безопасными, похожими на дружелюбных мастифов которые могут, играя, вонзить зубы в вашу руку, но никогда не схватят за горло.

Только так в этом мире можно было бороться с колдовством. Его побеждали самые обыкновенные средства — хороший скотч, снотворное, способное заглушить пронзительный рев самолетов, поднимающихся в небо, чтобы наводить на всех ужас. Вот почему мои заклинания не действовали — более

сильные средства, разлитые по бутылкам, имелись в любом баре.

Девушка шла вперед. Она была совершенно уверена, что я иду следом, и даже не оглядывалась. Я пожал плечами и двинулся за ней. Догнал ее и спросил:

— Так в чем, собственно, дело?

— В нескольких шагах отсюда стоит моя машина, — ответила она низким хрипловатым голосом.

Несмотря на состояние алкогольной эйфории, упоминание о машине заставило меня похолодеть. Вот, выходит, какой ведьмой она была!

— Чего вы от меня хотите? — спросил я.

— А ты разве не догадываешься? — прошептала она, отводя меня в тень.

— Я...

Но она не дала мне договорить, быстро прижав свои губы к моим.

— Ну, теперь понял?

— Д-да, понял... — Пульс мой участился. Догадываясь, чего она хотела, я не мог понять, почему для этого она выбрала именно меня и не было ли у нее еще чего-нибудь на уме.

— Тогда пошли, — скомандовала она, беря меня за руку.

— Но у меня нет с собой денег, — признался я. В «Медном гонге» выпивку записывали на мой счет, так что кошелек мой и правда был совсем пуст.

— Идиот! Мне не нужны твои деньги! Я не проститутка! — бросила она, и ее черные глаза стали еще чернее. — Я сама могу дать тебе денег, если на то пошло!

Я ничего не понимал. Что это за игра? Такой красивой женщине безусловно нет нужды ходить по барам в поисках мужчины. Скорее ей понадобились бы телохранители, чтобы отгонять назойливых ухажеров. Нет, это не просто случайное знакомство.

Машина девушки, припаркованная в боковом переулке, оказалась приземистым чудовищем с кровожадной тигриной мордой. Она притаилась, явно поджидая меня, и, когда я ее увидел, кровь застыла у меня в жилах.

— Мы... мы с вами встретимся как-нибудь в другой раз, когда вы будете без своего автомобиля, — сказал я, отходя в сторону.

— Садитесь, — велела она, открывая дверцу и занимая место за рулем. При этом она продемонстрировала восхитительно стройные ножки в шелковых чулках.

— Нет, не могу, — вздохнул я с сожалением, ведь женщина с такими красивыми ногами наверняка должна быть прекрасна душой, а женщины с прекрасной душой — это, можно сказать, моя слабость!

— Что это с вами? — спросила она раздраженно.

— Я... я просто вспомнил, что обещал жене быть домой к ужину. У нас сегодня рубец с кислой капустой, так что, сами понимаете, я должен спешить.

— Это что, из-за машины? Вы никак боитесь ее?!

— Я? Боюсь этой милой киски? — Вытянув руку, я осторожно дотронулся до гладкой кожи чудовища, когда оно перестало рычать. — С чего бы мне ее бояться?

— Выходит, вам не нравлюсь я, — произнесла она, откидываясь на сиденье.

— Помилуйте, не будь вы даже такой красавицей, одни ваши ножки хоть кого с ума сведут!

— Тогда в чем же дело? — Она вышла из машины и прильнула ко мне. Ее помада пахла вишней и ананасом, и поцелуем, который продолжался чуть меньше вечности, она, казалось, вытянула из меня всю душу, всю волю к сопротивлению.

— Может, ты сомневаешься, буду ли я хороша в любви? — прошептала девушка. — Думаешь, я не

знаю, как доставить мужчине радость?

— Нет, дело не в этом, — ответил я, с трудом восстанавливая дыхание. — Я не сомневаюсь, что ты бесподобна во всем.

— Тогда садись в машину! И побыстрее! — приказала она.

— Я подвергся воздействию волшебства, изобретенного самой матерью-природой и потому гораздо более сильного, чем заклинание любого чародея, — все мои мысли и чувства заглушил голос плоти. Повинуясь ему, я сел в машину, впервые с тех пор, как стал себя помнить, совершив столь отчаянно неосторожный поступок.

Опустившись на сиденье рядом с девушкой, я задержал дыхание. Ничего не случилось. Животное было хорошо выдрессированным, возможно, даже вполне ручным. Почувствовав себя увереннее, я попытался обнять девушку.

— Не здесь, — сказала она. — Мы сейчас кое-куда поедem.

— Хорошо, но надеюсь, не очень далеко. — От одной мысли о том, что меня повезет куда-то во тьму это рычащее чудовище, мой позвоночник напрягся, а спинной мозг, казалось, начал таять.

— Не очень, — подтвердила она, трогаясь с места и выезжая на бульвар. — Это там, в горах.

Через несколько минут мы уже мчались по автостраде, и я пригнулся на сиденье, прячась от других чудовищ, обгонявших нас. Мне показалось, что одно из них учуяло меня и собралось напасть на машину, в которой ехали мы, и я отчетливо представил себе, как они сцепились бы в схватке за мою кожу — встав на задние колеса, как два доисторических монстра, круша друг друга челюстями и ударяя по земле хвостами с горящими задними фарами.

Но вот мы съехали со скоростной дороги и стали подниматься в горы Санта-Моники.

— Эй, куда это мы? Здесь что, какой-нибудь укромный тупичок?

— Нет, гораздо лучше, — ответила девушка напряженно и взволнованно. — Это место, специально предназначенное для любви.

Вскоре мы свернули на узкую ухабистую дорогу.

— Так где же это? — спросил я.

— Уже совсем близко, — ответила она ободряюще. Я откинулся на сиденье и попытался расслабиться.

По крайней мере, других машин здесь не было, а мурлыкающему зверю, который нас вез, я уже мог немного доверять. Девушка свернула с дороги и остановила машину в небольшой рощице, раскинувшейся возле голой скалы.

— Вот мы и приехали, — сказала она.

— Но я ничего не вижу.

— Это там, выше, — она указала на небольшое каменное строение с дверью, но без окон. — Вот это и есть мой храм любви.

— Храм? — я озадаченно посмотрел на нее. — Не понимаю.

— Поймешь, — усмехнулась она. — Сейчас ты все поймешь.

— Но я даже не знаю, как тебя зовут, — говорил я, идя вслед за ней.

Она улыбнулась, в темноте блеснули ее зубы.

— Можешь, если хочешь, называть меня Арлен.

— Это твое настоящее имя?

— Нет. Поэтому я и хочу, чтобы ты меня так называл.

— А меня зовут...

— Молчи, я не должна этого знать, — сказала она, зажав мне рот надушенными пальцами.

— Не понимаю, почему?!

— Надо, чтобы мы не были знакомы. Так хочет богиня.

«Ну, держись, дружище!» — сказал я себе. Что за орешек мне попался на этот раз? Однажды я имел дело с девушкой, которая считала себя оборотнем и завлекла меня в лес, как оказалось, не для того, чтобы заняться любовью, а чтобы съесть меня. Потом я повстречал другую, считавшую себя новым воплощением Мессалины. На мне места живого не осталась после ее объятий!

Морган Лэйси бредила, что ей во владение навязывают королевство Лохлэнн, а теперь еще эта девица говорит мне о какой-то богине.

В молчании она провела меня мимо деревьев к каменному строению, вынула из сумочки ключ и вставила его в замок массивной деревянной двери, окованной железом.

— Послушай, я вспомнил, что обещал сопровождать мою бабушку на тренировку по каратэ, — сказал я. — А кроме того, мне здесь как-то не очень нравится.

Быстро обернувшись, она обвила руками мою шею.

— Тебе понравится. Обещаю, что тебе здесь очень понравится.

Я попытался отстраниться, хотя тепло ее рук на моей шее и ее тело, прижатое к моему, заставили мое сердце учащенно забиться.

— Пожалуйста, пойдем. Стыдно такому здоровенному парню бояться хрупкой девушки. Голос плоти вновь властно заговорил во мне, и побороть искушение было выше моих сил.

Я последовал за ней в темноту, дрожа от возбуждения и страха. Она вынула зажигалку, зажгла свечи, и в их колеблющемся свете я стал оглядываться кругом.

Внутри было почти так же голо, как и снаружи.

Помещение оказалось довольно просторным, в свое время оно наверняка служило складом, но сейчас в одном из его углов был устроен помост, на котором возвышалась статуя женщины с оголенной грудью. Стена позади изваяния была задрапирована тяжелыми ярко-красными портьерами, а перед помостом около дюжины складных стульев образовывали полукруг.

— Вот мы предстали перед тобой, Бранвен Благостное Лоно, — обратилась девушка к статуе, — о богиня любви и мудрости.

— О, будь я проклят! — воскликнул я, с неодобрением разглядывая великолепно изваянную и богато украшенную фигуру. Я-то думал, что знаком со всеми культами в Лос-Анджелесе и его окрестностях, но выходит, преувеличивал свою осведомленность. Зато смысл происшедшего со мной стал понемногу проясняться. Как я уже догадался, наша встреча не была случайной.

Девушка искала меня и нашла. Я понял это, услышав имя Бранвен. Значит, это она — девушка, которая угрожала Морган и объявляла себя настоящей королевой Лохлэнна, сказав также, что она посвящена Бранвен. Вне всякого сомнения, это она, и ее имя — Эннис. Я бы сразу об этом догадался, не будь я так околдован.

Тут взгляд мой упал на некий предмет, гораздо более удивительный, чем статуя. Высеченный из мрамора, он висел над своеобразным алтарем. Изящество и безупречность форм говорили о высоком мастерстве и умении. В том, что изображал сей предмет, не было ни малейшего сомнения, несмотря на некоторую дань стилизации. К счастью, я не умел краснеть, иначе мое лицо стало бы сейчас цвета зрелой свеклы.

Но девушка и без того заметила, в какое я пришел смятение, и весело рассмеялась.

— Ты никак шокирован творением наших мастеров? Находясь на чужбине, мы, изгнанники, храним символы, принятые у нас дома.

— А где ваш дом? — поинтересовался я.

— Очень далеко. За пределами этого мира, — ответила она серьезно.

— А зачем ЭТО там болтается?

— Ты прекрасно знаешь, что это такое. Это йони, символ женского начала жизни, символ Бранвен.

— Но боже мой, в церкви!

— А где же ему еще быть, как не в храме? Это ли не божественный ковчег, где заключены основы и тайны жизни, ее истоки и ее искушения?

— Мне кажется, что это слегка отдает богохульством.

— Глупости! Все зависит от индивидуального вкуса и воспитания. Мне, например, кажется богохульством почти все, что я вижу в этом городе!

— Представь, и мне тоже. Кстати, ты сказала: «Мы, изгнанники», так что выходит, в Лос-Анджелесе есть и другие приверженцы культа Бранвен. Я-то был уверен, что она — древнекельтская богиня.

— Она — богиня всех времен и народов, в том числе и кельтская. В Вавилоне ее называли Иштар, в Греции — Афродитой, в Риме — Венерой. Культ Великой Матери — древнейший в мире, он существует в веках, это самая жизнеутверждающая из всех человеческих религий, ведь в ее основе — продолжение рода.

Девушка подошла к алтарю и преклонила колени перед статуей, протянув к ней руки.

— О Бранвен, посмотри на нас, на то, что мы будем делать! Бранвен, благослови любовь, которой мы сейчас займемся во славу твою! Прими мою жертву и дай мне силы для долгого пути!

Я уставился ей в затылок. Неужели она собиралась заниматься со мной любовью прямо здесь, в этом храме? Я снова взглянул на пикантный символ, висевший над алтарем. Да, похоже, именно это и было у нее на уме.

Девушка повернулась и проследила за моим взглядом.

— Тебя это по-прежнему смущает?

— Да, — признался я. — Для меня это как-то слишком прямолинейно.

— Шокирует, потому что прямолинейно? — Ее, похоже, забавляло мое смущение. — На самом деле это один из древнейших символов человечества. Подобный ему в незапамятные времена вешали над входной дверью жилищ, а потом, забыв его символическое значение, заменили его лошадиной подковой. Там, откуда я родом, истинное значение символов до сих пор не забыто.

Она стала приближаться ко мне с горящими от возбуждения глазами.

— Бранвен смотрит на нас, я это чувствую. Мы должны очень постараться ради нее.

— Ну конечно, — ответил я, понимая, что все еще нахожусь в плену чар, изобретенных самой матерью-природой, которым невозможно противиться.

— Я должна обрести силу, — сказала девушка. — Я ДОЛЖНА, и только Бранвен может помочь мне в этом.

О какой такой силе она говорит? О колдовской силе, способной убивать, как она угрожала Морган Лэйси?

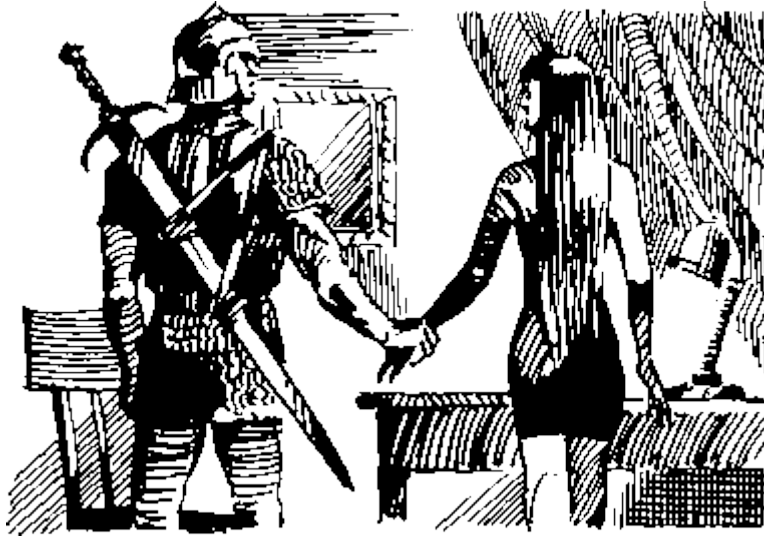
— Мне понадобится много сил, чтобы открыть путь в Каэр Педриван. Те, другие, уже во Вращающемся Замке, и я должна их догнать.

Говоря это, она сорвала с себя полупрозрачное платье и бросила его на пол.

Руки мои вспотели, пульс участился. Мне хотелось притянуть ее к себе, опрокинуть на постамент и овладеть ею со всей дикой страстью, которую она во мне возбуждала, но в ее черных глазах внезапно появился какой-то странный золотой отблеск, и я удержался. Я не верил, что таким образом она сможет обрести силу, о которой говорила. Все это я уже испробовал не один раз. Богу известно, я ничего не упустил, но мои заклинания не действовали. В этом мире безотказно работали только заклинания черных магов, именующих себя учеными и техниками.

Нет, ничего сверхъестественного из этого, конечно, не получится, но с меня достаточно и того, что сейчас произойдет между нами... Я жадно потянулся к ней.

IV

— Подожди, — остановила меня девушка. — Я кое-что вспомнила.

— Что? — нетерпеливо спросил я.

— Я говорила, что мне не нужны твои деньги, но дай мне сколько можешь для богини.

— Ведь я предупреждал тебя, что у меня нет с собой денег. — Я не мог скрыть разочарования.

— Ну хоть маленькую монетку. Любой кусочек серебра, — уговаривала Эннис.

Быстро обшарив карманы, я протянул ей найденный в одном из них десятицентовик. Тонкие пальцы девушки сжали монетку, и она притянула меня к себе.

— Теперь возьми меня, — прошептала она. — Постарайся, пожалуйста, для Бранвен Благостное Лоно.

— К черту Бранвен, — пробормотал я, целуя девушку. — Только для тебя. Бранвен пусть сама о себе позаботится.

— Не смей так говорить, — сказала она резко. — Ты богохульствуешь!

— Ничего подобного, надо ведь внести ясность: я люблю тебя, а не Бранвен!

— Ш-ш-ш! Ты не должен так говорить. Мы должны быть очень благочестивыми: Бранвен Благостное Лоно наблюдает за нами.

— Если так, то надеюсь, ей это нравится не меньше, чем мне.

Эннис начала ритмично приговаривать: «Бранвен, благослови нашу любовь. Бранвен, насладись нашей любовью и дай мне силу. Укажи мне путь между мирами. Помоги мне попасть в Каэр Педриван. Ты одна можешь мне помочь».

Я был очень занят и почти не слушал, что она говорила, сосредоточившись на том, что мы делали.

— Бранвен, он тебе нравится? — спрашивала Эннис. — Ты чувствуешь, как его мужественное тело соединяется с моим? — Глаза ее были открыты, но взгляд устремился куда-то в пустоту. На одно странное мгновение мне показалось вполне возможным, что похотливая кельтская богиня сейчас взирает на нас или даже принимает участие в нашем коитусе.

Когда наши тела разъединились, Эннис умиротворенно сообщила:

— Все вышло замечательно! Мы здорово постарались для богини! Бранвен довольна нами.

— Откуда ты знаешь? Она что, сказала это тебе на ушко?

Девушка покачала головой.

— Нет, она говорит со мной вот через это, — и прикоснулась к своему перламутрово-розовому соску.

Я поймал себя на том, что нетерпеливо ожидаю какого-нибудь продолжения. Нет, я не рассчитывал, что Бранвен Благодная появится перед нами собственной персоной и доставит Эннис в Лохлэнн, но слова и действия этой странной девушки придали нашему приключению, при всем его очаровании, оттенок какой-то незавершенности.

— Теперь давай одеваться, — сказала Эннис.

— Может, поедem ко мне? — предложил я. — Там мы вдоволь наговоримся о Бранвен и на другие религиозные темы.

— Не сейчас, — ответила она. Одевшись, девушка подошла к статуе и встала перед ней на колени. Наклонив голову, она прочитала несколько молитв на неизвестном мне языке. Потом взяла мой десятицентовик и положила его на золотое блюдо у подножия статуи.

— Прими эту монету, Лунная Госпожа, в знак того, что я выполнила мой долг перед тобой, и снизойди к моей просьбе.

Я озадаченно наблюдал за девушкой. Просила ли она о помощи для борьбы с Морган или для того, чтобы вернуться домой? Хотя, что мне за дело до этого? Волшебство в нашем механическом мире не действует, а Каэр Педриван и Лохлэнн существуют только в мифах.

Эннис повернулась ко мне.

— Теперь можно идти. Мы сделали все, зачем сюда приходили.

— Да неужели? — спросил я не без ехидства. — Ну а как же насчет волшебства? Я что-то не заметил ничего сверхъестественного.

Она улыбнулась.

— Вот как? Ну и дурак! Мы с тобой совершили древнейший и величайший магический ритуал из всех существующих!

Она была права. Я не знал ни одной магической системы, которая не рекомендовала бы ритуалы, подобные тому, который мы осуществили сейчас, но дело в том, что я не видел результатов наших усилий, никакой обратной связи. Выходит, Бранвен — такая же подделка, как и любой из здешних южно-калифорнийских божков.

— Вижу, ты сомневаешься, что мы чего-то достигли, — сказала Эннис.

— Вот именно! Ни тебе грома, ни молний, ни смещения пространства! — посетовал я.

— Не все сразу. Чтобы собрать силовые линии, нужно время. Миры не смещаются в одно мгновение, даже для богини это непросто.

— Миры вообще не смещаются, разве что силой гравитации, — возразил я.

— Да, но что, по-твоему, представляет собой сила гравитации? Твоя примитивная наука не ответит на этот вопрос, зато это сделает моя богиня.

— Она что-то не очень торопится, твоя богиня.

— Ты не можешь видеть скрещение силовых линий и прилив волшебных сил в моем теле, — возразила Эннис.

Я пристально посмотрел на нее. Я уже успел слегка протрезветь, а на трезвую голову все воспринимается ужасно прозаически! Теперь, когда я смотрел на Эннис взглядом, не затуманенным алкоголем, ее красота нисколько не потускнела, но слова о Бранвен и Каэр Педриване стали звучать для моего трезвого слуха, как бред наркоманки.

— Поедем ко мне, — предложил я снова. — Я расскажу тебе о девушке по имени Морган Лэйси, а ты мне — о том, почему ты ей угрожала.

— О, эта идиотка! — презрительно процедила Эннис. — Если бы я действительно хотела ее уничтожить, я бы просто сделала corp creidh и испекла его над огнем.

Corp creidh — это было как раз по моей части. Так называлось по-кельтски традиционное оружие

ведьм — глиняная человеческая фигурка. Считалось, что, если воткнуть в нее булавки или растопить над огнем, тот, кого она изображает, умрет мучительной смертью.

— На твоём месте я не стал бы этого делать. Мисс Лэйси находится под моей защитой.

Взглянув на меня, Эннис засмеялась.

— Друг мой, у тебя крепкие мускулы, и ты наверняка умеешь постоять за себя в грубых потасовках, в которых вы, американцы, так любите участвовать, но я — из Лохлэнна! Я настоящая королева Лохлэнна! Интересно, знаешь ли ты, каково магическое значение этого титула?

— Я и сам королевской крови. Мой далекий предок — король Шотландии Дюффус. Может, ты слыхала, что сделали с ведьмами, вылепившими его corp creidh?

— Шотландия принадлежит ЭТОМУ миру, — произнесла она твердо, и все же по ее тону чувствовалось, что мой удар попал в цель.

— Всех их, — продолжал я, — полдюжины злобных колдуний, сожгли на костре в Фарресе в 968-м году.

Эннис отпаривала:

— Насколько мне известно, сожжение ведьм в этой части света в настоящее время противозаконно!

— Да, но бороться с ними можно и по-другому. Я сделал себе имя на разоблачении так называемых ведьм. Я просто ставлю их на место. Этот талант унаследован мною от прапрапрадедушки Дюффуса.

— Может, ты и силен против самозванных ведьм, — ответила Эннис с ноткой угрозы в голосе. — Но тебе еще не приходилось иметь дело с королевой Лохлэнна.

— Пока нет, — признал я. — Но, повторяю, Морган Лэйси находится под моей защитой.

— Ей не понадобилась бы никакая защита, откажись она тогда слушать этого дурака лорда Сиона и признай, что я — законная королева.

— Она только этого и хочет, — подхватил я, надеясь, что все можно будет урегулировать, убедив Морган не претендовать на право занять воображаемый трон в воображаемой стране. — Она делает все возможное, чтобы избавиться от лорда Сиона, убедив его в своей незаинтересованности.

— Она и сейчас так думает? — спросила Эннис, и взгляд ее при этом принял отсутствующее выражение.

— Да, конечно. Она никогда не слышала о Лохлэнне, пока не появился этот лорд Сион, и готова немедленно и навсегда забыть эту историю, если ее оставят в покое. Ведь Морган Лэйси — весьма знаменитая личность здесь, у нас. Можно сказать, своего рода королева. Зачем бы ей претендовать на ваш... хм!.. трон?

— Действительно, зачем? — повторила Эннис без всякого выражения. У нее сейчас был вид человека, прислушивающегося к словам невидимого собеседника. Я замолчал, не пытаясь помешать этому разговору, по-видимому, гораздо более интересовавшему Эннис, чем наш с ней диалог.

Она кивнула, как бы соглашаясь с кем-то, и снова обратила внимание на меня.

— По-моему, ты приглашал меня к себе выпить, а?

— Да, конечно, — ответил я с энтузиазмом. — Мы с тобой выпьем и поговорим, а может, займемся чем-нибудь еще.

— Вот и хорошо, поехали. Сила уже начинает концентрироваться, но она найдет меня где угодно.

— Прекрасно, — отозвался я. — Лучшего места для ожидания, чем моя квартира, просто не придумаешь.

Мы вышли из храма, и я снова лицом к лицу столкнулся со своими проблемами. Машина уже засела неподалеку, поджидая нас, похожая на терпеливого хищника в джунглях, знающего, что его ужин на подходе. Я приехал сюда в восхитительном состоянии опьянения. Это, да плюс еще чары матери-природы, под воздействием которых я находился, дали мне силы не дрогнуть перед зверем. А теперь я никак не мог

побороть внутреннюю дрожь, которая охватила меня от одной мысли о новом погружении в чрево этого чудовища.

Услышав, что я замедлил шаги, Эннис оглянулась.

— В чем дело? Ты что-нибудь забыл в храме?

— Да, мой чудесный теплый алкогольный дурман. Я не могу без него.

— Но ведь мы едем выпить, не так ли?

— Ох, но это так далеко отсюда! — вздохнул я. Машина наблюдала за мной. Она зловеще усмехалась, видя мой испуг.

— У тебя случайно нет чего-нибудь в храме? Какого-нибудь церковного вина, например?

— В этом храме совершается только одно таинство, и для него вино не требуется, — сухо сказала она.

— Да, совершенно не требуется, — согласился я. Мне показалось, что зверь напрягся. Его тигриные лапы как будто крепче уперлись в землю для прыжка.

Эннис бесстрашно приблизилась к машине, вынула бумажное полотенце из отделения для перчаток и стала протирать ветровое стекло. Я остановился на расстоянии примерно в десять футов, восхищаясь ее смелостью, но не решаясь подойти ближе. Протерев ветровое стекло и окна, она принялась за капот, любовно полируя его гладкую поверхность.

— Я просто без ума от этих красавцев автомобилей, — призналась она, похлопывая машину по дверце. — Это, пожалуй, единственное, чего мне будет не хватать, когда я вернусь домой. Таких видов транспорта у нас в Лохлэнне нет.

— Это весьма прискорбно, — отозвался я, ожидая, что зверь вот-вот цапнет ее за руку, — однако я уверен, что метла и безопаснее, и экономичнее.

Вместо ответа она нахмурилась и, повернувшись, чтобы сесть в машину, раздраженно спросила:

— Так ты идешь наконец? — потому что я продолжал держаться на приличном расстоянии.

— Знаешь что, — предложил я, — давай ты поедешь медленно, а я побегу рядом, а?

— По скоростной дороге?

Представив себя несущимся на безумной скорости за ее монстром, в то время как дюжина других мчится за мной по пятам, я вынужден был признать, что навряд ли буду чувствовать себя комфортно. Нет, уж лучше иметь дело только с одним из них. Да и в конце концов, сюда он меня доставил целым и невредимым.

Я осторожно приблизился к машине, готовый пуститься наутек при любом ее движении, приоткрыл дверцу, сунул внутрь одну ногу и, убедившись, что ничего не случилось, быстро скользнул на сиденье.

Эннис окинула меня удивленным взглядом.

— Неужели ты и правда боишься этой машины?

— Да нет, я просто осторожен, — соврал я, захлопывая дверцу и закрывая глаза одновременно.

— А если не боишься, почему ты тогда закрыл глаза? — допытывалась она, выводя машину на дорогу задним ходом.

— Это табу, принятое в нашей семье с давних пор. Возвращаясь откуда-либо, я должен закрывать глаза. Мой двоюродный прапрапрадед, Освий Пикландский, однажды, оглянувшись, упал с лошади и сломал бедро, когда возвращался с охоты. С тех пор на всех представителях нашей семьи лежит это заклятие.

— Ты трус, — заключила она презрительно. — И вообще вы, земные мужчины, такие неженки по сравнению с воинами Лохлэнна!

— Неправда! Не говори о том, чего не знаешь! — возразил я, продолжая держать глаза закрытыми и чувствуя, что животное, выехав на дорогу, перешло на рысь. — Сходи-ка в воскресенье на любой

футбольный матч, и ты убедишься, насколько наши мужчины сильны и воинственны.

— Я покину Землю задолго до воскресенья, — ответила Эннис. — И за это я благодарна Бранвен!

— Ах да, я совсем забыл. Ты же собираешься домой в Лохлэнн.

Мы выехали на скоростную дорогу, и я слышал вокруг нас завывания множества других машин. Эта свора явно жаждала крови. Вполголоса я пробормотал несколько заклинаний и вцепился в сиденье потными руками.

— Да, я отправляюсь в Лохлэнн, веришь ты этому или нет.

— Я бы охотно поверил, если бы такое место существовало.

— Оно существует, — сказала Эннис твердо. — Я там родилась, там родились и Морриган, и лорд Сион.

— Морган знать не знает о таком месте, так что твое утверждение звучит не очень убедительно, — возразил я, надеясь таким образом вытянуть из нее побольше об этом ее воображаемом мире.

Но девушка молчала, сосредоточившись, по-видимому, на управлении зверем, который нас вез. Я не настаивал, боясь ей мешать. Какую же силу духа надо иметь, чтобы заставить такое чудовище повиноваться!

Прошло минут пятнадцать, и из меня успело вытечь, наверное, не меньше двух ведер пота, пока мы наконец подъехали к моему дому и вышли из машины. Миновав гараж, мы стали подниматься по ступенькам.

— Если ты так боишься машин, зачем под твоей квартирой трехместный гараж? — поинтересовалась Эннис.

— Спроси у тех, кто строил этот дом, — ответил я. — Зато получился прекрасный винный погреб.

Я отпер дверь, пропустив девушку вперед. Она остановилась в прихожей, с удивлением оглядывая гостиную. Похоже, на нее произвели впечатление несколько висевших по стенам неплохих подлинников, которые мне удалось в свое время приобрести.

— Не слишком ли шикарно ты устроился для книготорговца и частного сыщика?

— Ты забыла об оккультизме. Именно он — основной источник моих доходов.

Эннис презрительно скривила губы и, я уверен, сплюнула бы, не будь она воспитана как леди.

— Оккультист! Скажите на милость! Да много ты понимаешь в оккультизме? Что ты вообще о нем знаешь?

— Почти все, что стоит о нем знать... от Абаддена до Злокобницы, — ответил я мягко. Теперь, когда эта автомобильная пытка прекратилась, я уже чувствовал себя прежним стариной Дюффусом.

Она растерянно заморгала.

— Никогда не слышала ни про Абаддена, ни про эту Зло... как ее там.

— Ну так послушай, если тебе интересно. Абадден известен как Разрушитель. Он — предводитель демонов седьмой ступени. Иногда его называют Ангелом-разрушителем. Злокобница — это самая злобная из славянских ведьм.

— Один-ноль в твою пользу, — признала Эннис. — Но то, что тебе известны имена некоторых подобных существ, еще не делает тебя специалистом по оккультизму. Это все теория. А как насчет практики? Колдовать-то ты хоть умеешь?

— Когда-то я знал замечательное заклинание, превращающее женщину в крупную кошку, но сейчас позабыл несколько строчек.

— И для такого пустяка тебе нужно заклинание? Я умела делать такое просто по желанию с пятимесячного возраста.

Вот заливает, подумал я. Эта ее способность изменять облик людей и предметов — наверняка такая

же выдумка, как и Лохлэнн. Я вспомнил маленькую бойкую рыжеволосую танцовщицу, считавшую себя оборотнем. Она заманила меня в пустынный уголок пляжа над Малибу, где я едва от нее вырвался. До сих пор на моей правой ягодице остался шрам от ее зубов.

Я провел Эннис в библиотеку, чтобы напоить крепким ликером и заставить разговориться об этом ее вымышленном мире. Она равнодушно разглядывала книги, переходя от полки к полке, но при виде моего великолепного старинного меча, висевшего в слабо освещенной нише, глаза ее загорелись.

— Как называется это волшебное оружие? — спросила она.

— Это Головоруб, — ответил я с гордостью. — Я им владею с семнадцати лет. Нашел я его в развалинах древней крепости Пиктиш. Уверен, что он принадлежал моему предку королю Дюффусу и пролежал все эти столетия в ожидании моего прихода.

— Но им невозможно сражаться! В нем не меньше пяти футов длины, я уж не говорю о весе — ни один мужчина его не поднимет.

— Так ведь это двуручный меч, — объяснил я, — и носят его на плече, а не на поясе.

— Я видела много двуручных мечей, они часто встречаются у нас в Лохлэнне, но этот совсем другой, он какой-то необыкновенный.

— Это знаменитый шотландский меч-палаш, — сказал я, почтительно вынимая меч, блеснувший клинком, из его ниши. — Сейчас таких осталось не больше дюжины, и Головоруб — самый могучий и красивый из них.

Так как девушка продолжала недоверчиво покачивать головой, я поднял свое оружие за украшенную золотом и драгоценными камнями рукоятку и взмахнул им над головой.

— Невероятно, — сказала она, когда я, случайно обезглавив лампу и задев металлическую ножку книжного шкафа, опустил меч. — Ты должен обладать силой самого Ллира.

Я скромно улыбнулся, поигрывая мускулами.

— Обладатель золотой олимпийской медали по метанию диска и средний полузащитник команды «Грин Бэй Пэкерс» способен и на большее, если он с семнадцатилетнего возраста регулярно тренируется с таким мечом.

— Я просто потрясена, — сказала Эннис. — Из тебя вышел бы великий воин, если бы не твоя трусость.

— Я труслив только в том, что касается зловредных механических чудовищ, порождений этого мира, в котором я, к несчастью, живу.

А окажись я на какой-нибудь замечательной планете, населенной драконами и людоедами, с которыми надо сражаться, и имей за плечом Головоруб, я стал бы еще более великим героем, чем Финн Мак-Кул.

Она взглянула на меня, хитро прищулив глаза.

— Зачем он тебе? Навряд ли ты часто можешь пользоваться им здесь, на Голливудском бульваре.

— Вообще-то ты права, но однажды с его помощью я разогнал банду волосатых хиппи. Они швыряли в меня капсулы с серной кислотой, но меня защитили мои шлем и кольчуга.

— Так у тебя есть шлем и кольчуга? — спросила она недоверчиво.

— Конечно, есть, — ответил я, вешая Головоруб на место и открывая шкаф под нишей. Вынув оттуда блестящую кольчугу, я показал ее девушке. — Мне ее сделала по спецзаказу одна фирма, изготавливающая космическое снаряжение. Между прочим, она из крепчайшего легированного сплава.

Эннис понимающе кивнула, я вынул и передал ей шлем. Он был открытого, так называемого беотийского типа, хорошо защищал голову и щеки, имел наносник, легко позволял делать широкий обзор. Он был из того же материала, что и кольчуга.

— Очень интересно, — сказала Эннис, — но на планете Земля все это совершенно бесполезно. Зачем тебе здесь эти вещи?

Я усмехнулся, чтобы скрыть растерянность.

— Ну как же! Когда-нибудь он может очень пригодиться. Например, в случае неожиданного нападения на бульвар банды пиктов[6] -мародеров, или если какой-нибудь грифон вздумает приземлиться на крышу китайского кинотеатра Граумана.

— И то и другое маловероятно, — хихикнула Эннис.

— Боюсь, ты права. Все дело в том, что я родился не вовремя и никак не могу свыкнуться с миром, в котором живу. Душой я принадлежу эпохе мечей и колдовства, а не нынешней ракетно-космической. Я не устаю повторять слова Эндрю Ланга[7] о Шотландии, покидаемой римскими легионами: «Ночь преследует летящих Орлов, накинув свой покров на смятенные провинции и покинутые римлянами строения. То был век топора, век копья, век волков, век войн, век смешения рас. То были сумерки времен». Уверен, что в таком мире я чувствовал бы себя как дома. Девушка кивнула.

— Иными словами, ты рожден для Лохлэнна.

— Да, — согласился я, — как печально, что такого места на самом деле нет!

Окатив меня ледяным взглядом, она произнесла:

— Ты продолжаешь сомневаться в моих словах! Я — принцесса королевской крови! Как ты смеешь, жалкий раб, подозревать меня во лжи?!

— С вашего позволения, мэм, я не жалкий раб. Я, если уж на то пошло, жалкий свободный американец.

— Все равно, как ты посмел не поверить моим словам?

— Вы пока ничем не доказали их правдивость, так что, уж извините, но я имею полное право сомневаться в них.

— Почему ты так считаешь?

— Ты ведь ничего толком мне не рассказала. Не объяснила, что это за Лохлэнн и где он находится, почему лорд Сион заявляет, что Морриган — королева, а ты уверяешь, что королева не она, а ты.

— Если бы я стала тебе все это объяснять, ты бы тем более мне не поверил, потому что правда лежит далеко за пределами твоего куцега воображения.

Я повернулся к бару, чтобы смешать нам по порции martinis.

— Почему не попробовать? Ты бы просто удивилась богатству моей фантазии.

— Видишь ли, возможно, узнав правду о Морриган, ты бы согласился, что она не должна появляться в Лохлэнне и всходить на трон, и ты бы... — Внезапно Эннис замолчала, и я, обернувшись, посмотрел на нее. Опять она за свое! Снова у нее такой вид, как будто она внимала словам невидимого собеседника. Но на этот раз девушка полностью отключилась от действительности. Ее глаза утратили всякое выражение, а губы беззвучно шевелились.

Подойдя к ней почти вплотную, я помахал рукой перед ее лицом. Никакой реакции!

— Эй! Я приготовил нам выпить! Прошу! — сказал я громко. Она не ответила. Ее темноволосая голова склонилась набок, губы по-прежнему шевелились, но глаза оставались бессмысленными и пустыми.

Интересно, подумал я, часто ли на нее такое находит. Не иначе как это связано с ее помешательством на том, что она — ведьма-королева. Надо бы принести нюхательные соли... но откуда? Я ведь их дома не держу. Девушки, которые у меня здесь бывают, как правило, не из тех, что падают в обморок.

И тут меня осенило. Быстро смешав martinis в пропорции восемь к одному, я плеснул солидную порцию в стакан с кусочком лимонной кожуры и сунул его девушке под самый нос. Она тут же пришла в себя, и я вздохнул с облегчением, поскольку, согласно мнению большинства ученых, того, кто не приходит в себя от запаха martinis, смешанного в пропорции восемь к одному, можно считать безнадежно мертвым.

Ее черные глаза снова заблестели, и голова приняла нормальное положение.

— Я уже думал готовиться к операции по пересадке сердца, — пошутил я.

Эннис презрительно скривила яркие губы.

— Идиот! Я принимала информацию и должна сообщить тебе важные новости.

— Так-так, послушаем.

— Твоя экс-клиентка покинула Землю.

— Моя кто?! Сделала что?!

— Морриган отправилась в Лохлэнн с лордом Сионом. — Эннис произнесла эти слова с таким отвращением, как будто жевала что-то невкусное, и запила их половиной своей порции мартини. — Они все-таки опередили меня, и Морриган может попасть в Каэр Ригор через десять дней. Приближается Бельтене, а значит, и коронация, но в пути — незаконная королева!

— Говори, пожалуйста, толком! Уж не хочешь ли ты уверить меня, что у тебя в самом деле было видение относительно Морган Лэйси?

— Да! — выкрикнула Эннис. — Твоя Морган Лэйси покинула планету, она в пути уже несколько часов. Скоро, миновав Каэр Педриван, она попадет на Аннон. Я должна догнать ее!

Не поверив ни одному ее слову, я все же решил убедиться, что с Морган все в порядке. Она ведь — моя клиентка, и я обязан защищать ее интересы. А что, если это — похищение, которое собирались приписать сверхъестественным силам? Мне следовало это выяснить.

Схватив телефонный аппарат, я набрал номер и стал дожидаться ответа, нетерпеливо барабанив пальцами по телефонному диску. Каждую секунду я ожидал услышать ее хриловатое «Алло!», но вместо этого на звонок наконец ответил мужской голос, который на сто процентов принадлежал полицейскому. Когда я представился, мой собеседник поведал мне новости. Морган Лэйси разыскивали уже несколько часов. Она вышла из дому с двумя людьми, судя по приметам — лордом Сионом и его женой. Секретарша Морган струсила и позвонила в полицию. Не соблаговолю ли я зайти к начальнику полиции и рассказать все, что мне известно?

Я заверил его, что обязательно это сделаю, но не сегодня. Сейчас я попробую выяснить, куда именно отправилась Морган. Я не сказал, что собираюсь искать ее даже на воображаемой планете под названием Аннон, где находится мифическое государство Лохлэнн.

Закончив разговор с полицейским, я повернулся к Эннис.

— Так что все это означает, черт возьми?! Где Морган Лэйси?

— Морган Лэйси теперь уже наверняка в Каэр Пед-риване, Вращающемся Замке, где проходит путь между мирами, — невозмутимо ответила Эннис, допивая мартини, и снова склонила голову набок, к чему-то прислушиваясь... — Она уже там, и я тоже скоро попаду туда, мне надо только собраться с силами.

— Послушай, если ты куда-то спрятала Морган Лэйси... ты и этот тип лорд Сион... то вы, ребята, здорово влипли. Полиция Лос-Анджелеса не одобряет похищения кинозвезд у нее из-под носа. И я, представь себе, тоже!

— Не будь ты таким дураком, Дженъери! Во-первых, Морган последовала за Сионом совершенно добровольно, а во-вторых, я сделала все, что было в моих силах, чтобы этому помешать.

— Знаешь, я устал от всей этой чепухи и...

— Дюффус, здесь тебе никогда не представится возможность попробовать Головоруб в деле, — перебила она, — ты же не можешь повсюду таскать его с собой в надежде встретить и обезглавить крокодила — чтобы полиция тут же обвинила тебя в жестоком обращении с животными.

Нет, я не мог носить по Голливуду старину Головоруб, но мечтал, как однажды, послав все к черту, надену кольчугу и шлем, возьму свой меч, выйду на перекресток улиц Сансет и Ваин и буду стоять там, подобно средневековому рыцарю, вызывая всех на поединок за честь своей дамы. Я почти видел, как длинный холеный кадиллак с сидящим за рулем жирным банкиром принимает мой вызов и бросается на меня. Я видел, как поднимаю Головоруб и наношу удар. Хо! Раздается скрежет, и кадиллак замирает с рассеченными капотом, мотором и шасси на почерневшем от его крови асфальте, и тогда...

— Но я знаю место, где Головоруб всегда будет с тобой, — вкрадчиво сказала Эннис, — и где для него найдется много работы.

Мои руки невольно потянулись к мечу. Если бы все это не было выдумкой! Если бы мне удалось попасть в такое место, как Лохлэнн, где правило волшебство и где мужчина, вооруженный добрым мечом и надежными заклинаниями, мог стяжать себе славу!

— Каэр Педриван приближается, Дженъери, — сказала Эннис с уверенностью в голосе. — Я скоро исчезну отсюда. Путь мой лежит на Аннон. Хочешь со мной?

А если представить... если хоть на минуту представить, что это правда. Тогда, не поверив Эннис, я дам ей исчезнуть и одной отправиться на Аннон или куда там она собралась. А я не только упущу счастливый случай, о котором мечтал всю жизнь, но и предаю интересы моей клиентки, Морган Лэйси.

— Пойми, Эннис, не могу я в это поверить! Не верю ни одному слову, но...

— Но если все это правда, ты рад был бы туда попасть, да?

— Да.

— Тогда поторапливайся! Возьми все, что может тебе там понадобится, только быстро. В твоём распоряжении всего несколько минут. Каэр Педриван приближается... он плывет сквозь космическое время и вот-вот встретится с Землей.

И я стал быстро собираться. В конце концов, я ничем не рисковал, а упускать такую возможность, конечно, было глупо. Может, я и правда побываю в другом мире, если только он действительно существует...

Я надел легкую, но теплую одежду и прочные ботинки, натянул через голову свою кольчугу. Взял Головоруб и укрепил его на перевязи за спиной, надел шлем и сложил в дорожный мешок несколько книг с заклинаниями да самые необходимые колдовские атрибуты. Теперь я был готов, готов ко всему на свете!

— Каэр Педриван почти рядом, — сказала Эннис. — Подойди ко мне, Дюффус Дженъери, и возьми меня за руку!

Я подошел и встал рядом с ней, ее рука крепко сжала мою, и мы стали ждать.

V

Ничего не произошло! Я чувствовал себя полнейшим идиотом, стоя в моей собственной библиотеке, в костюме, который сделал бы честь любому из громил короля Артура,[\[8\]](#) и держа за руку сумасшедшую девчонку, вообразившую себя королевой-ведьмой.

Да, дружище Дюффус Дженъери, сказал я себе, никогда ты не получишь приз в состязании по интеллекту, зато если устроят Олимпийский чемпионат по глупой доверчивости...

— Космические силы сфокусировались, — сказала Эннис. — Ты чувствуешь, как силовые линии пронизывают материю Вселенной?

Но я чувствовал только ее холодную ладонь в моей руке и непривычную тяжесть кольчуги.

— Ну вот, теперь уже совсем скоро... Я настроилась на силовую волну и притягиваю ее к нам. Бранвен, Бранвен, ну помоги же мне!

Я чувствовал себя ужасно неловко. Ждать было нечего — уж во всяком случае, ни о каком переселении в мир магии и приключений не могло быть и речи. Мне предстояло и дальше уворачиваться от кадиллаков и удирать от сандербердов вместо того, чтобы таскать великанов за бороды и выкручивать драконам хвосты. Мне придется провести остаток жизни в попытках совратить девушек вроде Пегги О'Ши вместо того, чтобы проделывать восхитительные непристойности с юными ведьмами и зеленоглазыми дриадами.

— Ты чувствуешь? Чувствуешь? Чувствуешь притяжение, Дюффус? — спросила Эннис взволнованно.

— Ничего я не чувствую, — ответил я мрачно. — Я ведь так и знал, что ничего из этого не выйдет.

Меня даже замутило от разочарования. Передо мной развернулась панорама всей моей тоскливой, безотрадной жизни... постылый Голливуд... постылая Калифорния... постылая Земля... и... внезапно свет замигал и потускнел. Эннис крепче ухватила за мою руку.

— Началось! — крикнула она. — Началось!

И тут я понял, что дрожал не свет, а пространство. Оно колебалось и тускнело вокруг нас. Теперь я чувствовал, чувствовал душой и телом, как меня тянуло... тянуло, как будто я был опутан сетью из мягких шелковых веревок.

Стены исчезли из виду, вокруг нас разлилось золотистое сияние. Мы не двигались. Мы стояли на одном месте, а действительность, пульсируя, вращалась вокруг нас. Я снова смутно различил стены библиотеки. Казалось, что мы еще заключены в них и в то же время были уже далеко, невероятно далеко, как будто комната отодвинулась куда-то к окраинам Лос-Анджелеса. Потом она окончательно пропала из виду, и все заполонила золотистая мгла, но вскоре исчезла и она, а мы очутились во тьме, в кроющей, непроглядной тьме.

— Дюффус! — голос Энни звучал тихо и испуганно.

— Да, что случилось?

— Ничего. Просто хотела убедиться, что ты здесь. Поскольку мы держались за руки, в этом не было необходимости, о чем я ей и сказал.

— Конечно, — ответила девушка, — но оно могло забрать тебя и... оставить только твою руку...

— Оно?!

— Да. Здесь, между мирами, водятся всякие существа...

Нашла время сказать мне об этом! Я никогда раньше не подозревал, что бывает такая полнейшая тьма, как та, в которой мы сейчас находились. Это было не просто отсутствие света, а осязаемая, плотная темнота, наводившая ужас. И вот теперь эта девушка сообщает мне, что здесь водятся кое-какие существа!

— Головоруб! — вспомнил я и попытался высвободить свою руку, чтобы вооружиться палашем.

— Нет, нет! — закричала Эннис. — Если ты отпустишь мою руку, мы навсегда потеряем друг друга. К тому же не думаю, что твой меч может быть защитой здесь, между мирами.

Я не был так в этом уверен. Головоруб — не простой, а волшебный меч. Я не верил, что есть такое существо, чью голову не разрубил бы мой палаш. Хотя, конечно, бывают существа и без головы...

Теперь нас сковал холод. Он пробирал до костей, и никакая одежда не могла бы от него спасти. Мне показалось, что это ледяное дыхание какого-то существа, притаившегося, чтобы напасть на нас. А что, если оно и правда ждет, что мы собьемся с пути между мирами, и тогда...

— Эй, в чем дело? — крикнул я, с ужасом почувствовав, что мои ноги лишились опоры. Я повис в этой жуткой тьме, и под ногами у меня была пустота.

— Мы находимся между мирами, в преддверии небытия. Надейся на Бранвен и на Хранителей Пути. Они нам помогут, — прошептала Эннис.

— Ну, Бранвен, выручай! Помоги нам, Благодное Лоно, старая распутница, кельтская греховодница! — сказал я вполголоса. — Вспомни, как мы тебя потешили тогда, в храме! Вытащи нас отсюда!

— Дюффус... Дюффус! — взвизгнула Эннис.

— Что случилось?

— К нам приближается... Я не могу здесь видеть на расстоянии... но я чувствую, что оно здесь...

Я тоже почувствовал, что здесь, во тьме, появилось и собирается напасть на нас что-то очень злое и неимоверно сильное.

Рука Эннис задрожала в моей. Для королевы-ведьмы, которая должна обладать недюжинными колдовскими способностями, она держалась, прямо скажем, не блестяще. Хотя возможно, боязнь неизвестного, как и вообще некоторая трусоватость, свойственна любой ведьме.

— Дюффус, оно приближается! О, нет... нет... нет!

Я притянул ее к себе, она ухватилась за мою кольчугу, а я вытащил Головоруб, висевший в ножнах за моей спиной, и описал им круг над головой. До сих пор я никогда не видел, чтобы мой палаш так светился: свет, исходящий от него, рассеял тьму преддверия небытия, и мы оказались в освещенном круге с радиусом, равным длине клинка.

— Твой меч, — выдохнула Эннис, — он волшебный! Но я почти пожалел о том, что стало чуть светлее, потому что теперь мы смогли разглядеть существо, подкрававшееся к нам в темноте. Я увидел, как оно подалось назад от меча. Вот уж никогда бы не поверил, что такое можно увидеть не в белой горячке и не в наркотическом бреду!

Это была огромная, бесформенная масса, какой-то колоссальный сгусток чудовищной злобы и ненависти, от которого отделялись небольшие куски. Они вытягивались в щупальца, пытались дотянуться до нас.

— Спрячь от него свое сознание, спрячь сознание, — рыдала Эннис, вцепившись в меня, как испуганный ребенок, и прижимаясь лицом к моей груди.

Но как спрятать сознание? Перед ним не существовало подъемных мостов или дверей с прочными засовами.

Темное холодное чудовище отступило под натиском волшебной силы, заключенной в старине Головорубе, но лишь физически. Зато теперь оно стало действовать по-другому, послав заряд мертвящего холода прямо в мой мозг. Я почувствовал себя совсем скверно: мою голову как будто сжимали ледяные тиски и одновременно разрывала невыносимая боль. Еще мгновение, и космическое чудовище захватит все мое существо.

Дома у меня была целая библиотека книг заклинаний, годных на все случаи жизни: чтобы стать невидимым, богатым, непобедимым, чтобы справиться с любой болезнью от чумы до обыкновенной простуды. Но теперь, когда я так в этом нуждался, ни одно проклятое, заклинание не приходило мне на ум, хотя вообще-то я сомневаюсь, что когда-либо знал приемы борьбы с мысленным щупальцем, готовившимся заполнить мое тело и вытянуть из него душу.

Выходит, нам оставалось только одно — всецело положиться на Головоруб. С Эннис, по-прежнему висевшей на мне, как испуганный папуас на пальме, я рванулся вперед, целясь в монстра острием своего меча.

Он отпрянул. Растягиваясь, пытаюсь окружить и обвить нас, он уходил от моего меча. Я почувствовал, что холодное щупальце, сжимавшее мой мозг, ослабило свою хватку, но через мгновение оно сжалось еще крепче. Меня пронзила острая боль, но...

Головоруб проткнул что-то вполне материальное. Сначала оно спружинило, но потом клинок все же вошел в него. Раздался беззвучный хриплый крик, который я не услышал, а скорее почувствовал. Он отдавался в моем мозгу мучительным эхом, и я подумал, что сейчас не выдержу и сойду с ума.

Но вот ледяной обруч соскользнул с моей головы, и чудовище засеменило прочь, завывая от боли.

— Он ушел! О, слава Бранвен, он ушел! — всхлипнула Эннис.

Я подумал, что, по правде сказать, победа над космическим хищником была заслугой одного Головоруба, и благодарить Бранвен было совершенно не за что, но вслух этого не высказал. Может быть, в таких делах и не следовало рассчитывать на помощь богини плодородия. В конце концов, ей хватало и своих забот.

Стало светлеть, и постепенно нас вновь окутало золотистое мерцание. Я понял, что мы уже у цели нашего путешествия и что я буду очень разочарован, если в результате мы окажемся в павильоне какой-нибудь киностудии и все обернется глупым розыгрышем. Хотя, успокаивал я себя, навряд ли теперь можно этого опасаться: существо, напавшее на нас во тьме, при всей своей бесформенности было вполне реальным.

— Так кто же это был? — спросил я у Эннис.

— Не знаю, — ответила она, и я понял, что она просто не хочет об этом говорить, — но случается, что проходящие между мирами исчезают бесследно.

— Наш приятель, оставшийся в преддверии небытия, вероятно, мог бы кое-что поведать о таких случаях. Мне показалось, что он хотел вытянуть из меня мозг и душу. Это какая-то мощная антижизненная сила, питающаяся чужими жизнями, но надеюсь, что после встречи с Головорубом она хотя бы на время немного поутихнет и оставит путешественников в покое.

Эннис охватила дрожь. Она, видимо, была особенно чувствительной к подобным опасностям. Ну а мне это не показалось более ужасным, чем некоторые бездушные монстры, населяющие мой собственный мир. С чем ты предпочел бы встретиться снова, старина Дюффус, спросил я себя — с безымянным космическим чудовищем и его ледяными щупальцами или с несущимся по скоростной дороге кровожадным фордом?

Теперь мы были полностью окутаны золотистой дымкой, и холод преддверия небытия постепенно

отступал вместе с тьмой. Сквозь дымку начали вырисовываться контуры какого-то здания.

— Каэр Педриван! — выдохнула Эннис. — Слава Бранвен, мы добрались до него!

Вокруг нас из тумана постепенно выступали стены. Бог мой, что это было за сооружение! Мы очутились во внутреннем помещении замка, такого огромного и красивого, что собор Святого Петра показался бы в сравнении с ним деревенской церквушкой. Площадь зала со сводчатой куполообразной крышей была так велика, что здесь свободно поместилась бы дюжина футбольных полей. Я слышал, что на мысе Кеннеди есть одно здание, настолько высокое, что под его крышей собираются облака. И я бы ничуть не удивился, увидев несколько грозовых туч, плавающих под золотым куполом огромного зала Каэр Педривана.

Зал освещался лучами красно-золотого солнечного света, падавшими из больших окон, находившихся на высоте нескольких этажей. И повсюду были люди. Они сновали туда-сюда, одетые кто в обыкновенную земную одежду, кто в разноцветные туники и тоги. Похоже, все они стремились войти или выйти через небольшие порталы, подобные тому, в котором стояли мы с Эннис. Все это ужасно напоминало огромный железнодорожный вокзал с пассажирами, торопящимися занять места в вагонах или выходящими из поезда на перрон.

И тут я увидел кассиров. Они явно не принадлежали к человеческой породе. Это были существа высокого роста, одетые в сутаны, с лицами, закрытыми капюшонами. Удлиненные пропорции их тел никак не могли быть продуктом человеческих генов. Они стояли на небольшом возвышении в центре круглого зала. Каждый из торопливых пассажиров (про себя я не мог назвать их иначе), проходя мимо этого помоста, на мгновение останавливался напротив одной из фигур в сутане. Я не видел ни денег, ни билетов, ни какого-либо физического контакта, однако не сомневался, что передо мной именно кассиры, взимающие плату за проезд.

— Эннис, оплачена ли наша дорога? — спросил я.

— Что ты сказал? — переспросила она, посмотрев на меня как-то странно.

— Я спросил, заплатила ли Бранвен за наш проезд. Девушка покачала темноволосой головой.

— Нет. Платить придется мне. — Похоже, эта перспектива не очень ее радовала. Мы направились к помосту.

— А что эти существа требуют в качестве платы? Непохоже, чтобы они принимали чеки.

Эннис не ответила. Она шла прямо к помосту, стуча каблучками по мраморному полу помещения, которое я про себя не мог назвать иначе как вокзалом. Я шел немного поодаль, протискиваясь сквозь толпу и одновременно с любопытством разглядывая окружающих. Впереди я заметил монаха, как будто сошедшего со страниц «Робин Гуда». Одет он был в коричневую рясу и сандалии, но нес дорожный чемоданчик фирмы «Самсонит» в одной руке и теннисную ракетку — в другой. Мне представилось, что он провел выходные на Лонг-Айленде и только перед самым возвращением с Земли переоделся в свою средневековую одежду. Чуть в стороне от него шли солидный мужчина в костюме от братьев Брукс и молоденькая блондинка в мини-юбке. Оба были нагружены пачками свитков явно местного, а не земного происхождения. Слева от них неторопливо вышагивал высокий седобородый старик в белом хитоне. Из-за пояса у него торчало что-то похожее на серп, на лысой голове красовался венок из остролиста. Я никогда раньше не видел друидов, но готов проглотить Головоруб, если это не один из них.

Несколько кривоногих карликов, по виду похожих на троллей, пробежали мимо, потряхивая чемоданчиками, в которых что-то звенело — наверняка геологические и металлообрабатывающие инструменты. Каким бы невероятным это ни казалось, приходилось признать, что между этим миром и Землей существовали оживленные коммерческие связи. Трудно поверить, что этот факт давно не стал на Земле предметом широкой огласки, но выходит, что столь тесные контакты годами, даже столетиями удавалось держать в секрете.

Тут я вспомнил наши легенды, особенно кельтские, где говорится о спрятанных землях и других мирах, откуда к нам проникают странные и необычные существа, а также о без вести пропавших на Земле самолетах, кораблях, не прибывших к месту назначения, о людях, вышедших из дома на минутку и так

никогда и не вернувшихся. Чем больше я об этом размышлял, тем больше утверждался в мнении, что Каэр Педриван больше разгадывает загадки, чем задает. И кто-то ведь, несомненно, очень неплохо зарабатывал на путешествиях туда-сюда. Однако что же они все-таки берут с «пассажиров» в качестве платы?

Вот такие мысли проносились в моей голове, пока я шел следом за Эннис к «билетной кассе». Эннис заняла очередь за высокой рыжеволосой женщиной с мертвенно-бледным лицом. При виде ее я с ужасом вспомнил все описания вампиров, известные мне из книг.

Очередь двигалась быстро, пассажиры лишь на минуту останавливались перед Хранителями Пути и шли дальше. Вот подошел черед Эннис. Я смотрел и слушал очень внимательно, но не услышал ни звука и точно видел, что денег она не платила. В следующее мгновение Эннис повернулась и пошла к выходу, а я поторопился вслед за ней.

— Так что же это было? — спросил я. Девушка была бледна и выглядела такой ослабевшей, как будто подверглась какому-то тяжелому испытанию. — Что они сделали?

Она покачала головой:

— Ничего страшного. Все уже позади. Пошли, теперь пора уходить отсюда. Надо устроиться на ночь и найти корабль до Лохлэнна.

С множеством других путешественников мы вышли через арку на мраморную террасу, опоясывавшую все здание.

Каэр Педриван стоял на плоской горе. Мощенная булыжником дорога плавно спускалась к городу. Дальше, за городом, располагались доки и гавань, и мачты кораблей виднелись кое-где над островерхими крышами домов.

А вдали плескалось море невероятного зеленовато-голубого цвета — совсем не такого, как наши земные моря. И солнце в этом мире было другим, более красным, чем наше.

— Мы называем нашу планету Аннон, — сказала Эннис, указывая рукой вдаль. — А ваш мир у нас зовется Абред.

Голос ее все еще дрожал после пережитого, и когда мы, пройдя террасу, стали спускаться на дорогу по широким ступеням лестницы, ей пришлось опереться на мою руку.

— Так что же произошло, Эннис? Чем ты заплатила за вход?

Она подняла на меня потускневшие глаза.

— Я заплатила жизненной силой. Хранители Пути берут ее у тех, кто проходит через Каэр Педриван. Они забирают ее совсем немного, но и это нелегко перенести.

— Значит, то чудовище между мирами было... Она кивнула.

— Я обманула тебя, сказав, что не знаю. Это был Хранитель-бандит, космический разбойник. Вместо малой толики, как положено, он забирает у своих жертв всю их жизненную силу, и они гибнут.

— Но здешние Хранители Пути выглядят иначе, чем он.

— Под капюшонами — точно так же.

Мы спустились по ступенькам, и к нам тут же подбежал хозяин носилок. Он стал уговаривать Эннис нанять его «экипаж».

— За считанные минуты прямо в лучшую гостиницу города Педривана, миледи. — Он говорил на языке, похожем на смесь гэльского и среднеанглийского. — У Даба самые низкие цены и самые быстрые рабы на всем острове.

Эннис, кивнув, забралась в носилки. Я последовал за ней, и шестеро рабов засопели и напряглись, подняв мои двести тридцать фунтов, да еще фунтов сто с лишним веса Эннис.

— В «Голубой Дельфин», — приказала она, — и поживее!

Хозяин взмахнул кнутом, и шестеро дюжих бритоголовых рабов, резко рванув с места, побежали вдоль по улице. Я подумал, как бы отнеслись к такому обращению лос-анджелесские кэбмены и как

здорово преуспел бы тот, кто взялся бы организовать в этой стране профсоюзы.

Через несколько минут мы миновали городские ворота и стали продвигаться по одной из окраинных улиц. Дома на ней очень напоминали европейские постройки времен средневековья, но здесь было, пожалуй, несколько больше камня и черепицы, как если бы местная культура подверглась римскому и греческому влиянию. По улице сновали разносчики и степенно вышагивали богато одетые мужчины, похожие на купцов. По направлению к докам двигались вьючные мулы, нагруженные ящиками и тюками совершенно земного вида, что подтвердило мой вывод о существовании оживленных коммерческих связей между мирами.

— «Голубой Дельфин» стоит у самых доков, — сказала Эннис. — Там останавливаются капитаны и судовладельцы. Мы сразу договоримся с одним из них о местах до Лохлэнна.

Я кивнул, не в силах оторваться от зрелища, развернувшегося перед моими глазами. Знатные леди в роскошных платьях ехали верхом на лошадях, сидя на высоких седельных подушках; мимо проходили воины в кольчугах, вооруженные алебардами; крестьяне и лорды, купцы и матросы, задевая друг друга локтями, пробирались по узким улочкам. А запахи! Воздух этого города был напоен удивительно приятными непривычными для моего обоняния ароматами под стать всему его средневековому облику: пахло дегтем, просмоленными корабельными снастями, морем, помоями из канав, жирной пищей, приготовлявшейся на дровах и угле. Пахло также неведомыми мне духами и пряностями, названий которых я не знал. А у морских причалов красовались одномачтовые корабли с большими белыми парусами.

Святая Бранвен! Деревянные шхуны и белые паруса, и город, где воняет помоями и навозом! И никакого смога! Я засмеялся и вскинул руки:

— Бранвен, Бранвен, будь благословенно твое лоно! Я дома! Спасибо тебе за это!

Эннис посмотрела на меня с некоторым сомнением.

— Надеюсь, наш мир оправдает твои ожидания. Учти, что он порой преподносит довольно неприятные сюрпризы, и ему бесконечно далеко до твоего по части науки и цивилизации.

— У вас есть атомная бомба? — спросил я.

— Ну конечно, нет.

— А автомобили? Смог? Реактивные самолеты?

— Нет, но зато у нас есть пираты, разбойники, колдуны и оборотни. Не говоря уже о Детях Ллира и самом Ллире.

— Ха! Мне просто смешно! — воскликнул я. — Мы с Головорубом в два счета справимся с твоими пиратами, разбойниками и колдунами. Пиратам и разбойникам Головоруб снесет головы, а колдунам я отвечу заклинанием на заклинание и, будь уверена, превзойду их в этом.

Эннис покачала головой.

— Не хвастайся раньше времени!

— Но разве ты не видишь? Это же мой мир! Я был неправ, думая, что родился не вовремя. Оказывается, я просто находился в неподходящем для меня мире. Мне следовало появиться на свет в Анноне, а не на Земле. Там я был ходячим анахронизмом. Здесь я покрою себя славой, став великим воином!

— Посмотрим, — ответила Эннис. — Не сомневаюсь, что тебе придется в самое ближайшее время обнажить Головоруб. Чтобы попасть в Подводный край, где находятся Лохлэнн, Сокр Еи Фианчуйв, нам придется пересечь море Мрака. Оно полно опасностей: Синие пираты, морские драконы, гигантские змеи, штормы, насылаемые Мюллеартах, морской ведьмой. Вот мы и проверим, так ли уж подходит тебе этот мир, а ты — ему.

— Ха! — сказал я, играя мускулами. — Подавай их сюда! Я мечтаю об опасностях и приключениях! Я изрублю на куски всех морских драконов и пиратов. Я выгоню эту Мюллеартах из ее собственного моря!

Эннис побледнела так же резко, как после выхода из Каэр Педривана.

— Замолчи! Во имя Бранвен, не смей так говорить! Мюллеартах может услышать. Морриган посвящена ей, и богиня оберегает ее, поэтому она может наблюдать за нами и подслушивать наши разговоры.

— Эй, Мюллеартах! Если ты слышишь меня, я бросаю тебе вызов! Берегись, морская ведьма: здесь Дюффус Дженъери! Дюффус Шотландский со своим палашем явился в Аннон!

— О Бранвен, что же я наделала! — воскликнула Эннис с неподдельной тревогой. — На этой планете и так хватает безумцев, так надо же мне было притащить еще одного!

Мы свернули в узкую улочку, мощенную булыжником, дома по обеим ее сторонам были двухэтажными, с крытыми навесами. Здесь сильно пахло рыбой, и я ничуть не удивился, прочитав на табличке углового дома название «Рыбачья улица».

— «Голубой Дельфин» уже недалеко. Там мы найдем капитана или хозяина шхуны, который согласится взять нас с собой до Подводного края.

— Почему его называют Подводным? — поинтересовался я.

— Потому что эта часть нашего мира и в самом деле расположена под морем. Там находятся огромные впадины, которые именуют Корнями Океана. В них и лежат земли Лохлэнна, Фианчуйва и Сокра, на которые давно зарятся Дети Ллира, считая их своими владениями.

— Значит, Дети Ллира и сами живут в этих впадинах?

Эннис покачала головой.

— Нет, они живут в море. Они могут дышать в воде, как Синие пираты и рыбы.

— Так у них что, есть жабры? Как у амфибий?

— Да. В этом мире реально существует гораздо больше того, что могло бы присниться вашим мудрецам, Дюффус. — Она усмехнулась, сообразив, что слегка переименовала Шекспира.^[9] — Гораздо, гораздо больше.

— Погоди-ка, — перебил я ее. — Мне хочется во всем разобраться. Значит, Дети Ллира грозят захватить Лохлэнн, так?

— Да. И им это удастся, если во время праздника Бельтене будет коронована незаконная королева. Как только, не приведи Бранвен, на трон взойдет Морган Лэйси, страна потеряет свою волшебную защиту и Дети Ллира ворвутся в Большие ворота, которые сдерживают натиск моря. Тогда все жители утонут и Дети Ллира будут плавать по нашим улицам, а Ллир воцарится в Лохлэнне.

— Но скажи мне, если ты — настоящая королева, почему тогда лорд Сион считает королевой Морган?

— Морриган и я — дочери одного отца, короля Аравна, но матери у нас разные. В нашей стране принято наследование по женской линии, как было, кстати, в древности у народов вашей планеты. Моя мать была королевской крови, а мать Морриган — нет. Я была при рождении посвящена Бранвен, а Морриган — Мюллеартах, морской богине. Теперь тебе ясно, кто из нас — настоящая королева?

Я не ответил, решив не целиться с Эннис своим мнением по данному вопросу. К тому же я вспомнил, что официальной причиной моего путешествия в этот мир были поиски Морган Лэйси и доставка ее назад на Землю, если она того пожелает. Я надеялся, что она не согласится на это. Про себя-то я точно знал, что не хочу возвращаться.

«Голубой Дельфин» оказался большим зданием с остроконечной крышей и просторным внутренним двором, посреди которого росли оливы. Хозяин, низкорослый толстяк в белом переднике, выскочил нам навстречу.

— Добро пожаловать, миледи! Добро пожаловать, милорд! — тараторил он. — Добро пожаловать в «Голубой Дельфин» — лучшую гостиницу города Педривана! Здесь вы найдете непревзойденные образцы земной сантехники, кухни Аннона, а обслуживание — как нигде в обоих мирах!

— Я — принцесса Лохлэнна Эннис, — гордо сообщила девушка. — А это — мой дукс беллум лорд Дюффус.

Выходит, я уже сделал в этом мире головокружительную карьеру. В древней Британии звание дукс беллум носил главнокомандующий всех вооруженных сил страны. Первым этот пост занимал неизвестный генерал, который, согласно легендам о короле Артуре, был злодейски умерщвлен. Я преисполнился гордости, которая, правда, слегка потускнела, стоило мне вспомнить, что я пока являюсь единственным воином принцессы Эннис и предводительствую сам над собой.

— Мы ищем корабль до Подводных земель, — сказала Эннис хозяину. — Нам надо попасть туда как можно быстрее.

Хозяин сочувственно покачал головой.

— Миледи, вы опоздали ровно на один день. «Роза Арвана» отплыла вчера с тремя пассажирами на борту. Она войдет в порт через две недели.

— Кто были эти пассажиры? — грозно спросила Эннис.

— Лорд и леди из Лохлэнна и с ними молодая девушка. Она все время молчала. Волосы у нее были золотые, как свет Рот Фэйла. Всех поразила ее красота.

— Морриган! — воскликнула Эннис. — Будь проклят этот Сион! Они намного опередили нас, Дюффус!

— А нет ли другого корабля? — спросил я, стараясь говорить на той смеси кельтского с английским, которую слышал вокруг.

— Нет и не будет ни одного до Лохлэнна в ближайшие несколько недель, — сказал хозяин. — Ходят слухи о войне в Подводных землях, и купцы опасаются там бывать.

— Но должен же быть хоть какой-нибудь корабль, — настаивала Эннис.

Хозяин гостиницы отрицательно помотал головой, но вдруг лицо его прояснилось.

— Вспомнил! Есть одна шхуна. Она вообще-то идет в Фианчуйв, но...

— Ничего! — отозвалась Эннис. — Оттуда мы быстро доберемся до Дохлэнна на каботажном судне. Где мне найти капитана?

— Но должен вас предупредить, миледи, «Андра-ста» — такая утлая посудина, что, того и гляди, пойдет ко дну. Она везет груз из губок и дров, а для пассажиров там нет совершенно никаких условий.

— Где найти капитана? — повторила Эннис. — Я поплыла бы даже на плоту. Я тороплюсь.

— «Андраста» отплывает с утренним приливом, — сказал хозяин. — Я пошлю мальчишку с запиской капитану.

— Хорошо, — согласилась Эннис. — Мы переночуем здесь, а на рассвете сядем на корабль.

— Ваши комнаты тотчас же будут готовы! — крикнул хозяин уже на ходу, торопясь по своим делам.

Я повернулся к Эннис.

— Можно спросить тебя кое о чем?

— Спрашивай о чем хочешь.

— Если ты действительно ведьма-королева Лохлэнна, почему ты зависишь от какой-то шхуны вместо того, чтобы перенести нас в твою страну с помощью волшебства?

— Дурак ты, Дженьери. Воображаешь себя специалистом по магии, а не понимаешь, что такое дело требует огромного количества энергии. Ведь даже чтобы поднять вот эту маслину, — она указала пальцем на маслину, лежавшую в пыли под деревом, которая при этом поднялась в воздух и поплыла к нам, — даже чтобы поднять такой маленький предмет и перенести его на такое небольшое расстояние, нужно затратить очень много энергии. Даже Мюллеартах, богиня, вздымающая морские волны и насылающая штормы, не могла бы перенести двух людей через море.

Я уставился на маслину, лежавшую теперь на ее ладони. Я столько слышал о волшебстве, но лишь те-

перь впервые увидел воочию его реальное проявление. При всей незначительности происшедшего я воспринял его как нечто важное, потому что здесь явно не было никакого мошенничества. Я видел все своими глазами. У меня начала формироваться теория на этот счет. Не являлось ли то, что Эннис называла колдовством, на самом деле просто ментальной энергией... энергией пси? Этим можно объяснить невыполнимость таких задач, как перенесение в Лохлэнн. Для одного человеческого мозга это действительно могло оказаться не под силу.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Вот и хорошо. Давай-ка пойдем поедим чего-нибудь горячего. А то ведь с завтрашнего дня мы будем на корабле, а в этом мире, друг мой, корабли значительно уступают «Королеве Марии» по части комфорта.

VI

Эннис оказалась права: «Андраста» здорово уступала «Королеве Марии». По правде говоря, при одном взгляде на нее я готов был усомниться, можно ли ее вообще назвать кораблем. Это было плоскодонное одномачтовое судно с рубкой посреди палубы и кормовым полуютом. Ее единственный парус имел квадратную форму, и я готов был поклясться, что с таким такелажем она могла идти против ветра разве что немного быстрее надувного плота. Руля не было. Его заменяло огромное рулевое весло, закрепленное у правого борта. Я попытался представить себе, как эта посуда отчаливает от подветренного берега, и картина, надо сказать, сложилась удручающая.

Капитан был высок, худощав и имел бороду, которая сделала бы честь даже Рип Ван Винклю.^[10] Команду составляли одноглазый помощник капитана и дюжина зловещего вида матросов. Часть груза помещалась прямо на палубе, что делало корабль еще более неприглядным. В рубке имелось всего две каюты, и помощнику капитана, к его большому неудовольствию, пришлось уступить нам свою «каюту-люкс» размером четыре на четыре фута и расположиться с матросами.

Когда «Андраста» с утренним приливом выходила из Педриванской гавани, мы с Эннис разглядывали крошечную каюту, в которой нам предстояло жить в течение ближайших двух недель.

— Я видел бельевые шкафы побольше этого, — пошутил я, в то же время пытаюсь себе представить, как я проташу Головоруб через эту низкую дверь.

— Главное, мы в пути, — ответила Эннис. — Если все пойдет нормально, мы попадем в Лохлэнн всего на несколько дней позже, чем лорд Сион и Морриган, и задолго до Бельтене.

Бросив взгляд на единственную койку в каюте, я обрадовался тому, что мы с Эннис в первую же встречу установили достаточно интимный стиль отношений. Иначе нам было бы трудно избежать некоторой неловкости.

— Да, бедной койке придется тяжеловато, — усмехнулся я.

Эннис холодно посмотрела на меня.

— Я не такая уж тяжелая, так что о койке не беспокойся.

— Ты... хочешь сказать... — я обвел взглядом жесткий пол площадью в четыре фута, пытаюсь представить себе, как, во имя самых святых частей тела Бранвен, я втисну сюда свои шесть футов пять дюймов.

— Уж не рассчитывал ли ты в самом деле разделить ложе с будущей королевой Лохлэнна? — спросила Эннис.

— Ну, знаешь ли, после того, что между нами было в храме, я считал вполне естественным...

Эннис расправила плечи и встала во весь свой пятифутовый рост. В Педриване она купила себе кое-какую одежду, и сейчас на ней была пестрая желто-сине-красная туника, красиво облегавшая ее стройное тело. Поверх туники она надела пурпурную мантию, по краям вышитую золотом. Ее тонкую шею охватывало массивное золотое ожерелье, на запястьях сверкали браслеты. Выглядела она, ничего не скажешь, на все сто процентов принцессой варварского королевства.

— Выбрось эти глупости из головы, Дженъери. Тогда, в храме, состоялась религиозная церемония, в которой не было ничего личного. Понятно тебе?!

— А мне это показалось до ужаса личным, — ответил я. — И я надеялся на многократное повторение этой церемонии в течение двух недель плавания.

— Ничего подобного больше не будет, — отрезала она.

Вот так. По-моему, ведьма-королева должна бы вести себя иначе, хотя, по правде сказать, я не был знаком с достаточным количеством ведьм-королев, чтобы однозначно судить об этом.

Я протиснулся сквозь узкий люк и, сняв Головоруб с перевязи, втащил его в каюту, но конец меча не поместился и остался торчать снаружи.

— Как же мы, по-твоему, будем закрывать дверь? — спросила Эннис.

— Не знаю. Но не могу же я оставить свой меч снаружи в такой сырости. Он заржавеет, а воин со ржавым мечом выглядит смешно и нелепо, тебе не кажется?

— Может, лучше поставить его наискось? — предложила она.

— А я подумал, что ты предложишь положить мой волшебный меч между нами как гарант твоей неприкосновенности. Так, во всяком случае, делали герои старинных романов, чтобы уберечь себя от искушения.

— Так ты мнишь себя героем? — усмехнулась она. — По-моему, здесь своим поведением ты больше напоминаешь комедийный персонаж.

Может, я и заслужил этот упрек своим хвастовством о том, каким великим воином собираюсь стать, но все же не следовало оставлять эту колкость без ответа.

— Зато между мирами, когда на нас напал Хранитель-бандит, я совсем не казался тебе смешным. Почему бы это?

Девушка смутилась. При воспоминании о пережитом ужасе по ее лицу скользнула тень.

— Из меня тогда как будто вынули душу. Я даже не могла колдовать, так испугалась. Если бы не ты и не Головоруб, я бы погибла.

— Может быть, ты тогда не могла колдовать, потому что не верила в себя, в свои силы. Наверное, по этой же причине и мои заклинания не действовали на Земле.

— Так по-твоему, колдовские способности — это результат самовнушения?

— Во всяком случае, я всегда считал, что злые чары ведьм — это результат концентрации отрицательных эмоций или импульсов. Значит, противостоять этим чарам можно усилием воли, концентрацией положительных эмоций.

— Глупости! Магия — это дар богов. Ею могут владеть только те, кто посвящен богам.

— Посмотрим, — ответил я, с трудом втаскивая в каюту меч, так что он уперся рукояткой в пол, а острием в потолок и пересек помещение по диагонали, — может, из меня здесь получится не только великий воин, но и знаменитый колдун.

— Ах, Дженъери, тебе бы только спорить, — зевая, пробормотала Эннис. — Похоже, это у вас, землян, вообще любимое занятие.

Сняв шлем и кольчугу, я повесил их на крюк, она сложила свою новую одежду в ящик под койкой. В Педриване я тоже сделал несколько покупок, обнаружив, к своему немалому удивлению, что там к оплате принимали наши чеки. Интересно, какотреагирует на это расчетный отдел банка, когда они вернутся на

Землю? Однако здесь, на острове, это, похоже, никого не беспокоило. В некоторых вопросах его жители усвоили лучшие черты обоих миров. Я купил себе изящного покроя тунику и меховой плащ. А кроме этого — двадцатичетырехдюймовый кинжал отличного качества и стеганный зипун, из тех, что надевают под кольчугу.

«Андраста», как и положено непригодной к плаванию плоскодонке, стала зарываться носом. Началась боковая и килевая качка, и Эннис, как я заметил, слегка позеленела.

— Что это с тобой? Ты съела за завтраком что-то несвежее? Мне и самому показалось, что копченая селедка была немного с душком.

Эннис сглотнула и опустилась на койку.

— Нечего паясничать! Ты прекрасно понимаешь, в чем дело.

— Неужели морская болезнь? И это у дочери морского короля?

— Я пятнадцать лет провела в ссылке на Земле. На таких кораблях, как этот, я не плавала с детства.

— Когда-то я знал великолепное контрзаклинание против морской болезни, но однажды на краю пирса в Санта-Монике одолжил его юной русалке, и она так мне его и не вернула.

— Будь ты проклят, Дженъери! Уферн побрал бы твою черную душу!

— Не знаю, кто такой или что такое этот Уферн, дорогая, — ответил я, — но уверяю тебя, что лучше не бросаться проклятиями направо и налево, потому что они ведь могут вернуться рикошетом. Знаешь, что я сейчас сделаю? Поднимусь на палубу подышать свежим воздухом. Может быть, по закону симпатической магии, это поможет и тебе.

Она снова сглотнула, борясь с тошнотой, и я подал ей миску, взяв ее со стола посреди каюты. Это было все, в чем она сейчас нуждалась. Поднимаясь на палубу, я усмехнулся про себя. Надо же, оказывается, морская болезнь способна свалить с ног даже ведьму-королеву.

Выйдя из каюты, я посмотрел на мачту. Она описывала странные круги в бледно-голубом небе. Один из матросов сидел наверху в маленьком «вороньем гнезде», в такой позе, как будто ехал на гидровелосипеде.

Оглядевшись вокруг, я обнаружил, что остальные члены экипажа бегают взад-вперед, крича и размахивая руками. Капитан с помощником, стоя на полюте, изо всех сил пытались повернуть рулевое весло. Что-то было не так. Корабль не только качало, но еще и крутило.

Схватившись за переборку, я стал боком пробираться к корме. Меня обдавало солеными брызгами, несколько раз в лицо плеснуло водой.

— В чем дело? Что случилось? — прокричал я. Капитан и помощник не ответили. Они ругали штиль так увлеченно и страстно, как будто участвовали в состязании по богохульству. Говорили они на местном наречии, и всех нюансов их высказываний я не уловил, но и то, что мне удалось понять, звучало необыкновенно смачно.

Качнувшись, я ухватился за перила трапа и взобрался по нему на полуют.

— В чем дело, капитан? — крикнул я. — Почему вы ведете корабль кругами?

— Придется нам возвращаться в Педриван. Дальше мы плыть не можем.

— Что еще такое? Ведите корабль к Лохлэнну! Мы заплатили за проезд и должны попасть туда вовремя!

Капитан свирепо взглянул на меня и приказал убираться вниз, при этом он вошел в детали моего происхождения, в общих чертах обрисовал моральный облик моей матери и упомянул также свиноголовых богов, которым я поклоняюсь.

Меня совершенно не взволновали высказанные им соображения относительно моих предков, и я всегда считал моральные нормы моей матери ее личным делом, но я не мог позволить кому-либо отзываться без должного уважения о моих богах. В два прыжка я оказался возле капитана. Он и помощник

приготовились к драке. Капитан схватился за кофель-нагель, помощник вынул нож. Но я схватил их за шеи прежде, чем они смогли пустить в ход свое оружие. Я приподнял их в воздух и только собирался стукнуть лбами друг о друга, как это толстобрюхое корыто заложило такой невыносимо крутой вираж, что мы все трое кубарем покатались к самому борту. Меня бросило на леер, капитан повис за бортом, помощник растянулся у моих ног.

Посмотрев на пенявшееся под ним море, капитан издал крик ужаса и ухватился за мою руку. Я втащил его на борт и встряхнул несколько раз, как мокрую крысу, на которую он был очень похож, а затем поставил на ноги, и он пробрался через палубу к рулевому веслу. «Андраста» продолжала кружиться на месте с высоко поднятой носовой частью.

— Черт побери, да выровняйте же ее! Ведь лучше зачерпывать воду носом, чем допускать, чтобы заливало корму!

Кипя от ярости, они, однако, больше не отважились ни на какие высказывания о моих предках или религии.

— Мы не можем ее выпрямить! — закричал капитан. — На нас лежит проклятие!

— Брунгер у нас на парусе! Мы не можем следовать курсом! — проревел помощник. — Мы теперь будем так кружиться до конца света.

Я не знал, что или кто такой этот Брунгер, но, подняв голову, как и следовало ожидать, ничего на парусе не увидел. Видел я лишь мачту, описывавшую круги на фоне неба, и небо, двигавшееся в противоположную сторону. От этого зрелища содержимое моего желудка внезапно запросилось наружу.

— Ничего там нет, — крикнул я, глотнув воздух, чтобы справиться с тошнотой, — я ничего не вижу.

— Конечно, ты его не видишь, — крикнул в ответ помощник. — Брунгера могут видеть только могущественные волшебники.

Я решил, что все это они выдумали, чтобы скрыть свою профессиональную непригодность. Оттолкнув их, я сам взялся за рулевое весло. Первой моей мыслью было, что «Андраста» не так легко слушается руля, как славный маленький шлюп, на котором я когда-то плавал у берегов Калифорнии. А второй моей мыслью было, что кто-то чертовски сильный толкает корабль, заставляя его описывать круги.

— Почему же ты не выправишь курс? — ехидно спросил капитан.

— Подналяг на весло, герой! — поддержал его помощник. — Может, тебе удастся одолеть Брунгера.

— Заткнитесь со своим Брунгером, а не то, клянусь Бранвен, я вас всех... — я ударил помощника ногой, так что он кубарем прокатился до середины палубы, но тут против меня поднялся весь экипаж. Они гурьбой сбежались на корму, вооруженные ножами и веревкам.

— Брунгер на корабле! — завизжал какой-то недоносок. — Это пассажиры навлекли на нас проклятие! За борт их!

— За борт! — вторил ему помощник, и они окружили меня.

В своих мечтах о героических подвигах я много раз представлял себя в подобной переделке. Именно так мне все и виделось: я на палубе старинного парусника в окружении дюжины рычащих мятежников. Вот такое дельце как раз по мне! Но, как это всегда бывает, разница между мечтой и реальностью оказалась весьма существенной: я всегда представлял себя в подобной ситуации не иначе как с Головорубом в руке, обгадрываемым кровью моих врагов. К сожалению, сейчас он находился в каюте, с Эннис. Я был безоружен, а все эти негодяи — вооружены. Я решил взять наглостью.

— Давайте, давайте! Меня на всех хватит! Подходи по одному или по двое, как вам больше нравится! Ну, кто первый?

Но я никак не ожидал, что они поведут себя столь неспортивно и бросятся на меня все разом. Пару минут я еще продержался. Вцепившись одной рукой в рулевое весло, другой я двинул по физиономии первому бросившемуся на меня матросу. Он отлетел к лееру полуюта и свалился на шкафут. Второго я встретил двойным боковым ударом. Глаза его помутнели, он опустился на колени и несколько раз качнулся, прежде чем упасть плашмя. Остальные окружили меня. Я успел послать одного из них кубарем

через всю палубу и попасть ногой по весьма уязвимой части тела капитана, но после этого полдюжины мускулистых матросов оттащили меня от рулевого весла и повисли на мне. Помощник стал молотить меня кулаками по лицу, а боцман стегал по шее просмоленным концом веревки.

— Выбросим его! — кричал помощник. — Швырнем его за борт! Отдадим проклятого иноземца морским богам ради нашего спасения!

Такое решение проблемы показалось мне слишком радикальным, и я понадеялся, что капитан, забыв о появившейся у него личной неприязни ко мне, вмешается и положит этому конец, но, к сожалению, он был не в состоянии сделать что-либо: сидя на палубе, стenea и корчась от боли, он держался за то место, куда пришелся мой пинок.

— Прекратите это! — завопил я. — Я американский гражданин! Я буду жаловаться!.. — но не в силах придумать, кому бы я мог здесь пожаловаться, Я решил изменить тактику обороны. Вырываясь, толкаясь и пиная навалившуюся на меня людскую массу, я вспомнил о Бранвен. — Бранвен! — крикнул я. — Это Дюффус!

Ты знаешь меня! Помнишь, какой праздник мы тебе устроили в храме? Бранвен, сделай что-нибудь!

Матросы наклонили меня над кормовой переборкой. Я слышал, как вода бешено шумит в кильватере.

— Кончайте с ним! — кричал помощник, и экипаж изо всех сил старался воплотить его слова в дело.

Они почти преуспели в этом. Поясницей я опирался на леер, и они отрывали от палубы мои ноги, чтобы опрокинуть меня за борт.

— А ну-ка прекратите это, дурачье! — поначалу я решил, что это Бранвен откликнулась на мой зов из той похотливой Валгаллы,^[11] где она обитает, но, как оказалось, голос принадлежал Эннис. Ее голова показалась над кормовой палубой, девушка взбиралась по трапу.

— Дюффус, идиот, что ты с ними делаешь? И что ты делаешь с кораблем? — возмущенно спросила она.

Поскольку четыре руки вцепились мне в горло, а пятая зажала рот в попытке удушить меня, я не ответил. К тому же я счел ее негодование не совсем справедливым.

Эннис и не ждала ответа. Она взобралась на палубу полуяота, пиная матросов, пытавшихся меня умертвить, и грозя:

— Отпустите его! Отпустите его сейчас же, пока я не превратила вас в сардины!

Капитан к этому времени достаточно пришел в себя, чтобы пробормотать несколько бессвязных слов о Брунгере и парусах. Опешившие матросы, испугавшись угроз Эннис, отпустили меня. Корабль по-прежнему кружился на месте, черпая воду каждый раз, как поворачивался бортом к волне.

— Брунгер! Брунгер! Корабль проклят! — завыл один из матросов.

— Вот суеверные идиоты, — обратился я к Эннис охрипшим голосом. — Они думают, что на мачте сидит какое-то чудовище!

— Брунгер на парусе! — подтвердил капитан. — Его не видно, но он там.

К моему удивлению, Эннис вскинула голову и стала всматриваться вверх, как будто принимая сказанное всерьез.

— Конечно, это Брунгер, — согласилась она. — Кому же еще там быть?

— Ты такая же чокнутая, как и они, — сказал я. — Никого там нет.

— Конечно, ты его не видишь, безмозглый идиот! — крикнула Эннис. — Брунгер — колдун. Он может заставить тебя видеть то, чего нет, и не видеть очевидное. Он там, не сомневайся!

— Где? — спросил я, разглядывая мачту. Матрос, которого я прежде видел в «вороньем гнезде», спустился оттуда, чтобы помочь остальным прикончить меня. Теперь там абсолютно никого не было.

— Вон там... смотри... — Эннис вытянула руку и начертила пальцами в воздухе каббалистический знак.

Я разинул рот от изумления: она говорила правду! На нок-рее что-то смутно виднелось. Став чуть более отчетливым, видение приняло формы, слегка напоминавшие человеческие. Маленький уродец, с непомерно широкими плечами, длинными ушами, спускавшимися ему на плечи, с кривлявшейся горгульей^[12] вместо лица, хохотал, раскачиваясь взад-вперед на нок-рее.

— Это он! Это Брунгер! — крикнул капитан. — Мы прокляты! Прокляты!

Существо на мачте издало пронзительный вопль и показало нам язык.

— Кругом, кругом мы плывем! «Андраста» будет плавать всегда, но не приплывет никуда! — причитал он. — Кругом, кругом мы плывем. Брунгер качается, «Андраста» вращается!

— Брунгер, приказываю тебе! — крикнула Эннис. — Именем Бранвен приказываю тебе: убирайся!

Брунгер залился истерическим смехом.

— Кто такая Бранвен? У нее нет власти над королевой моря!

— Ага! Так я и думала! Это дело рук Морриган. Это она наслала на нас проклятие!

— Какая чепуха! — сказал я, наблюдая, как безумно хохочущий Брунгер раскачивается на нок-рее, а корабль кружится, повинувшись этому ритму. — Морган Лэйси — обыкновенная земная девушка. Что она может знать о проклятиях, закланиях и существе по имени Брунгер? Да и вообще, кто он такой?

— Морской дух. Тысячи моряков лежат на дне морском по его милости.

— Ну, нам такое не грозит. Эй, капитан, пошлите кого-нибудь на мачту. Пусть эту мерзость сбросят на палубу.

Все до одного матросы посмотрели на меня так, будто готовы были скорее прыгнуть за борт, чем выполнить этот приказ.

— Ах, так? — крикнул я, подходя к мачте. — Хорошо же, я и сам управляюсь.

— Подожди, Дюффус! — взмолилась Эннис. — Дай мне подумать. Через минуту я соображу, как поступить.

— Не так-то много у нас осталось минут, — возразил я, указывая на собиравшиеся тучи и бушующее море. — Видишь, надвигается шквал. Если мы не выровняем корабль, он вот-вот пойдет ко дну.

Схватившись за выбленочный трос, я стал подниматься по качающейся из стороны в сторону мачте, быстро перебирая руками и рискуя каждую минуту свалиться за борт.

Увидев это, Брунгер стал безудержно хохотать.

— Вот герой лезет на мачту, чтобы поймать Брунгера. Герой сейчас упадет с мачты и сломает шею. Брунгер будет смеяться, смеяться, смеяться!

— Мы еще посмотрим, кто сломает шею, — пригрозил я, находясь уже на полпути к нему.

Брунгер стал раскачиваться еще неистовее. Ухватившись за линь, он начал крутиться вокруг мачты, как если бы это был майский шест.

Дважды я чуть не схватил его, но оба раза ему удалось ускользнуть, перепончатые ступни мелькали в нескольких дюймах от моей протянутой руки, и морской бес испускал ликующие крики.

«Андраста» вертелась как волчок. Вода заливала палубу, и экипаж в панике пытался отвязать две маленькие шлюпки, прикрепленные к рубке, чтобы спастись в них.

— Кругом, кругом на «Андрасте» все плывем! Кружится Дюффус, кружится Эннис!

Опять он увернулся от меня, горланя свои глупые рифмовки!

Пытаясь очередной раз схватить его, я чуть не разжал руку, которой держался за трос. Поневоле взглянув вниз с головокружительной высоты, я не смог разглядеть ничего, кроме зеленой воды и белых гребней волн. В голове у меня все кружилось с такой же скоростью, как и «Андраста», не лучше обстояло дело и с желудком. Брунгер почти загипнотизировал меня своим ритмичным бормотанием.

— Наш герой сейчас разожмет руку, руку, руку... Он упадет вниз, вниз, вниз...

Такие штуки обычно действуют безотказно. Я видел результаты внушения на многочисленных тайных шабашах, которые посетил еще на Земле.

Крепче схватившись за трос, я старался не слушать Брунгера.

— Дюффус, спускайся! Я сама с ним разделаюсь! Я что-нибудь придумаю! — просила Эннис.

— Он упадет, он упадет, — причитал монстр. — Брунгер его околдует, и он упадет!

И тут морской бес начал воплощать свои слова в дело. Из появившегося откуда-то полыхающего облака на меня стремительно понеслось крылатое чудовище. Оно било огромными черными крыльями, а его острые когти нацелились, чтобы сорвать меня с мачты. Я уже чувствовал его огненное дыхание на своем лице.

Но, тряхнув головой, я отогнал наваждение. Когда знаешь, что все это только кажется, не испугаешься никакого гипнотического видения. К тому же крылатые монстры не были моей фобией.

Брунгер снова отпрянул, в его красных свиных глазках блеснуло удивление.

И тогда он выдал нечто действительно ужасное. Мне стало казаться, что я снова нахожусь на Земле, на скоростной дороге в Лос-Анджелесе. Я держался за веревку, привязанную к бамперу мчащейся машины. Вокруг было множество других машин. Оскалившись, рыча и завывая, они гнались за мной, чтобы растерзать на части. Ужас обдал меня ледяной волной.

Машина, за которой я бежал, понеслась быстрее. Я чувствовал себя как заяц, за которым гонится свора гончих. Я служил приманкой для стаи механических чудовищ. Надо было отпустить веревку... Надо было выбраться оттуда... Надо было...

— Дюффус! Дюффус! Не поддавайся, это только видение! — голос Эннис донесся до моего слуха будто сквозь туман, когда я уже почти отпустил трос и начал отклоняться назад. Брунгер вопил от восторга. Корабль качнуло, и я, чуть не полетев в воду, окончательно пришел в себя, схватился за трос обеими руками, а ногами крепко уперся в мачту.

Да, на этот раз он почти одолел меня, каким-то образом вычленив страх из моего сознания, бес превратил его в зримый для меня образ. Это чуть не стало фатальным. Он оказался чертовски близок к победе. Мне следовало помнить, что все страхи прежнего мира здесь недействительны. Между тем они, оказывается, все еще имели надо мной власть.

Брунгер опять увернулся от меня. Но на сей раз он допустил просчет, забыв, как я высок и как далеко могу дотянуться. Вытянув руку на всю длину, я схватил его за голую ступню и рывком подтащил к себе. Он взвыл и стал лягаться, но я крепко прижал Брунгера к себе. От него воняло тухлой рыбой, он был холодный и водянистый, как само море. Я содрогнулся от омерзения, ощутив так близко от себя это вонючее, липкое, брыкающееся и выкрикивающее ругательства создание, но, продолжая прижимать его к себе, стал спускаться вниз.

Спустились мы быстрее, чем я поднимался. Мои руки горели от трения о веревку. Брунгер бешено отбивался, изрыгая проклятия. Он протянул ко мне руки с перепонками между пальцами и острыми когтями разодрал мое лицо и шею.

Я изо всех сил ударил кулаком по мерзкой роже-горгулье, но отвратительная тварь вонзила в мою руку зубы, повиснув на ней, как бешеная собака. Мы упали и покатались по палубе, а экипаж бросился врассыпную.

Я был в три или четыре раза выше морского беса и, пожалуй, во столько же раз тяжелее его, но у него были стальные мускулы, и боролся он с одержимостью сумасшедшего. Дважды он глубоко оцарапал мне шею и грудь, его босые пятки больно колотили меня по животу, мои руки были сплошь искусаны его острыми зубами. Я прижал монстра к палубе. Он отбивался, надеясь вырваться от меня и снова взобраться на мачту. Рискнув осмотреться, я увидел, что «Андраста» перестала вращаться. Она плавно покачивалась на волнах, но шквал неотвратимо приближался.

— Пошлите матросов к такелажу! — крикнул я капитану. — Иначе мы не выдержим этого шторма!

Мгновение, на которое я выпустил Брунгера из виду, чуть не стало роковым. Его когтистые пальцы

сомкнулись на моем горле, нащупывая яремную вену. Подняв над головой кулаки, я изо всех сил обрушил их на голову чудовища. Этот удар наверняка свалил бы и слона. Дыхание морского демона, отдающее тухлой рыбой, прервалось стоном, и на мгновение он обмяк.

Я вскочил на ноги. Кровоточащие царапины покрывали мои плечи, грудь и шею, кровь струилась по лицу. Но с Брунгером еще не было покончено. Он встряхнулся, как собака, и, отвратительно ругаясь, откатился прочь. Я ринулся к нему, но меня опередила Эннис.

Юная ведьма склонилась над морским бесом.

— Брунгер... Брунгер, посмотри-ка сюда, — приказала она, вытянув руку.

То, на что она велела Брунгеру смотреть, казалось маленьким светящимся шариком. Свет колебался, попеременно вспыхивая ярче и тускнея, и, взглянув на него, Брунгер не мог уже отвести взгляд.

— Брунгер, приказываю тебе...

Брунгер потряс головой, хлопая длинными ушами. Он не мог отвернуться от волшебного света и поднял одну из перепончатых лап, чтобы заслонить глаза, но свет, видимо, проникал и сквозь нее. Взгляд демона остекленел, и он улегся на палубу, уставившись на световой шарик.

— Я приказываю тебе именем Древнего Вечного и Безначального, приказываю тебе именем Хен Ддихенидда! — сказала Эннис.

Брунгер медленно поднялся на задние лапы, по-прежнему глаз не сводя с мерцающего шарика в руке Эннис.

— Уходи отсюда, Брунгер! Изыди отсюда и вернись туда, откуда ты явился. Вернись в море! Вернись в мутные глубины океана! Приказываю тебе!

Брунгер стал пятиться к левому борту корабля, исчезая на глазах. Дойдя до переборки, он превратился в расплывчатое пятно, которое прошло сквозь деревянную обшивку, отделилось от корабля и почти без всплеска погрузилось в море.

— Все, больше он не вернется. Мы спасены, — сказала Эннис, подходя ко мне.

— А почему ты раньше не воспользовалась этой штуковиной? — спросил я, посмотрев на ее руку, но ничего в ней не увидев.

— Для того чтобы накопить достаточно энергии, нужно время. Мне пришлось воззвать к силе даже более могущественной, чем Бранвен. И, пожалуй, я не смогла бы этого сделать, если бы ты не стащил его с мачты и не прижал к палубе. Ты и в самом деле молодец!

Я скромно улыбнулся и собирался уже поведать, каково мне было, когда я висел на вантах с Брунгером, впившимся в меня когтями, но, взглянув в этот момент вверх, увидел, что на нас с яростью фурий несется шквал.

А корабль все еще продолжал подпрыгивать на каждой волне. Его единственный большой парус наполовину свесился за борт, а экипаж стоял неподвижно, оцепенев от ужаса, за исключением помощника капитана и двоих матросов — они все еще пытались отвязать шлюпки, чтобы спустить их на воду.

— Надо что-то делать, — сказал я Эннис, — иначе нам конец.

В три прыжка я оказался у рулевого весла. Эннис не отставала от меня.

— Эдерин! Капитан Эдерин! — закричал я. — Заставьте матросов поднять парус! Нам надо опередить шквал!

Эдерин не слышал. Он стоял на коленях, воздев руки к небу, и иступленно молился богам. Команда, отчаявшись отвязать шлюпки, решила пробраться на корму, чтобы подтащить ближе узкую лодку, которую мы вели на буксире. Для этого им надо было пройти мимо меня. Я знал, что в лодках невозможно спастись от надвигавшегося шквала, и не собирался позволить им погибнуть и заодно погубить нас.

— Назад! Назад, паршивые трусы! — крикнул я зычным голосом бывалого моряка. — Вы спасете корабль или утонете вместе с ним!

И начался мятеж. Схватив все, что попало им под руку, от рукояти топора до кофель-нагелей и ножей, матросы кинулись на меня. Первым бежал боцман, толстопузый тип с черными зубами и носом-картошкой. Он размахивал рукояткой топора.

Я отступил и, когда он проскочил мимо меня в броске, схватил его за вытянутую руку и стал выкручивать ее, пока он не взвыл и не выронил свое оружие. Тогда я поднял его за правую руку и левую ногу, превратив таким образом его тело в отлично сбалансированный снаряд, и метнул в появившиеся над полуютом головы четверых матросов.

— Бунт! — крикнула Эннис. Запущенный мной боцман как кегельный шар смел четверых нападавших, и все пятеро покатались вниз на шкафут.

Я помчался вслед за ними, вооружившись просмоленной веревкой.

— К снастям, мерзавцы! К снастям! Поднимите парус или будете кормить рыб!

Схватив боцмана, я поднял его и пнул ногой к мачте. Поколебавшись, он стал подниматься по вантам, за ним последовали несколько матросов. Помощник капитана с ножом в руке попытался подойти ко мне сзади. Я ударил его так, что он пролетел до середины корабля и приземлился у шпангоута, стукнувшись головой о переборку.

Капитан стоял, уставясь на матросов, которых я сбросил с полуюта, как кегли.

— Заставьте их работать, Эдерин! Иначе корабль не спасти! — закричал я что было сил, стараясь перекрыть шум ветра. — Заставьте их работать, или вы будете иметь дело со мной!

— Они мертвы, — ответил капитан. — Вы перебили половину моей команды.

— Ну что ж, мертвые пусть отдыхают, — разрешил я, подходя к нему и стаскивая его с полуюта. Поставив капитана на ноги перед собой, я прорычал: — Остальные пусть принимаются за дело, прежде чем я сосчитаю до трех!

Эдерин забормотал что-то о проклятии, тяготеющем над кораблем.

Я протянул руку, зажал его нос между указательным и большим пальцами и повернул.

— Если они не примутся за дело прежде, чем я сосчитаю до трех, пусть лучше прыгают за борт!

Не знаю, что сильнее подействовало на капитана — моя угроза или манипуляции с его носом, но он пинками и бранью стал подгонять лежавших на палубе и заставил их работать. Не поднялся только помощник. Он раскроил череп о переборку. Остальные с воплями и бранью втащили парус и укрепили его на мачте.

Я сменил Эннис у рулевого весла. В эту минуту нас настиг шторм.

— Привяжите парус! — скомандовал я матросам. — Привяжите его немедленно, или вы мне ответите! — Они заметались, как сумасшедшие.

— Ты, я вижу, крутой парень, а, Дженъери? — сказала Эннис.

— В прошлый раз, помнится, ты обозвала меня трусом, до этого — дураком, — ответил я, пробуя силу ветра, дувшего мне в спину, и стараясь веслом поставить корабль под правильным углом к нему.

— По-моему, убеждением ты смог бы достичь большего. Неужто была необходимость проявлять такую жестокость?

— Боюсь, что была. И я собираюсь продолжать в том же духе, потому что не вижу другого способа выйти из этой передраги живыми.

Ветер наполнил парус, но мы еще не ушли от опасности. Верхушка мачты с громким треском обломилась, да и с самой мачтой, судя по ее виду, могло вот-вот случиться то же самое.

— Пошлите людей на мачту, Эдерин! Надо привязать ее крепче!

— Корабль проклят, все без толку, — отозвался Эдерин.

— Может, и так, — ответил я, стараясь перекричать ветер. Я поднял нож, оброненный кем-то из

команды. — Может, нам стоит принести кого-нибудь в жертву. Может быть, если я отрежу вашу голову и насажу ее на форпик, это принесет нам удачу... Например, ваша борода, покрытая морской пеной...

Капитан повернулся и снова стал ударами загонять матросов на мачту.

— Ты — деспот, Дюффус Дженъери, — заключила Эннис.

— Если я не ошибаюсь, ты, кажется, хочешь попасть в Лохлэнн?

— Да, но...

— Так же точно обращался бы с негодным экипажем Финн Мак-Кул, да и ваши лохлэннские герои.

— Наверное, да, но мне все-таки кажется, что можно найти и другой способ.

— Ты долго пробыла на Земле, — возразил я, — и стала слишком мягкой.

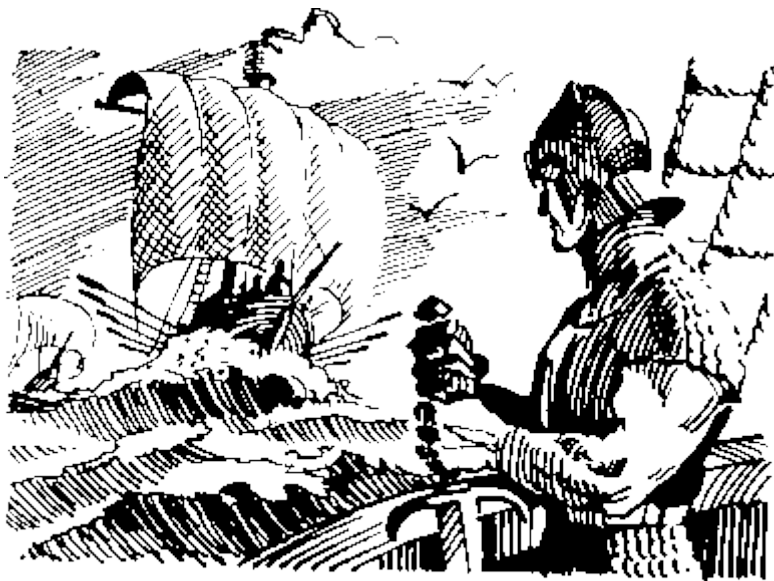
— Много на Земле меня очень устраивало. В некоторых отношениях мне там нравилось больше, чем здесь.

— А мне — нет! — сказал я, глубоко вдыхая соленый влажный воздух. — Мне все здесь нравится! Это именно тот мир, для которого я создан!

— Как тебе удалось взять власть над этими людьми? — удивленно спросила она. — И так быстро?

— Я уже излагал тебе мою теорию о силе внушения, — ответил я. — Ударив одного из них, я просто внушил ему и себе, что он не сможет подняться. Вот такое волшебство!

VII

Выйдя на палубу следующим утром, я обнаружил, что небо совершенно ясное, если не считать небольшой группы облаков в отдалении. Яркое солнце освещало спокойное море.

Я потянулся, чтобы размять затекшие члены после ночи, проведенной на жестком полу каюты, свернувшись в тесном пространстве чуть ли не вдвое. Я с удовольствием вдыхал запах моря, приносимый легким ветерком. Повернувшись, я прошел по палубе на корму. Несколько матросов с уважением посторонились, давая мне дорогу. У двоих из них на лицах были свежие синяки и кровоподтеки, у одного был сломан нос. Вчерашние события, отразившись столь плачевно на их внешности, в то же время значительно улучшили их манеры.

Я взобрался на полуют. Капитан поднес ладонь ко лбу, боцман осклабился в знак приветствия.

— Все в порядке, капитан Эдерин? — спросил я.

— Да, сэр. Все в полном порядке, — быстро ответил он. — Море спокойное, попутный ветер. Мы делаем около трех узлов.

Три узла! Мой маленький шлюп делал двенадцать при более слабом попутном ветре. Да, жителям этого мира явно следовало преподать урок судоходства!

Из каюты, зевая и потягиваясь, вышла Эннис. Одета она была в легкую цветастую тунику. Тонкая ткань прекрасно обрисовывала восхитительно стройные формы ее тела. Взглянув на девушку, я пожалел, что она не склонилась к более либеральным взглядам на наше устройство с ночлегом. Возможно, если бы я попробовал договориться с Бранвен, она бы шепнула Эннис на ушко, и... С этой счастливой мыслью я спустился по трапу и встал у борта рядом с моей принцессой.

Она наблюдала за птицами, летавшими кругами, и за собиравшимися на востоке белыми облаками. Видимо, полет птиц имел для нее какое-то значение. Я решил, что она, наверное, может, подобно авгуру, угадывать по нему будущие события. Этим умением всегда славилась друиды. Не исключено, что подобными способностями обладала и королева-ведьма.

— Похоже, стоило нам избавиться от Брунгера, и все пошло как по маслу, — сказал я.

Она кивнула.

— Да, пока еще все хорошо.

— Неужели ты предвидишь новые бедствия?

— Я удивилась бы, если бы на этом наши испытания прекратились.

— Мне кажется, ты ошибаешься насчет Морриган, — заметил я. — Лорд Сион действительно мог бы наслать на нас этого гнусного Брунгера, но Морган Лэйси не стала бы этим заниматься, даже если бы

могла.

— Между прочим, это не лорд Сион посвящен Мюллеартах, морской богине, а именно Морриган!

— Ну, во всяком случае, мы с Головорубом готовы ко всему.

— Будем надеяться, — ответила она, и мы некоторое время молча стояли у борта корабля, глядя в небо.

Потом Эннис повернулась ко мне.

— Я хочу тебя спросить кое о чем, Дюффус.

— Спрашивай о чем хочешь, о могущественная королева!

— Любезничать будешь после коронации. Я хотела бы знать, что произошло вчера на мачте, когда ты пытался схватить Брунгера. Твое сознание внезапно закрылось от моего. Я наблюдала, как ты развеял видение, представлявшее большого небесного дракона, но потом появилось что-то другое, и тут твою душу охватил мрак, ты чуть не упал. Что-то тебя сильно напугало, да?

Я кивнул.

— Да... эта тварь... этот Брунгер, похоже, прочитал мои мысли. Он узнал о моей фобии и использовал для очередного видения именно ее. Сотни врачей-психиатров действуют примерно так же, но, чтобы выяснить, в чем заключаются страхи их пациентов, они используют научные методы. А Брунгер обошелся своими средствами.

— Конечно. И я так могу. Теперь ты видишь, как широко распространено колдовство в нашем мире?

— Я вижу, что вы широко пользуетесь чем-то очень похожим на колдовство. Но пока я все же придерживаюсь своей теории об энергии пси.

— А что именно Брунгер узнал о тебе? Что тебя так испугало, когда ты разжал руки и чуть не упал?

— Я, конечно, вполне доверяю вам, высокочтимая леди, — сказал я. — Но одно из основных правил магии и волшебства гласит, что никогда нельзя давать никому... повторяю, НИКОМУ психологического ключа к своему сознанию.

— Да, в нашем мире этот принцип тоже известен, — ответила Эннис, приняв мой отказ весьма снисходительно. Но при этом у нее был такой довольный вид, что я без труда догадался: она наверняка уже знала, в чем заключалась моя фобия.

— Надо бы мне вынуть Головоруб и немного размяться, — сказал я, чтобы переменить тему.

— Да, следи, пожалуйста, чтобы он был в порядке. Он нам скоро понадобится.

Я осторожно извлек свой огромный меч из тесной каюты и закинул его на плечо. Надо было найти, на чем попрактиковаться. Несколько матросов, увидев в моих руках оружие, бросились спасаться, решив, видимо, что я подвержен приступам внезапной ярости и могу запросто поубивать их ни с того ни с сего. Взгляд мой упал на груды дров, и я поднял одну связку, давая этим понять матросам, что не собираюсь упражняться на них.

Отыскав на палубе незанятое пространство, я, слегка расставив ноги, подбросил связку в воздух. Затем, быстро сняв Головоруб с перевязи, обеими руками поднял его над головой и описал широкую дугу. Лезвие рассекло падающую связку аккуратно пополам. Рассыпавшись, половинки поленьев застучали по палубе.

— Ха! Головоруб! Живем! Мы с тобой молодцы! — крикнул я радостно.

После дюжины ударов палашом вокруг меня выросла груда щепы, и почти все члены команды глазели на меня с разинутыми ртами. Я заметил, что боцман спустился с мостика и подошел к Эннис, которая все еще стояла у леера и внимательно изучала небо. Они шепотом обменялись несколькими фразами, после чего девушка подошла ко мне.

Она остановилась поодаль от круга, образованного мелькающим мечом и летающими обрубками поленьев.

— Дюффус!

— Слушаю, ваше величество! Что вам угодно? — спросил я, рассекая очередную связку.

— Капитан просил передать, что он преклоняется перед твоим мастерством, но был бы признателен, если бы ты перестал портить его груз.

Я посмотрел на гору щепы вокруг меня.

— М-м-м, похоже, я и правда немного увлекся, но ведь воин должен поддерживать свое искусство и боевой дух.

— Об этом не беспокойся, — заверила она. — Тебе вот-вот представится возможность применить свое искусство против настоящих, живых и весьма многочисленных противников.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Посмотри-ка туда, на запад, — сказала она, указывая пальцем. — Видишь там паруса? Три паруса?

Я посмотрел в указанном ею направлении, но не увидел ровным счетом ничего. — Не вижу ни парусов, ни кораблей.

— И все-таки они там. Три быстроходные галеры с множеством воинов на борту. Готовься к бою, Дюффус Дженъери!

— Пусть подходят. Мы дадим им бой и во что бы то ни стало доберемся до Лохлэнна.

— На этих кораблях — Синие пираты Минча. — Голова Эннис склонилась набок, как мне уже было известно, для частной беседы с Бранвен или кто там еще мог быть на другом конце невидимого телефонного провода. — Ты хоть знаешь, кто они такие, Синие пираты?

— Ты говорила, что живут они под водой и у них есть жабры. А роста они какого? Надеюсь, не десяти футов?

— Нет, они совсем невысокие, не больше четырех или пяти футов.

Я ухмыльнулся и закинул Головоруб за плечо.

— Наверное, мне надо будет одолжить где-то меч поменьше. Было бы нечестно драться этим гигантским палахом с такой мелюзгой.

— Синие пираты — разбойники и каннибалы, — ответила Эннис. — Зубы у них острые как бритва, а клыки, как у саблезубых тигров. Сражаются они с мечом в каждой руке, в битве пускают в ход также зубы и когти. Король Эзал Амхарийский однажды послал против них флот из сотни галер, на которых было двадцать тысяч воинов. Ни один не вернулся, чтобы поведать о случившемся, но друиды рассказывали, что Синие пираты полгода пировали, поедая мясо воинов Амхары, и гряда из их костей до сих пор возвышается у ворот Минча. Синие пираты враждуют со всеми, они подчиняются одной лишь Мюллеартах. Это она наслала их на нас. И все это она делает для Морриган.

— Ну нельзя же обвинять Морган в том, что делает эта морская ведьма, — возразил я, думая о том, доведется ли мне еще когда-нибудь увидеть прекрасную блондинку. — Мы пробьемся сквозь все, что бы она на нас ни наслала.

Эннис покачала головой:

— Ума не приложу, как нам это удастся. На каждой из этих галер по меньшей мере пятьдесят пиратов. Что ты сможешь сделать против них, имея за спиной вот этих? — Она жестом указала на экипаж «Андрасты» — горстку жалких трусов, уже начавших дрожать от страха.

Я пожал плечами. Мне казалось, что меня они боялись гораздо больше, чем Синих пиратов. Если я прикажу им сражаться, они по крайней мере попытаются это сделать.

— Нам придется вступить с ними в бой, — ответил я. — Навряд ли мы сможем уйти от пиратов на этом старом корыте.

— С помощью Бранвен сможем.

— Если Бранвен удастся выжать из «Андрасты» больше трех узлов, то значит, она лучший мореход, чем твой покорный слуга.

Эннис нахмурилась.

— Ты все-таки продолжаешь говорить о богине так, как будто она не только простая смертная, но и твоя закадычная подруга.

— А знаешь ли, после того праздника любви в храме я именно так ее и воспринимаю.

— Бранвен — богиня любви, но она заслуживает высочайшего уважения, — веско сказала Эннис. — В этом мы с ней схожи.

Получалось, что Эннис ничем не лучше любой земной девчонки, без конца пристающей к своему парню с одним и тем же вопросом: «А если я соглашусь, ты будешь меня после этого уважать?»

— Я бесконечно уважаю двух женщин — тебя и Бранвен, — ответил я серьезно. — Ведь я не из тех, кто, получив свое, делает ноги.

— Я это запомню, — сказала Эннис. Затем она снова переключила внимание на своеобразную «горячую линию», согласно кивая и впитывая те перлы мудрости, которые, по-видимому, посылала ей Бранвен.

— Она ничего не говорила тебе обо мне? — спросил я. — Скажи ей...

— Заткнись, дурак! — вскипела Эннис, указывая на запад. — Посмотри туда! Даже ты наверняка уже можешь их разглядеть! Галеры Синих!

Да, теперь я их видел. Три одномачтовые галеры с низкой осадкой, со скамьями для гребцов, каждая с одним большим парусом. Они стремительно неслись по морской глади. «Андрасте» никак не уйти от них, разве что у нее выросли бы крылья.

— Пойду, пожалуй, надену кольчугу, — сказал я. — Похоже, придется принять бой.

Эннис не ответила. Они с Бранвен увлеклись беседой, совсем как две домохозяйки, обсуждающие прошедший праздничный прием.

— Капитан! Капитан Эдерин! — крикнул я.

Он посмотрел на меня с мостика. Лицо его стало цвета взбитых сливок, он нервно моргал.

— Вооружите своих людей, капитан! Этих пиратов надо проучить!

Мне показалось, что капитан сейчас упадет в обморок или прыгнет за борт, но вместо этого он кивнул:

— Да, лорд Дюффус! Слушаюсь, лорд Дюффус!

Я оказался прав. Меня он боялся больше, чем Синих пиратов. Мне оставалось и дальше поддерживать его в этом состоянии. Пройдя в каюту, и надел стеганый зипун и кольчугу, на голову водрузил шлем, привесил сбоку кинжал и за спину — Головоруб. Теперь, ступив на палубу, я был готов ко всему. Но при одном взгляде на бравый экипаж «Андрасты» моей решимости поубавилось.

Они стояли, сбившись в кучу, вооруженные абордажными саблями, топорами и пиками. Когда они все вместе нападали на меня одного, вид у них был поистине волчий, но сейчас они были похожи на стадо овец, почуявших запах тигра. Сам Финн Мак-Кул впал бы в отчаяние, имей он за спиной таких «героев».

— Ну-ну, ребята, возьмите себя в руки, — сказал я. — Это всего лишь горстка трусливых пиратов. Неужели такие крепкие парни их испугаются?

Трое матросов стояли на коленях, молясь своим богам или богиням, четвертый громко рыдал. Я почувствовал, что тоже готов расплакаться. Как это я собирался стать великим воином и одержать славные победы на этой планете без нескольких когорт преданных воинов, бесстрашно идущих за мной?

Внезапно послышался смех Эннис. Я решил было, что она смеется надо мной и моей горсткой жалких воинов. Но она смеялась от радости: по палубе «Андрасты» всюду гулял свежий ветер. Он взметнул черные волосы девушки, отчего она стала похожа на ведьму из «Макбета». Он поднял подол ее туники, обнажив

стройные бедра, и наполнил парус корабля, как никогда прежде!

— Бранвен! Бранвен! Ты послала нам Подгоняющий ветер! Теперь галерам не угнаться за нами!

Слава Богу, подумал я, глядя на нашу команду. Матросы сбились в кучу, как стая испуганных ребятшек, да и боцман с капитаном выглядели не более воинственно, чем все остальные.

Но совершенно невероятно вела себя «Андраста»! Если бы я не видел этого собственными глазами, то никогда бы не поверил, что старушка способна на такое, пусть даже и с божественной помощью Бранвен. Старое корыто рассекало волны не хуже атомного эсминца! За кормой ее оставалась белая пенистая полоса.

— Ну как тебе это нравится, Дженъери? — прокричала Эннис. — Теперь-то ты веришь, что я — ведьма?

— Верю. Верю, что ты — ведьма, а Бранвен — девушка с хорошо развитыми легкими.

— Теперь нам больше не страшны Синие пираты!

— Надо убрать мачту, — сказал я озабоченно, — а то этот ветхий старый парус порвется в клочья.

— И мачта будет стоять, и парус не порвется! — ответила Эннис радостно. — Нам ничто не угрожает в лоне Бранвен.

— Ух ты! Вместительное же у нее, однако, лоно!

— Я попросила бы тебя прекратить неуместные шутки!

— Почему? Бранвен же знает, что я только дурачусь.

— Почему ты думаешь, что она это знает? Кроме того, совершенно недопустимо дурачиться, когда говоришь о богине.

— Кто это тебе сказал? Если она темпераментная, добродушная и веселая цыпочка, какой я ее себе представляю, то ей как раз должны понравиться мои шутки.

— Дюффус Дженъери, ты ведешь себя совершенно невозможно! — заключила Эннис. — Надо мне было оставить тебя на Земле прятаться от автомобилей.

— Ну уж нет! — возразил я. — Лучше играть в прятки с Синими пиратами и Брунгером. — Тем временем три пиратские галеры постепенно исчезали вдаль.

Матросы нервно озирались по сторонам, не в силах понять, что же случилось с их старой посудиною. Капитан склонился за борт, следя за щепками, которые боцман бросал за корму: они пытались определить скорость нашего движения.

В конце концов капитан поднял голову и с выражением крайнего недоумения и недоверия произнес:

— Пятнадцать... Она делает пятнадцать узлов... Что ж, это и для любого парусника скорость весьма приличная, но совершенно невозможная для плоскодонного одномачтового старого корыта, каким была «Андраста». Да, у этой Бранвен и в самом деле сил не занимать!

Три галеры почти скрылись за горизонтом. Теперь нам были видны только верхушки их мачт.

— К закату мы станем для них недосыгаемы, — сказала Эннис. — Мы войдем в море Мрака, а туда они не сунутся.

— А что это за море Мрака? Туманное место с плохой видимостью?

— Море Мрака полностью оправдывает свое название. Там никогда не бывает солнца, там всегда ночь.

— Но это невозможно! Ничто не может помешать солнцу светить повсюду! Планета ведь вращается, не так ли? Значит, солнце должно освещать всю ее поверхность, без исключения.

— Оно и освещает ее всю, кроме моря Мрака, — веско сказала Эннис. — Не знаю, в чем тут дело. Видимо, действует какое-нибудь заклятие. Ты уже не на Земле, друг мой. Приготовься то и дело сталкиваться здесь с необъяснимыми и странными явлениями.

— Да, придется привыкать, — согласился я, взглянув на группу облаков слева по курсу. — Смотри, Эннис! Там что-то впереди... Не может быть! Паруса... Три паруса!

— О, нет! Нет! — взвизгнула Эннис. — Еще три галеры Синих!

— Да, и они движутся нам наперерез. Они хотят поймать нас в ловушку, — сказал я, глядя на стремительно приближавшиеся корабли. — Похоже, нам все-таки не уйти от сражения.

Эннис снова попыталась воззвать к Бранвен. Я почти слышал ее мысленный крик: «Где ты, Бранвен, ну где же ты? Это я, твоя Эннис. Помоги нам, помоги!» Но ответа все не было.

— В чем дело? Неполадки со связью?

— Ах, боюсь, что Бранвен оставила нас. Видимо, послав нам Подгоняющий ветер, она отправилась по другим делам.

— Вот так всегда и бывает. Если у тебя не один, а много подопечных, то зачастую твоя помощь оказывается нужна одновременно нескольким.

— Я вижу, у тебя хватает силы духа паясничать даже в такой ситуации, но посмотрим, как ты будешь веселиться, когда Синие пираты полезут к нам на борт.

Ветер все еще продолжал нести нас вперед, и «Андраста» стремительно приближалась к галерам. Я поднялся на полуют, чтобы помочь капитану и боцману повернуть рулевое весло. Безуспешно! По-видимому, Бранвен закрепила его в таком положении, прежде чем исчезнуть, отправив нас по столь удачно выбранному пути.

— Похоже, на сей раз мы попались, — мрачно сказал я подошедшей ко мне Эннис. — Придется сделать все, что от нас зависит.

— Остался еще один шанс уйти от них, — ответила девушка. — Я могу произнести «фит-фат», чтобы попытаться спрятать нас.

Я знал, что «фит-фат» — заклинание невидимости.

— Неужели ты сможешь сделать это сама, без Бранвен?

— Но ты ведь знаешь, что я ведьма. Все лохлэнцы наделены волшебной силой.

Мы находились уже примерно в миле от галер и продолжали нестись к ним во весь опор. Минут через двадцать будет уже поздно.

— Сколько времени нужно на твое колдовство? — спросил я.

— Совсем немного, если только не будет никаких помех.

— Помех?

— Да, если не вмешается морская ведьма и если Морриган на самом деле не сильнее, чем я думаю.

— Тогда давай, Эннис! А то я уже могу разглядеть белки глаз Синих пиратов!

Эннис подняла руки и стала пристально всматриваться в морские волны. Заклинание она начала читать вполголоса, но постепенно слова ее стали звучать громче и отчетливее.

Фит-фат,
Помогите, волшебные силы,
Дайте возможность
Мне спрятать «Андрасту»
От овцы и барана,
От лисы и от волка,
От дракона и змея морского,
От колдуна и богини.
Фит-фат,
Волшебным облаком
Укройте нас от них.

Все, кто плавает по морям,
«Андрасту» не увидеть вам!

Корабль начал исчезать из виду. Я протер глаза. Поверить в это было невозможно, казалось, это сон, но я видел все наяву. Контуры «Андрасты» начали тускнеть. Сама Эннис стала как бы таять в воздухе, а матросы заголосили, видя, что их товарищи превращаются в каких-то бледных призраков. Я посмотрел вниз на собственные ступни. От них остались лишь смутные очертания.

— У тебя получается, Эннис! Получается! Мы пройдем мимо них, а они даже не заметят! — ликовал я.

— Но я чувствую сопротивление, Дюффус. Чья-то сила противостоит моей!

Голос Эннис слышался совсем близко, но ее не было видно. Не видел я и палубы: там, где она только что была, плескалось море. Это так потрясло матросов, что они истошно завопили, призывая на помощь своих богов.

— Заткнитесь, болваны! — приказал я. — Какой толк от нашей невидимости, если вы ревете тут, как стадо быков?

Фит-фат,
Помогите, волшебные силы,
Дайте возможность
Мне спрятать «Андрасту»
От овцы и барана,
От лисы и от волка,
От дракона и змея морского...

На этот раз Эннис произносила заклинание дрожащим от напряжения голосом. Теперь «Андраста» виднелась лишь смутно, но все же полностью не исчезла из виду, как будто заклинание сработало не до конца. Пиратские галеры были теперь всего в полумиле, и я отчетливо видел их палубы, заполненные человечками, вооруженными щитами и копьями и в шлемах, напоминавших ермолки.

— Не получается, Дюффус! Заклинание не действует! Это Морриган колдует против нас!

Если моя теория была верна и колдовство хотя бы отчасти обусловлено психической энергией, то, возможно, пригодилась бы и моя помощь.

— Могу я помочь, Эннис? Может быть, если я присоединю мою мысленную энергию к твоей, то вдвоем у нас получится?

— Надо попробовать, — согласилась девушка, взяв меня за руку.

Я сосредоточил свои мысли на том, что «Андраста» должна стать невидимой, и постарался представить себе голую водную гладь на том месте, где сейчас находился корабль. Пока мы произносили заклинание, я старался смотреть сквозь твердое дерево и сквозь нашу плоть.

Фит-фат,
Помогите, волшебные силы,
Дайте возможность
Мне спрятать «Андрасту»
От овцы и барана,
От лисы и от волка,
От дракона и змея морского,
От колдуна и богини.
Фит-фат,
Волшебным облаком
Укройте нас от них.
Все, кто плавает по морям,
«Андрасту» не увидеть вам!

Смутные контуры корабля никак не исчезали, а галеры противника между тем все приближались. Я решил попробовать поразить противодействовавшую нам сущность силой мысли и, действительно, почувствовал, что заряд моей ментальной энергии повстречался с чьим-то сознанием. Это ощущалось почти как физический контакт. Что-то похожее я пережил тогда, между мирами, когда разбойник-хранитель пытался поразить мой мозг, но на этот раз в моем соприкосновении с сознанием чужой личности не было агрессии и угрозы. Не было также и холода и страха. Наоборот, от этого прикосновения веяло теплом и нежностью.

— Дюффус! Дюффус Дженъери, это вы?! — прозвучал в моем сознании чей-то голос. Он был и знаком, и незнаком мне.

— Дюффус, где вы? Неужели вы здесь, на Анноне? — это была Морган Лэйси. Это должна была быть Морган Лэйси, Морриган!

Я начал было отвечать ей — начал мысленно посылать ответ, но мне помешал громкий крик.

— Нет, нет, Дюффус! — кричала Эннис. — Не давай ей знать! Не позволяй ей обнаружить тебя и вступить в контакт!

— А что? Что в этом плохого?

— Она пыталась обхитрить тебя, завладеть твоими мыслями.

Я не поверил. Морган была удивлена и обрадована, узнав, что я здесь.

Вернувшись к действительности, я огляделся вокруг. «Андраста» уже не была расплывчатым контуром. Она стала видна совершенно отчетливо, как и положено кораблю в море. Мы находились в нескольких сотнях ярдов от вражеских галер и были видны как на ладони.

— Ничего у нас не вышло, — печально проговорила Эннис. — «Фит-фат» не получился. Морриган с морской богиней сильнее нас. Ее заклинания одолели наши.

— И ветер стихает, — вторил ей я. — Мы идем навстречу этим галерам все еще достаточно быстро, но ветер стихает.

— Да, заклинание Подгоняющего ветра разрушено, — отозвалась Эннис полным отчаяния голосом. — Ничего не поделаешь, придется нам принять бой!

VIII

— Да, — согласился я. — Придется сражаться, другого выхода у нас нет.

Я пристально рассматривал три корабля. Они были уже почти на одной линии с нами, на расстоянии примерно тридцати-сорока ярдов. Весла гребцов, дружно поднимаясь из воды, сверкали на солнце, носы галер с шумом рассекали волны.

— Мы спасемся, только если потопим один или два корабля.

— Потопим? Но как, чем? — спросила Эннис. — У них-то есть таранные устройства, хотя Синие, наверное, и не станут их применять. Они захотят взять нас свеженькими, утопленники для них — второй сорт.

— Почему? Какая им разница?

— Видишь ли, Синие пираты, хотя сами они и живут в море, предпочитают есть людей живьем, выловленные из моря тела для них не так вкусны.

— Вот как! Гурманы, ничего не скажешь! — Я проглотил комок в горле. — Тогда потопить хотя бы одну из этих галер нам просто необходимо!

— Каким образом ты собираешься это сделать? У нас ведь нет подходящего оружия — ни арбалетов, ни катапульт.

— Да, но зато у нас есть «Андраста». Она больше, мощнее этих суденышек, и у нее все еще достаточно высокая скорость. Если ударить одну из этих малюток с борта, мы легко ее переедем.

Подойдя к рулевому веслу, я убедился в том, что оно снова стало управляемым. Подвижность вернулась к нему, когда по воле Мюллеартах стал стихать Подгоняющий ветер.

— Встаньте у борта, вы должны отразить атаку нападающих! — крикнул я матросам.

Мой приказ застал их сгрудившимися у кают, куда они собирались поспрятаться. Услышав мой голос, они начали беспомощно озираясь.

— Встаньте у борта, кому говорят! Надо отбить атаку пиратов! — крикнул я грозно. — Выбирайте, с кем будете иметь дело: с Синими пиратами или со мной, черт бы вас побрал!

Матросы предпочли первое. Неохотно подняв брошенное оружие, они выстроились вдоль правого борта во главе с капитаном и боцманом.

— Укройтесь за переборкой, пока не подойдем к ним вплотную! — приказал я, потому что лучники на вражеских кораблях стали натягивать тетивы, и было ясно, что через минуту или две они начнут нас обстреливать.

Мы все еще продолжали двигаться со скоростью, на которую «Андраста» сама по себе не была

способна. Взявшись на волны, она скрипела и стонала. Синие пираты наверняка знали, какую предельную скорость может развить корабль подобного типа, и не ожидали, что мы так быстро приблизимся к ним.

— Пригнись! — крикнул я Эннис, толкнув ее под прикрытие борта корабля. В этот момент мы проходили между первой и второй галерами. Раздался звон тетивы, и на нас обрушился град стрел. Большинство из них застряло в ткани паруса, но одна вонзилась в доску палубы всего в каком-нибудь футе от нас, и еще одна ранила матроса в руку.

Я налег на рулевое весло, и «Андраста» повернулась, нацелившись на галеру по правому борту от нас. Оттуда донесся звук, похожий на звон цимбал, и гребцы стали дружно табанить весла. Я выругался, поняв, что они уходят от нас. Попытайся галера повернуться, высокий нос «Андрасты» ударил бы ее в середину борта, но она уверенно уходила от опасности задним ходом. Мы ничего уже не могли поделать... Разве что... Я снова взялся за рулевое весло. «Андраста» повернулась лишь немного, но и этого было достаточно. Мы не протаранили судно, как мне хотелось бы, но «Андраста» прошла вперишку к его левому борту, ломая весла, как спички, и сбив главное рангоутное дерево с большим парусом, рухнувшее на палубу. Так мы хоть на некоторое время обезвредили одну из галер, оставив ее, неуправляемую, дрейфовать в море.

При виде этого команда «Андрасты» разразилась радостными криками, а Эннис поцеловала меня в щеку.

— Ну ты и задал им! Одну из трех ты вывел из строя! — воскликнула она.

Но ликовать было рано. Прежде чем вступать в бой с Синими, надо было потопить хотя бы одну из галер. Взгляд мой упал на самую дальнюю от нас. Мы сейчас подходили к ней с наветренной стороны. На борту суденышка прозвучала труба, и Синие пираты встали вплотную к борту, приготовившись к атаке. Мы подошли уже достаточно близко, и я мог разглядеть, что кожа у них была и в самом деле синей — замечательного бирюзового оттенка.

И снова Синих застала врасплох высокая скорость «Андрасты» — последнее дуновение Подгоняющего ветра. Я резко развернул корабль, и внезапно его мощный нос навис над средней частью галеры. На секунду мелькнули удивленно-испуганные лица Синих пиратов, и толстый тип, которого я принял за капитана, бросился к рулевому веслу в отчаянной попытке уйти от неизбежного столкновения.

Но было поздно. «Андраста» ударила галеру как раз посередине, у рубки. Высокая носовая часть купеческого корабля крушила низкие борта пиратского судна, ломая весла. Она прорезала узкую палубу почти до середины, и суденышко перевернулось. Я почувствовал, как «Андрасту» слегка тряхнуло, когда она, подмяв под себя галеру, проехала по ней килем. Крики гибнувших Синих матросов заглушил треск ломавшихся досок.

Экипаж «Андрасты» шумно приветствовал две половинки галеры, всплывшие за нашей кормой и тут же погрузившиеся в морскую пучину. Но радостный крик замер у них на устах, когда человек двадцать Синих — остатки экипажа потопленной галеры, — стали карабкаться к нам на борт с ловкостью обезьян.

Через секунду они уже стояли на полубаке — двадцать приземистых человекообразных существ с синими лицами и узкими черными бородками, в металлических шлемах и меховых плащах, под которыми были надеты доспехи из дубленой акульей кожи.

Мой экипаж выстроился против них. Один из Синих молниеносно поднял руку и метнул копье. Оно насквозь пронзило грудь одного из наших матросов. Остальные повернулись и побежали.

Я не стал тратить на них времени и слов. Сняв Головоруб с перевязи и держа его в одной руке, другой я ухватился за лань, оторвавшийся от мачты и болтавшийся над полуютом. Вцепившись в него что есть силы, я прыгнул вниз и, пролетев над головами удиравших матросов «Андрасты», ударил ногами в самую гущу Синих. Мне удалось опрокинуть двоих и слегка задеть третьего. Косоглазый Синий с приплюснутым носом и торчащими клыками, взвывая, как дикий зверь, замахнулся на меня коротким мечом. Все еще держа за лань, я отразил удар Головорубом.

Но тут они окружили меня. Издав воинственный клич, который сделал бы честь и моему предку королю Дюффусу, я, держа Головоруб уже обеими руками, быстро прочертил им круг над головой.

Головоруб пел... нет, скорее ревел, рассекая воздух. Вот по палубе покати́лась голова пирата, с еще

открытым в боевом кличе ртом. Синяя рука с зажатым в ней мечом взлетела в воздух и, перевернувшись несколько раз, упала и замерла. Еще одного Синего мой клинок поразил в живот, пробив доспехи и разрезав их владельца почти пополам. Он упал, фонтаном разбрызгивая синюю кровь.

Остальные попытались взять меня в кольцо. Один из пиратов что было сил ударил своим коротким мечом. Я почувствовал удар, но моя замечательная, созданная земной наукой кольчуга выдержала, не дав клинку оцарапать меня. Синий воин отступил с выражением крайнего удивления на лице. Он ожидал, что я упаду, истекая кровью, а вместо этого обломился конец его меча!

— Эй, вы, синюшные морские ублюдки! — крикнул я. — Выходи на мой меч! Я всех вас угощу отличной шотландской сталью!

По-моему, получился великолепный геройский боевой клич, способный устроить кого угодно, однако Синие его не оценили. Проверещав свои боевые кличи, они снова кинулись на меня. Одного из них я тут же проткнул Головорубом насквозь, и он повис, как молочный поросенок на вертеле. Но под его весом мой меч слегка наклонился вниз, и я на секунду замешкался, вынимая клинок из обмякшего тела пирата. И тут с полдюжины ударов обрушились на мои плечи и голову. Шлем и кольчуга спасли меня от гибели, но удары были так сильны, что я, качнувшись, упал. Однако, падая, я успел вытащить Головоруб из тела Синего и смог отразить удары остальных мечей.

В эту минуту экипаж «Андрасты», воспрянув духом, бросился в гущу сражения с абордажными саблями и пиками в руках. Двое тут же упали, пронзенные мечами Синих, но эта внезапная атака отбросила нападавших в носовую часть корабля. Я прикончил еще одного, а другого, приподняв, бросил в гущу его товарищей. Они попадали и стали озираться в поисках путей к отступлению.

— Эй вы, рыбы жабры! Водоплавающие людоеды! Головоруб тоже ест людей! По несколько человек одним махом! — крикнул я, бросаясь к ним.

Но они, похоже, уже достаточно хорошо изучили аппетит Головоруба и теперь быстро пятились от его пятифутового клинка. Один из пиратов выхватил из-за пояса метательный топор и швырнул его в меня, но я вовремя поднял свой меч: ударившись о него, топор отскочил и упал в море.

— А теперь мой ход! — с этим криком я запустил в него мой длинный кинжал. Метатель топора секунду глупо разглядывал рукоятку, торчавшую из его груди, затем рухнул навзничь. Его товарищи отходили к борту, собираясь, видимо, прыгнуть в море и пуститься вплавь к потерявшей управление галере, которая дрейфовала ярдах в двухстах от нас.

— Плывите к своей лохани, вы, морские гадины! — кричал я, потрясая Головорубом. — И давайте поторапливайтесь, а не то я всех вас выпотрошу и попотчую свою команду жареной рыбкой!

Они, конечно, последовали бы моему любезному совету, не выбери Эннис именно этот момент, чтобы крикнуть с мостика:

— Дюффус! К нам подходит галера!

Я быстро оглянулся через плечо. Действительно, единственная невредимая галера стремительно приближалась к нашему кораблю с левого борта, весла были подняты, и весь синий экипаж выстроился вдоль леера, готовый идти на абордаж.

— Прикройте левый борт! — приказал я матросам «Андрасты». — Возьмите абордажные орудия и толкайте Синих вниз!

Сам я в два прыжка очутился у левого леера, схватив абордажную пику и приготовившись отбиваться от идущих на приступ Синих.

Внезапно я почувствовал себя страшно одиноко. Экипаж «Андрасты» при виде приближавшейся галеры снова сбежал с поля боя. Матросы ринулись на корму, видимо, надеясь воспользоваться буксирной шлюпкой, привязанной к пиллерсу полуюта.

Синие пираты с первой галеры, ободренные внезапным подкреплением, передумали спастись вплавь и бросились в атаку, неистово визжа и размахивая мечами. Неприятельская галера подошла вплотную, и сорок или пятьдесят синих матросов стали карабкаться на высокий борт «Андрасты». Я

оказался один, без всякой помощи, между двух отрядов нападавших.

В течение нескольких ужасных секунд я лихорадочно искал в памяти какой-нибудь боевой клич или хотя бы достойное ругательство, чтобы выкрикнуть его этому сброду, но не мог ничего придумать. Мне даже вспомнилась добрая старая безопасная Земля, и я спросил себя, не хочу ли я теперь туда вернуться, но, представив себе лос-анджелесские скоростные дороги, решил, что лучше все же иметь дело с отрядом Синих пиратов, чем с одним ревущим фольксвагеном.

Схватившись за линь, я подтянулся и вскарабкался на леер. Ногами я зацепился и прочно держался за ванты, и обе руки у меня оказались свободны. Синие пираты карабкались по борту с ножами в зубах и мечами в ножнах.

Свесившись за борт, я ударом пики сбил четверых нападавших. Их сплющило между двумя бортами и, взвизгнув, они пошли ко дну. Но остальные продолжали взбираться вверх со стремительностью обезьян, заведших бананы. Перепончатая лапа схватилась за мою ступню, другая потянула за пику, и я чуть было не свалился за борт.

Выпустив из руки пику, я чудом удержался на вантах. Тут один из пиратов рассек кинжалом мою ступню. Я ударил его Головорубом, и он, став еще более синим, опрокинулся в воду.

Но в этот момент ко мне подобрался матросы с потопленной галеры. Они были вооружены мечами и копьями, и вот уже одно копье ударило меня в грудь с такой силой, что я задохнулся, хотя кольчуга и выдержала удар. Чей-то меч, зацепившись о наносник шлема, все же оцарапал мне обе щеки. Финн Мак-Кул мог сдерживать натиск пятидесяти или шестидесяти противников одновременно, но того количества Синих, с каким сейчас пришлось иметь дело мне, было бы и для него, пожалуй, многовато.

Поэтому я несказанно обрадовался, увидев, что матросы «Андрасты» несутся в мою сторону, визжа так, будто за ними гонятся бешеные собаки.

— Молодцы! Всыпьте им, парни! — закричал я, решив, что они идут мне на помощь.

Но они пронеслись мимо, к носу корабля, и я не осудил их, ибо в тот же момент увидел, от чего они убегали. Это оказался неправдоподобно огромный белый леопард с оскаленной пастью и горящими злобой красными глазами.

Даже на такой сумасшедшей планете белые леопарды не могли разгуливать посреди океанской глади. Неужели он все это время находился на борту? Да нет, я бы давно уже знал об этом. Тогда откуда же он мог взяться? Не иначе как чье-то колдовство, подумал я. Вот только чье?

Во всяком случае, этот зверь появился как нельзя более вовремя. Через минуту-другую меня или сбросили бы за борт, или нарезали кусочками, как селедку на консервном заводе. Леопард, оставив в покое наш экипаж, набросился на Синих. Подмяв под себя одного из них, зверь могучей лапой раздирал другого в клочья. Остальные бегали вокруг, ища возможность пустить в ход свои мечи, но это им не удавалось: белый леопард разил их со скоростью лазерного луча, его клыки и когти убивали пиратов наповал, не оставляя надежды на спасение.

Леопард гораздо успешнее истреблял Синих на палубе, чем я отражал атаки карабкавшихся на борт. Все новым и новым пиратам удавалось взобраться к нам на корабль. Двое из них кинулись ко мне по лееру. Перестав держаться за ванты, я бросился им навстречу. Одного я рассек Головорубом почти напополам. Ни щит, ни кольчуга не спасли его от моего палаша. Другого мощным ударом кулака я отправил за борт, но чуть было сам не последовал за ним, уклоняясь от брошенного в меня копья и ловя его на лету.

С копьём и мечом в руках я побежал по лееру, не отваживаясь посмотреть на корму, где Синие наиболее активно карабкались на борт «Андрасты». Вместо этого я внимательно посмотрел вниз на пиратское судно. Как и у всех кораблей подобного типа, палуба у него была только в носовой и кормовой частях. В средней части у бортов находились скамьи для гребцов, и между ними — лишь тонкая обшивка корпуса. Мне в голову пришла неплохая идея...

Закрепив Головоруб на перевязи за спиной, я взял тяжелое копье обеими руками. Снова крепко обхватив ногами ванты, я свесился как можно дальше за борт, поднял копье над головой и изо всех сил

метнул его. Копье пробило днище вражеской галеры, и в отверстие стала поступать вода.

Тут в меня попали три стрелы. Одна отскочила от кольчуги, вторая — от шлема, третья содрала кожу с предплечья. Рука стала красной от крови. В ту же минуту на меня напали пятеро или шестеро пиратов. Держась одной рукой за борт, они ловко орудовали мечами, зажатыми в другой.

Некоторое преимущество моего положения заключалось в том, что обе мои руки были свободны, хотя одна из них и сильно кровоточила. Головоруб был гораздо длиннее, чем их оружие. Но их было шестеро, а я один. Согласитесь, довольно значительный численный перевес. К тому же они теперь всадили в борт «Андрасты» мечи и кинжалы, и сбить их за борт стало труднее, чем прежних. Мне однако удалось быстро прикончить двоих: один получил удар мечом по горлу, другому я отсек руку, и он, сперва ударившись о борт галеры, пошел ко дну.

Но остальные держались, а вскоре к ним на подмогу пришли еще пятеро с галеры. Мечи их свистели вокруг меня. Они кололи, рубили, разили. Мое тело под доспехами ныло от ударов, руки и ноги, не защищенные кольчугой, сильно кровоточили, голова начала кружиться, и я чувствовал, что недолго еще смогу удерживаться на моем ненадежном насесте.

Сбросив за борт еще несколько пиратов, я понял, что пора оставлять мою позицию, и спрыгнул на палубу, иначе мне пришлось бы тоже отправиться за борт. Противник усилил атаку. Цепляясь за ванты, морские пираты взбирались на леер. Тем временем белый леопард прикончил уже половину Синих, находившихся на палубе, сам оставаясь невредимым.

Я медленно отступал к рубке, за которой пряталась команда «Андрасты». Если бы мне удалось заставить этих трусов вступить в бой, у нас появился бы хоть какой-то шанс. Без них не было и его.

— Выходите, трусливые идиоты! Вы что, хотите, чтобы вас сожрали эти рыбы ублюдки? — крикнул я матросам. Но они не шевельнулись, настолько парализованные страхом, что даже перспектива стать каннибальской пищей не могла заставить их защитить себя.

Я встал спиной к рубке. Отступить было некуда, а отбиваться приходилось с дюжиной мечей. Все тело болело, и я был едва в состоянии поднять над головой свой меч. На доски палубы, где я стоял, натекла лужица крови, кровавый след тянулся от борта по всему пути моего отступления.

Синие почуяли поражение противника. Испустив победный клич, они начали смыкаться вокруг меня. Я ужаснулся, представив себе, что будет, если я дамся им в руки живым, и решил, что лучше брошусь на их мечи. Но это на самый крайний случай, а пока я из последних сил продолжал отбиваться.

За ударом, обрушившимся мне на голову, последовал другой — по плечу. Я рухнул на колени, подняв над собой Головоруб. Все пираты разом набросились на меня, нанося удар за ударом по моему усталому и израненному телу.

И тут вдруг откуда-то раздался высокий, резкий звук трубы. Руки Синих, занесенные для ударов, замерли в воздухе. Выражение их лиц сменилось с яростного на озабоченное. Некоторые повернулись, глядя на свой парусник. Звук трубы повторился, и они кинулись бежать. Лишив себя удовольствия прикончить меня, они со всех ног помчались к своему кораблю. Вскрабкавшись на леер и балансируя на нем, они глядели вниз. Я, поднявшись на ноги, побежал за ними и увидел, что галера быстро наполнялась водой. Оставшиеся на борту Синие не успевали вычерпывать ее. Копье, брошенное мною, помогло нам больше, чем я ожидал.

Перерезав веревки абордажных крюков, экипаж галеры отчалил от нашего борта на своей поврежденной посудине. Синие, стоявшие на нашем леере, попрыгали вниз. Некоторые попали на галеру, а те, что промахнулись, пустились следом за ней вплавь.

Я оглядел палубу нашего судна. Синих на ней не осталось, за исключением убитых и раненых. Положив на палубу Головоруб, я бессильно опустился рядом. Мой палаш был весь в синей крови, но я выглядел намного живописнее, залитый с ног до головы кровью двух цветов — синей и красной. Крадучись, наш доблестный экипаж вылез из укрытия и стал сбрасывать за борт убитых пиратов. Предварительно они сдирали с трупов все представлявшее хоть мало-мальскую ценность. За убитыми последовали раненые, а я был слишком слаб, чтобы вмешаться и запретить им это.

Потом матросы приблизились ко мне. Я не знал, что у них на уме, но не смог бы сопротивляться, даже если бы они решили швырнуть меня в море вслед за Синими. Но матросы, остановившись на некотором расстоянии, просто разглядывали меня, преисполненные суеверного ужаса.

Я огляделся, ища глазами Эннис, но в этот момент ко мне, мягко ступая и облизываясь, подошёл белый леопард, вымазанный синей кровью, и стал тереться о мое плечо. Матросы в панике разбежались.

— Кис-кис, — пробормотал я.

Леопард исчез. На его месте, уперев руки в бока, стояла Эннис. Тут я вспомнил, как она говорила мне, что может менять облик и превращаться в любого зверя.

— Ну и по-дурацки же ты себя вел, Дюффус Дженъери! — сказала она насмешливо. — Скакал тут и резвился, как персонаж из «Кольца Нибелунга». [\[13\]](#) Тебя ведь могли убить, понимаешь?

— И правда, как это я не догадался, что меня могут убить? — ответил я и потерял сознание.

Позднее, придя в себя, я обнаружил, что раны мои перевязаны. Эннис смазала их каким-то скверно пахнущим снадобьем, которое, по ее уверениям, обладало чудодейственным лечебным эффектом. Укрытый одеялом, я лежал на досках каюты рядом с Головорубом. Доски казались мне жестче обычного, и впервые за все время моего пребывания в этом мире я чувствовал озноб.

— Мы подходим к морю Мрака, — сказала сидевшая на койке Эннис. — Приготовься к тому, что будет очень холодно и очень темно.

— И все-таки я не могу понять, как это один из участков поверхности планеты не освещается солнцем.

— Да, это так. И ничего тут не поделаешь, — равнодушно отозвалась Эннис. Видимо, на Анноне никому не приходило в голову интересоваться тайнами природы. Все необъяснимое и непонятное относили на счет волшебства, и всех это устраивало. Возможно, именно поэтому здесь не существовало науки как таковой, подумал я. Может быть, потому цивилизация Аннона так отстала от земной?

Но в самом ли деле это отсталость, вот в чем вопрос. Здесь не было ни атомных бомб, ни ревуших реактивных самолетов, ни чудовищных автомобилей. Конечно, пенициллина и других наших эффективных лекарств здесь тоже не знали. Зато умели делать эту черную мазь, от которой так быстро унялась боль моих ран.

— Дюффус, — позвала Эннис в тот момент, когда я с трудом менял положение своего измученного тела, укладываясь между столом и койкой.

— Слушаю, принцесса.

— Мне холодно.

— Сочувствую вам, ваше величество.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду!

— А что же вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что чем ближе мы подходим к морю Мрака, тем становится холоднее. Ты не замерз на полу?

— У нас, настоящих мореходов, это зовется палубой.

— Черт возьми, ответишь ты мне или нет? Тебе холодно?

— Я начинаю привыкать и к этому. И не хотел бы бросать закаливание на данном этапе, чтобы потом начинать все сначала:

— Чтоб тебе пусто было, Дженъери! Почему ты не делаешь то, чего я хочу?

— О Слава Лохлэнна, я ведать не ведаю, чего вы хотите.

— Нет, знаешь! Ты знаешь, что я пообещала Бран-вен, и знаешь, что обещания надо выполнять!

— Полагаю, что я и Бранвен квиты. Я для нее так старался тогда в храме, а она нас сегодня подвела.

— Дженъери, если ты немедленно не заберешься на эту койку, я нашлю на тебя мышей, и они станут

бегать по твоему животу!

— О, я буду этому только рад! С детства люблю мышек! Они такие славные. Помнишь, у Бернса:

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке
За жизнь свою?[\[14\]](#)

— Дюффус, прошу тебя! Ты что, не видишь? Я тоже дрожу как в лихорадке! Меня мучает предчувствие чего-то ужасного! Я боюсь. Пожалуйста, иди ко мне и обними меня!

— У тебя предчувствие чего-то ужасного? Боже мой, что может быть ужаснее сегодняшней драки с Синими?

— Не знаю. Но Морриган и Мюллеартах не сидят сложа руки, и я боюсь.

Как это было непохоже на мою самоуверенную ведьмочку! На самом ли деле она так испугана или это только предлог?

— Дюффус... прошу тебя... Я хочу тебя... Хочу, чтобы ты взял меня!

Вот это уже больше походило на правду! Похлопав Головоруб по рукоятке, чтобы он не ревновал, я взобрался на койку. Скользнув под одеяло, я обнял Эннис и прильнул к ее губам. Руки ее благоухали, а губы были мягкими и податливыми. Ни о чем другом, кроме моей ведьмы-королевы, я не мог сейчас думать. Да, некоторыми колдовскими приемами она владела в совершенстве.

IX

Предчувствия Эннис не оправдались. Все шло отлично. По крайней мере, в течение нескольких ближайших дней ничего плохого с нами не случилось. Возможно, в ту ночь мы так ублажили Бранвен, что она отводила от нас все беды.

«Андраста» прошла море Мрака со свойственной ей скоростью в три узла, и вот Рот Фэйл снова явил нам свой лик.

Я пытался убедить Эннис, что если мы всю оставшуюся часть пути будем развлекать Бранвен, богиня станет ревностно и неутомимо заботиться о нашей безопасности, но Эннис, подобно большинству женщин, с которыми я имел дело на Земле, стала беспокоиться прежде всего о своей репутации, в частности, о том, что скажут ее подданные, узнав, что их будущая королева делила ложе с простым воином.

— Почему ты вообще так уверена, что тебя коронуют? — спросил я. — Морриган, вполне возможно, значительно опередила нас, добралась до Лохлэнна и воцарилась там.

Эннис замотала головой, и ее черные волосы разметались во все стороны.

— Нет! Нет! Я уже говорила тебе, что коронация не может состояться до Бельтене, а это еще через неделю.

— Пусть так, но она, возможно, уже правит страной как некоронованная королева, и церемония окажется всего лишь формальностью.

— Дженьери, ты меня умиляешь. Ровным счетом ничего не зная о наших обычаях, ты тем не менее стоишь здесь и пытаешься рассказать мне, что сейчас происходит в Лохлэнне.

— А если я просто тренирую свои способности к ясновидению? Я так и вижу большой красивый дворец и сидящую на троне красавицу, вытянувшую восхитительные ножки.

— Ах, так?! Значит, она по-твоему — красавица с восхитительными ножками?!

— Такой она мне представляется в видении, только и всего.

— В таком случае, пусть в этом же видении тебе представится, где ты будешь спать нынче ночью, — процедила она.

— Вот так, Головоруб, — вздохнул я, — снова мы с тобой ночуем на жестком полу.

Уверен, что это стало началом наших новых несчастий. Несчастий? Сказать по правде, в течение всего нашего путешествия их было в избытке, но, представьте себе, все они померкли в сравнении с катастрофой, последовавшей за этой перебранкой. Днем, когда раскаленный Рот Фэйл медленно плыл к горизонту, а вдалеке собрались большие черные тучи, мы миновали Золотые Столбы. Так назывались огромные, чуть не с милую высоту острова, с такими отвесными склонами, что по ним не смогли бы взобраться даже горные козы. Эти острова были больше похожи на опоры гигантского моста, чем на

естественные образования. Когда я спросил Эннис об их происхождении, она пожала плечами.

— Друиды рассказывают, что их поставил Сача, Великан-Ветер, в далекие времена, когда людей еще не было на свете. Он решил построить мост, чтобы перегнать свое исполинское стадо из Сокра в Лохлэнн. Но вес моста на концах оказался таким большим, что Сокр и Лохлэнн затонули, а сам мост обрушился. Остались только опоры.

— А что, вполне похоже на правду, — заметил я, глядя на собиравшиеся у Столбов облака. — Смотри-ка, похоже, дождь собирается?

Эннис не ответила. Она снова слушала Бранвен по невидимому телефону. Вот болтливые особы, подумал я. Однако им крупно повезло, что здесь нет платной телефонной сети, как у нас в Штатах. Тогда их счета быстро выросли бы до размеров национального долга.

— Что новенького у сладчайшей из богинь всех времен и народов? — спросил я. — Не забудь сказать ей, что я по-прежнему ее люблю и что в одну из ближайших ночей мы с тобой снова должны...

— Заткнись, — отрезала Эннис, с тревогой и страхом глядя на собиравшиеся облака.

— Ну, что на этот раз? Бранвен любезно сообщает тебе сводку погоды? Неужели будет дождик?

— Дождь, ветер, молния, гром, — бормотала Эннис в трансе. — Врата небесные разверзнутся, и море поднимется им навстречу... Шторм... шторм! — крикнула она и бросилась, рыдая, мне на грудь. — О нет, Бранвен, пожалуйста, нет!

— В чем дело, Эннис? — я обнял ее и прижал к себе. — Что с тобой, детка?

— Мюллеартах идет на нас! Она поднимает против нас этот шторм!

Я повернулся и посмотрел на собиравшиеся облака. Они были чернее воронова крыла. Да и все небо внезапно потемнело. То и дело его прорезали молнии, и раскаты грома напоминали отдаленный грохот канонады.

— Думаю, нам надо задраить люки и взять риф, — сказал я.

Посмотрев на меня так, будто у меня выросла вторая голова, Эннис истерически рассмеялась.

— Задраить люки! Взять риф! Ты не понимаешь, ты просто не можешь понять!

— Понять что?

— Какой шторм может вызвать Мюллеартах! Ты не знаешь ярости Морской ведьмы!

— Знавал я несколько ведьм на своем веку. И не сомневаюсь, что ярость обиженной женщины может быть убийственна... но, послушай-ка, знаешь, что? Может, она просто ревнует? Видимо, нам не следовало уделять все внимание Бранвен. Надо было что-нибудь сделать и для морской богини!

— Ничто не может устоять! Ни «Андраста», ни самая мощная галера, ни ваши суперкорабли не выдержат гнева морской богини!

— Тогда скорее вызови на связь Бранвен! Самое время молить ее о помощи.

— Никто... ни Бранвен, ни один из других богов и богинь не может тягаться с Мюллеартах на море. На суше Бранвен помогла бы нам, но в море Мюллеартах могущественнее всех, кроме, может быть, самого Ллира.

— Ну, знаешь ли, на это я могу сказать только одно: мы поставили не на ту лошадь. Пока мы в море, надо было ублажать в первую очередь Мюллеартах!

— А как ты себе это представляешь? Ведь ни один из нас не посвящен ей.

— Нет, но мы можем постараться развлечь ее тем же способом, что и Бранвен. Кто знает, вдруг поможет, а?

— Ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь другом, Дженъери? Даже в такое время у тебя на уме только это!

— А что? По-твоему, есть более приятные предметы для раздумий? К тому же меня это отвлекает от

невеселых мыслей о шторме.

— И ты действительно хочешь умиловить ведьму? — спросила Эннис зло. — А знаешь, что для этого потребуется?

— Нет, но готов постараться.

— Тогда нам надо принести в жертву одного из матросов: убить его, вырезать и сжечь его печень. Вот что понравится Мюллеартах! Навряд ли, конечно, жертва будет от этого в восторге. Но вообще-то ведьма предпочитает новорожденных младенцев.

— Да, боюсь, нам придется отказаться от мысли угодить ей. Вкусы Мюллеартах для меня, пожалуй, несколько экстравагантны.

— Да это и не помогло бы. Мюллеартах сделает все, что от нее зависит, чтобы Морриган заняла трон Лохлэнна.

— Почему это так важно? — спросил я, видя, как шторм несется на нас подобно огромному черному зверю.

— Из-за Жезла власти. Получив его, королева Лохлэнна становится не менее могущественной, чем Ллир и Морская колдунья.

— Жаль, что сейчас его у нас нет, — огорчился я. В эту минуту на наш корабль обрушился порыв ветра с дождем. — Нам бы так не помешало чуть-чуть могущества.

— Ага, и парочки спасательных жилетов и чудо в придачу, — усмехнулась Эннис.

— Капитан! Капитан Эдерин! — крикнул я. — Возьмите риф! Надо подготовиться к шторму!

Не припомню, чтобы шторм когда-нибудь надвигался так быстро. И двух минут не прошло, как я приказал капитану взять риф, его неповоротливые матросы все еще пытались выполнить приказ, а на нас уже обрушилась огромная, как гора, волна.

Я уже говорил, что «Андраста» и так-то была едва пригодна к плаванию, а после схватки с Синими многие из ее швов разошлись, и она дала течь.

В нынешнем своем состоянии старое корыто, наверное, не выдержало бы и небольшой качки, но такой шторм, как этот... не знаю, смогла бы выстоять против него сама Скала Гибралтара.

Волна ударила нас с левого борта, я развернул корабль к ней носом, но это помогло ненадолго. «Андрасту» снова развернула следующая же волна. Посудина задрожала, как испуганное животное, потом выпрямилась.

Одной рукой я обнял Эннис, другой ухватился за рулевое весло. Мы прижались друг к другу, а следующая волна прокатилась по палубе корабля, взметнувшись до высоты мачты и обдав нас водой, но не смогла смыть нас в море.

Капитана смыло за борт. Он пытался уцепиться за мостик, на мгновение мелькнуло его искаженное страхом лицо, но в следующую секунду он уже был в море, и его отчаянные крики заглушил рев ветра и плеск волн.

— Мачта сейчас сломается, — крикнул я прямо в ухо Эннис. — Тогда, если мы перерубим такелаж, корабль станет устойчивее. Если нет — он обречен.

— Он обречен в любом случае, — ответила Эннис. — Ни один корабль не выдержит гнева Мюллеартах.

Несколько оставшихся в живых членов экипажа сбились в кучу посередине корабля и уцепились за ванты, оторвавшиеся от мачты. Я крикнул, чтобы они обрубили такелаж, как только мачта упадет в море, но они либо не слышали меня, либо не могли пошевелиться от ужаса.

При следующем ударе волны «Андраста» отказалась слушаться руля и легла на борт. Раздался громкий треск сломавшейся мачты, и крен корабля увеличился. Он стал медленно наполняться водой.

— Попробую обрубить такелаж! — крикнул я и пополз вперед.

— Нет! Кораблю конец! Не бросай меня! — взмолилась Эннис, прижимаясь ко мне.

Ударил еще одна волна. «Андраста» вздрогнула и накренилась еще больше. Я знал, что она быстро наполнялась водой и только груз сухого леса до сих пор держал ее на плаву.

Я повернулся, чтобы приказать матросам покинуть судно, но на борту их уже не было — либо смыло волной, либо убило при падении мачты.

— Шлюпка! Буксирная шлюпка! — крикнул я Эннис.

— Нет, поздно! О, святая Бранвен, поздно! — плакала она. — Смотри, вот' сама Мюллеартах!

Я повернул голову туда, куда показывала Эннис, и обмер: из гребня волны высунулась верхняя часть безобразного женского туловища с лысой головой, лицом угольного цвета и острыми выпирающими зубами. В самой середине лба этого чудовища торчал огромный, налитый кровью глаз. Он горел злобным торжеством.

Еще раз вздрогнув, «Андраста» пошла ко дну. Раздался дикий хохот Мюллеартах, похожий на рев ветра и штормового моря.

Я понял, что сейчас нас с Эннис разделит воронка, образовавшаяся на месте затонувшего корабля, и попытался схватить ее за руку, но промахнулся, наткнувшись на кусок рангоутного дерева. Плыть в тяжелом снаряжении и с Головорубом в руке я мог разве что чуть лучше, чем топор.

— Дюффус! Дюффус! — услышал я доносившийся откуда-то издалика слабый голос Эннис, но не мог даже ответить — мой рот был полон воды.

Я камнем шел под воду. Темное небо, прорезаемое молниями, исчезло, морские воды сомкнулись над моей головой, я пытался задержать дыхание, насколько хватало сил, но...

Я тонул. Меня охватил животный страх смерти, беспомощности перед нею. Я ничего не мог сделать для своего спасения и, глотая соленую воду, шел ко дну. Я подумал, не призвать ли на помощь Бранвен, но чем ее можно вознаградить в моем нынешнем положении? Молитвы Богу и святым моего собственного мира я забыл, а заклинание, наделяющее способностью ходить по водам, которое я однажды безуспешно пытался применить на озере в парке Мак-Артура, навряд ли оказалось бы действенным здесь...

Внезапно я перестал погружаться в воду и вместо этого стал медленно подниматься на поверхность. Где-то я читал, что утопленники всплывают, пробыв некоторое время под водой, но в моем случае это было, пожалуй, рановато. Я ведь вроде пока еще не утопленник. Или я уже утонул, но еще не осознал этого? В этом мире, где привидения и вампиры запросто разгуливают среди людей, черта с два поймешь, кого считать живым, кого мертвым.

Но я продолжал стремительно нестись вверх. Меня тащили, держа за плечи, две неестественно сильные руки. Наконец моя голова оказалась над поверхностью моря. Забыв обо всем, захлебываясь и хрипя, я стал жадно вдыхать чистый, без примеси смога, свежий прохладный воздух.

Шторм закончился так же внезапно, как и начался. Отдышавшись, я посмотрел на руки, которые подняли меня из воды. Они были грязно-зеленого цвета, с плавательными перепонками между пальцами. Но что самое странное — не было туловища!

Я не поверил своим глазам. Но нет, зрение меня не обмануло: жизнь мою спасли две зеленых руки — без признаков каких-либо еще частей тела спасителя.

— Это ты, Бранвен? — спросил я.

Вместо ответа послышалось завывание ветра.

— Бранвен, детка, вот не ожидал тебя встретить! И уж никак не думал, что у тебя зеленые руки... перепончатые зеленые руки, чтобы быть точным.

Ответа не было. Руки тащили меня по поверхности моря, ставшего спокойным и гладким после недавнего шторма. Похоже, мы двигались прямехонько к вулкану, торчавшему из воды в нескольких сотнях ярдов от нас. Он выглядел не самой гостеприимной гаванью, но на худой конец мог сгодиться — все же лучше, чем морское дно.

— Эй, Бранвен, куда ты меня тащишь? Это не похоже на Лохлэнн! Ты уже нашла Эннис?

Молчание. Да, неразговорчивая особа эта Бранвен. Странно, ведь она в свое время так любила поболтать с Эннис, без конца нашептывая ей на ухо советы и поучения. Может быть, Эннис погибла, и Бранвен онемела от горя?

— Бранвен, что с Эннис? Ведь ты спасла ее, правда? Молчит. Или она винит себя в том, что не успела вовремя прийти Эннис на помощь? Ведь если девушка утонула, то гибель ждет и Лохлэнн. Конечно, если именно она, а не Морриган — законная наследница престола.

Я летел над водой, иногда задевая ее поверхность ступнями ног. Признаться, мне было немного не по себе, но, влекомый этими сильными руками, я чувствовал себя в большей безопасности, чем если бы летел в реактивном самолете.

— Куда же мы направляемся, Бранвен? — спросил я снова. — Ты хочешь оставить меня на каком-нибудь уютном островке, а сама вернешься искать Эннис, правда, детка?

— НУ, ТЫ, БЕЗМОЗГЛЫЙ ПЕРЕРОСТОК! КАКАЯ Я ТЕБЕ ДЕТКА?! Я В СОТНИ РАЗ СТАРШЕ ТВОЕЙ ПРАПРАБАБКИ! — прорычал вдруг хриплый, грубый женский голос мне в самое ухо.

Я поперхнулся. Это не Бранвен! Немного набралось бы почитателей у богини любви с таким голосом! Да что там немного, в нее бы попросту никто не верил. И эти безобразные руки, конечно же, не могут быть руками Бранвен, богини красоты! Значит... значит они принадлежат Мюллеартах!

— Раз ты такая старая, может, ты знала моего предка короля Дюффуса? В десятом веке он сжег уйму ведьм.

— А МОЖЕТ БЫТЬ, Я ЕЩЕ С ТЕХ САМЫХ ПОР ТЕБЯ ПОДЖИДАЮ...

Чувство безопасности сменилось в моей душе самым отчаянным страхом. Я понял, что ведьма тащит меня напрямик к тому вулкану! Значит, утопить меня ей было мало, она решила меня изжарить!

— Отпусти меня! — кричал я. — Я требую соблюдения моих прав! Я американский гражданин, член могущественного союза и...

— ЕСЛИ Я ТЕБЯ ОТПУЩУ, ГЛУПЫЙ ЩЕНОК, ТЫ ОБ ЭТОМ СРАЗУ ЖЕ ПОЖАЛЕЕШЬ! МОРЕ ЗДЕСЬ КИШИТ АКУЛАМИ!

— Лучше уж акулы, чем вулкан!

— КАКОЙ ЕЩЕ ВУЛКАН, ТРУСЛИВЫЙ ТЫ НЕДОУМОК! Я НЕСУ ТЕБЯ К ОСТРОВУ!

— Не верю тебе! — кричал я, что есть силы брыкаясь и отбиваясь. — Не верю никому, у кого руки растут сами по себе и нет ни туловища, ни головы!

— НУ ЛАДНО, ШУТНИК! ДАЛЬШЕ И САМ ДОБЕРЕШЬСЯ!

Зеленые руки разжались. Падая, я услышал дикий хохот Мюллеартах, уносимый ветром. Неглубоко уйдя под воду с головой, я достал ногами дно. Значит, берег близко! Вынырнув, я с трудом побрел к нему. Впереди маячил остров, темный и неприветливый, с дымящимся вулканом посередине.

Подводное течение дважды сбивало меня с ног. С трудом поднимаясь, я продолжал брести вперед. Силы мои быстро убывали. Две открывшиеся раны начала разъедать соленая вода. Но, вспомнив слова морской ведьмы об акулах, я удвоил усилия.

Остров, на который я наконец выбрался, был целиком образован застывшей вулканической лавой. Свалившись у самой воды, почти теряя сознание, я остался лежать там. Каждый мой вдох болезненно отдавался в груди. К тому же я проглотил столько соленой воды, что хватило бы наполнить Атлантический океан.

Не знаю, сколько я пролежал так, выплевывая морскую воду и думая о том, что ждет меня на этом острове, — по-видимому, несколько часов. Болезненный удар чьей-то босой ноги по ребрам вывел меня из оцепенения.

Подняв голову, я увидел молодую девушку. Она стояла надо мной совершенно голая, с длинными, до

самых бедер, черными волосами. Несколько минут я молчал, не в силах прийти в себя от изумления, и наконец радостно воскликнул:

— Эннис! Эннис, дорогая! Ты здесь!

Эннис не ответила. Вместо этого она вынула из-за спины огромный камень и, размахнувшись, ударила меня им по голове.

Передо мной вспыхнули мириады ярчайших звезд, затем все померкло, и я бессильно уронил голову на жесткую землю.

Смутно, как сквозь пелену, я чувствовал, что меня куда-то тащили — по жесткому, покрытому золой берегу, по камням, потом вверх, по крутому склону.

Тут я снова полностью отключился и пришел в себя уже в пещере. Меня швырнули на какие-то грязные шкуры. Ближе к выходу из пещеры горел дымный костер. Эннис не было. Над огнем висел котел, в котором что-то кипело, а чуть поодаль валялась груда костей. Все это было похоже на обиталище какого-нибудь доисторического неандертальца или кроманьонца. Но в таком случае эти обглоданные кости, возможно, человеческие! Ну и дела...

И тут я впервые вспомнил про Головоруб! Его со мной не было! Видимо, когда я тонул, он сорвался с перевязи. Длинный кинжал тоже исчез, но эта потеря была пустяком по сравнению с исчезновением Головоруба! Ведь без него мне просто не выжить в этом мире!

Встав на четвереньки, я решил поближе обследовать подозрительные кости. Может быть, Эннис, обнаружив эту пещеру дикого зверя, выдворила с помощью колдовства ее хозяина и притащила меня сюда!

Тут я понемногу вспомнил, как меня сюда тащили и что этому предшествовало. Чертовски жестоко со стороны Эннис так обойтись со мной! Похоже, она вымещала на мне зло, решив, что я предательски бросил ее, когда корабль пошел ко дну...

Бедняжка, ей, наверное, тоже пришлось нелегко. По-видимому, она потеряла всю свою одежду, и волосы ее выросли до... нет, не может быть! Не столько же времени пробыл я без сознания, чтобы волосы девушки успели дорасти до бедер! Наверное, снова колдовство. В конце концов, это довольно практично с ее стороны — удлинить свои волосы, чтобы хоть чем-то прикрыть наготу, оказавшись на необитаемом острове без всякой одежды.

Да, кости наверняка человеческие. Похоже, в этой пещере, действительно, жил какой-то гнусный людоед. Существо, которое вылавливает из моря тела утопленников, расчленяет их и варит в этом огромном котле. Какой ужас! Тут мои мысли вернулись к недавним событиям. Я подумал о том, что Эннис, возможно, зла на меня, но навряд ли она бы ушла, бросив меня одного, безоружного в этой пещере, куда того и гляди может вернуться ее законный владелец. Нет, не могла она так со мной поступить. Да, но тогда где же она?

Вблизи пещеры слышался шум. По земле волокли что-то тяжелое. Откинув висевшую у входа шкуру, в пещеру вошла Эннис. Да, она действительно тащила за собой кое-что: тело боцмана с «Андрасты»!

Я разинул рот от удивления. Зачем она это делает? Как и остальные члены команды, он не был приятным человеком, и я не мог понять, почему она решила предать его тело земле и тащит его сюда с таким трудом.

Через несколько минут мое недоразумение разъяснилось. Я притворился, что все еще лежу без сознания, а сам исподтишка наблюдал за тем, как она вытащила самодельный нож и с его помощью принялась срезать с боцмана одежду.

Что ж, вполне практичный поступок. Бедняге его тряпье уже ни к чему, а нам оно могло пригодиться.

Но при виде ее дальнейших действий я оцепенел от ужаса. Своим острым костяным ножом она откромсала руку трупа и спокойно опустила ее в кипящий котел.

— Эннис! Боже мой, Эннис! Что скажет Бранвен?! — выдохнул я. — Пусть мы на необитаемом

острове, но это же еще не повод превращаться в людоедов! Мы добудем какой-нибудь еды... моллюсков, кролика или еще что-нибудь. Только прекрати это!

Она молча смотрела, как я поднимаюсь на ноги и приближаюсь к ней.

— Эннис, дорогая, что с тобой?

— Эннис, — повторила она. — Меня Эннис.

— Конечно, ты Эннис, — подтвердил я. — Я узнал бы тебя даже без одежды. У тебя ведь маленькая родинка здесь на...

Но никакой родинки там, где я ожидал ее увидеть, у Эннис не было. Что-то во всем этом было не так. Кто же эта девушка, питающаяся человечиною? Но так ли уж мне нужно это выяснять? Самое лучшее, что я мог сделать — убраться отсюда, и как можно скорее.

Приняв это разумное решение, я начал обходить костер. Девушка не сводила с меня маленьких черных глаз, сверкавших при свете огня. Как они были непохожи на глаза Эннис!

— Выйду-ка я, пожалуй, на минутку, — пробормотал я. — Что-то у меня голова закружилась от этого дыма.

Эннис зарычала. Я не преувеличиваю, она действительно оскалила зубы и зарычала, как животное! Я вспомнил, как во время битвы на корабле она превратилась в белого леопарда. Может быть, что-то случилось во время шторма, что снова ее изменило?

При следующем моем шаге она вскочила, отбросив нож, которым все это время разделявала боцмана. Зубы ее были по-прежнему оскалены. У Эннис были красивые, ровные белые зубы, но я никогда не замечал, что у них такие острые концы!

Надо сматываться отсюда во что бы то ни стало! Я прыгнул к выходу из пещеры. Но девушка, ухватив меня за руку, втащила обратно. Секунду мы смотрели друг на друга в упор. Затем она, присев, обхватила меня руками, выпрямилась, подняла над головой и с силой швырнула через всю пещеру, поверх костра на груды мехов.

Приземление мое было настолько болезненным, что я не мог не только пошевелиться, но даже толком осознать случившееся. Ну, это уж слишком! Эннис была хрупкой девушкой, весившей навряд ли больше ста фунтов. И как же, во имя Бранвен, могла она швырнуть через всю пещеру мужчину, почти в два с половиной раза превосходившего ее по весу?

Разумеется, здесь не обошлось без колдовства, если только это создание — настоящая Эннис. Но если не Эннис, то тогда кто же она?

Не иначе как сама Мюллеартах. Кто еще мог знать, где я? У кого еще хватило бы сил так меня метнуть? Но зачем ей этот маскарад? Почему не предстать передо мной в своем истинном виде? Но тут я вспомнил, какая она уродина. Да, на ее месте, наверное, любая женщина воспользовалась бы возможностью изменить свою внешность к лучшему.

Но я решил, что должен в этом удостовериться. Если это действительно Мюллеартах, мне следовало готовиться к самому худшему. Она наверняка замышляет против меня что-то ужасное. Если Эннис сказала правду о том, что ведьма принимает человеческие жертвоприношения, то я, вполне возможно, обречен на соседство с боцманом в этом котле. Но с другой стороны, если это все же настоящая Эннис, пусть слегка помешанная, то я просто обязан помочь ей прийти в себя.

С тех самых пор, как я покинул Землю, мне хотелось испробовать несколько заклинаний. Ведь я всегда верил в свои способности к магии. Теперь, в мире, где правило волшебство, я мог наконец их проверить и использовать.

Сначала следовало выбрать нужное заклинание. Еще раз посмотрев на Эннис (или Мюллеартах), деловито помешивавшую в котле, и ощутив тошнотворный, сладковатый запах тушеного боцмана, я сделал выбор, решив произнести заклинание, которому научился в экспедиции в горах Шотландии. Мне почему-то не пришло в голову, что же я буду делать, когда, в случае успеха моих магических действий, Мюллеартах примет свой истинный чудовищный облик.

Я опустился на колени. Эннис искоса поглядывала на меня, как волк, подстерегающий добычу. Она перестала помешивать в котле и вытащила откуда-то две миски, собираясь, видимо, радушно попотчевать и меня лакомым блюдом.

От этой мысли меня передернуло, и я начал быстро читать заклинание, скрестив пальцы рук и сведя глаза в одну точку:

Где ты, Эннис?
Ты ли это?
Маг зовет
Тебя к ответу.
Сверкающий славы перст,
Тритоний глаз и жабий нос,
А также кошачья шерсть
Помогут решить вопрос —
Кто же такая ты есть?

Эннис все так же невозмутимо раскладывала жаркое из боцмана по мискам. Она не превратилась в Мюлле-артах. Выходит, одно из двух: или это действительно Эннис, или я такой же «великий» волшебник на Анноне, каким был и на Земле.

Девушка поднялась, держа в каждой руке по дымящейся миске, и улыбнулась. Ее острые зубы сверкнули в свете костра. Одну из мисок она протянула мне, и меня волной окутал дурманящий запах.

Я мужественно отнесся к такому гостеприимству: втянул живот, выпятил грудь и потерял сознание.

Х

Очнулся я от прикосновения жестких и грубоватых, но безусловно женских ладоней, неумоимо и настойчиво ощупывавших мое тело*. Кольчуга, шлем и подкольчужник, а также моя туника валялись в углу пещеры. Я был нагой, как и девушка.

— Эннис, это ты? — с надеждой спросил я.

Она молча улыбнулась. Если бы не заостренные зубы, улыбка могла бы выглядеть вполне нормальной. Наверное, Эннис начала приходить в себя и вспомнила, что надо задобрить Бранвен.

— Послушай, Эннис, нам сначала надо кое о чем поговорить, — убеждал я. — Религиозную церемонию можно пока отложить, мы вернемся к ней позже. Сейчас нам надо подумать о жизненно важных делах, например, как выбраться с этого острова и вовремя прибыть в Лохлэнн, чтобы Морриган не успела короноваться.

Девушка, казалось, не слушала меня. Мурлыкая, она поглаживала волосы на моей груди. Эннис это или нет, но она явно намерена предаться занятию, которое так нравится Бранвен.

А может, она права? Возможно, только так нам удастся разрушить чары, под действием которых она находится. И тогда, лишь только мы примемся за дело, раздастся гром, и эта ужасная людоедка превратится в мою славную Эннис.

При мысли о людоедстве я перевел взгляд на миски с человечиной — они обе оказались пусты, а губы женщины жирно блестели. И эти губы были всего в нескольких дюймах от моего лица! Я почувствовал дурноту, и если бы тогда, на берегу, меня не вывернуло наизнанку, это случилось бы сейчас.

Ее ласки становились все более смелыми и настойчивыми. Несмотря на отвращение, волной поднявшееся во мне, я собирался принять участие в жертвоприношении с этой Эннис, чтобы вернуть мою.

— Бранвен, Бранвен, ты здесь? — спросил я, желая удостовериться, что жертва будет принята и одобрена.

Ответа не последовало. Если ее телепатический телефон еще не отключили за неуплату, значит, она просто куда-то отлучилась.

Эннис, издавая странные горловые звуки, опрокидывала меня на спину с такой силой, что я не смог бы этому воспротивиться, даже если бы захотел.

— Милая Эннис... милая Эннис, — бормотал я, глядя ее растрепанные волосы. — Не беспокойся, дорогая. Все будет хорошо. Я что-нибудь придумаю.

Рот ее прижался к моему, и острые зубы прокусили мою губу до крови. Она легла на меня сверху, наше дыхание смешалось, и меня снова затошнило.

— Бранвен, скажи что-нибудь! — взмолился я. — Во имя твоего чудесного, благостнейшего лона,

скажи, ты довольна?

Мой отчаянный призыв не был услышан. Бранвен молчала как могила. Если ей и была по душе такая разминка, то она предпочла об этом не распространяться. Но, похоже, согласие Бранвен, как впрочем, и мое, уже не требовалось. У Эннис была хватка боа-констриктора, и она намертво припечатала меня к ложу.

— Эннис, прошу тебя, я не...

С этого момента природа взяла свое. Я не мог ничего изменить, только молился Бранвен, чтобы все удалось во славу ее.

Но увы! Несмотря на энергичный темп, все это оказалось не более чем механическим актом, без малейших признаков любви или даже просто взаимной симпатии. Конечно, трудно было ожидать чего-то иного.

Но самое ужасное было впереди! В течение всего акта жертвоприношения губы женщины скользили вверх-вниз по моей шее, и вот теперь, когда он, наконец, завершился, ее острые зубы впились в мое горло. Я стал кричать и отбиваться, но куда там! Зубы вонзались все глубже, а эта тварь с жадностью глотала мою кровь!

Сделав усилие, я постарался повторить свой крик мысленно. И он был услышан! Что-то как будто коснулось моего сознания.

— Дюффус, что с тобой? В чем дело? — произнес голос Морган Лэйси. — О боже, я вижу, вижу! Ты должен бороться, Дюффус! Бороться!

Легко сказать! Я и пытался бороться, но совершенно без толку! Проклятый рот высасывал из меня жизнь, а я лежал, не в силах пошевелиться, в этих железных объятиях.

— Это вампир, Дюффус! — продолжала Морган. — Она высосет твою кровь, а заодно и твою душу. Как ты вообще мог спутаться с такой тварью?

«Нашла время устраивать мне сцены ревности!» — подумал я. Мне и без Морган было ясно, что это вампир. И в данную минуту она занималась самым что ни на есть вампирским делом, сопя и причмокивая от удовольствия.

— Бранвен, помоги мне! — взмолился я вслух и про себя одновременно. Если ты добрая, славная богиня, какой я тебя считаю, ты поможешь мне!

— Заткнись! — рассердилась Морган. — Бранвен не поможет тебе, даже если захочет. Ее нет рядом. Единственная, кто может помочь — это Мюллеартах. Я пришлю ее.

Этого мне только не доставало! Женщина-монстр высасывала меня, как лимон, а Морган Лэйси решила прислать сюда еще одного монстра. Они, поди, сцепятся не на шутку за право сожрать меня на ужин!

Мюллеартах, как всегда, явилась со штормом. Хотя пещера находилась в нескольких сотнях футов над уровнем моря, но в нее с ревом ворвалась огромная волна.

Эннис с воплем вскочила на ноги. Пещера наполнилась рокочущей водой и жутким смехом Мюллеартах. Вода действовала совсем как мыслящее существо. Она перевернула котел, погасила огонь и вынесла из пещеры кости. Но главное — она вынесла также и хозяйку пещеры — та вопила, плевалась и кувыркалась в бурном потоке, с силой которого не мог поспорить никто.

До меня волна не докатилась. Я остался лежать на грязных шкурах, испытывая сильную боль в прокушенной шее — все, что напоминало о пережитом кошмаре. Пошатываясь от слабости, я поднялся на ноги, отыскал свою одежду, трясущимися руками натянул ее на себя и, немного успокоившись, стал озираться в поисках хоть какого-нибудь оружия. Но ничего подходящего в пещере не было. Я тосковал по Головорубу, как почти любой из современных земных юнцов тоскует по своему первому автомобилю-развалюхе. Но делать было нечего, кроме как отыскать что-нибудь взамен.

Я не знал, какая еще опасность поджидает меня на этом острове, но надо иметь хоть что-то, чем можно себя защитить. В конце концов я увидел бедренную кость, оставшуюся в пещере после водяной атаки. Сжимая ее в руке, я покинул гостеприимный кров вампирши.

На острове царил кромешная тьма, и только над жерлом вулкана краснел отсвет кипевшей в его недрах лавы. Я начал осторожно спускаться по той самой тропинке, по которой женщина-вампир втащила меня в пещеру. С трудом различая внизу берег, я не представлял себе, зачем туда иду и что собираюсь там делать.

Не знал я и о том, что случилось с вампиршей после того, как Мюллеартах убрала ее из пещеры — осталась ли она на острове или унесена в море. По правде говоря, второй вариант меня больше устраивал. Но может быть, она сейчас бродит где-то здесь, мокрая и злая? От этих мыслей сердце мое начинало учащенно биться, и я задерживал дыхание, проходя мимо зарослей кустов и деревьев, кое-где вплотную подступавших к тропинке.

Дойдя наконец до берега моря, я стал ходить у кромки прибоя в надежде отыскать что-либо полезное, вынесенное приливом. Улов мой оказался небогатым: обломок мачты, крышка от люка и обрывок паруса. Найдя еще несколько досок, я смог бы соорудить плот. Но что дальше? У меня нет ни карты, ни компаса. Я даже не знал, какие звезды светят над этой планетой и как по ним идти.

Полный этих невеселых мыслей, я пнул ногой кусок корабельной обшивки. Внезапно взгляд мой упал на какой-то предмет, блестящий в темноте футах в пятидесяти от меня, там, где обломки кораблекрушения были уже почти засыпаны песком. Я бросился туда вне себя от волнения и с отчаянной надеждой на невозможное. Неужели это он?

О да! Это был он, Головоруб! До половины скрытый песком, он сверкал как серебро. Я нагнулся и вытащил его почти с благоговением. Вне всяких сомнений, это волшебный меч! Потерянный далеко в море, он оказался на берегу, и именно там, где я смог его найти!

— Привет, дружище! Я так рад тебе! — сказал я своему палашу. — С тобой мне никто не страшен, даже вампирша, кидающая мужчин, как мячики!

Ох, лучше бы я не произносил этих слов! Буквально в тот же момент мне пришлось доказывать их справедливость на деле! Услышав знакомый вопль, я повернулся и увидел эту тварь в обличий Эннис, стоявшую на утесе футах в двадцати от меня, мокрую и растрепанную.

Жутко вопя, она соскочила с утеса и бросилась ко мне прыжками, как обезьяна. Я приготовился к бою, крепко держа Головоруб и слегка расставив ноги.

— Предупреждаю, — крикнул я чудовищу, — этот меч называется Головоруб! Он разит наповал!

Если вампирша и понимала по-английски, она даже бровью не повела, продолжая нестись на меня с кровожадно горящими глазами.

— Ну, как знаешь. Я тебя предупредил!

Выставив Головоруб вперед, я описал лезвием небольшой круг в воздухе. Вампирша чуть помедлила, уставясь налитыми кровью глазами на мой меч. Сделав несколько обманных движений, она прыгнула на меня.

Мне было непросто решиться убить существо, внешне столь напоминавшее женщину (и бывшее ею в некотором смысле). Но я заставил себя сделать выпад.

Я промахнулся! Вампирша была неправдоподобно ловкой, и, нырнув под лезвие, приблизилась ко мне, выставив когти. Я увернулся, слегка задев ее концом клинка. Вскрикнув, она глубоко оцарапала мою руку.

Я отступил и снова ударил Головорубом. Напрасно я ожидал, что сейчас чудовище останется без головы. Мой меч даже не задел ее: в руке у вампирши откуда ни возьмись появилась огромная кость. От удара лезвия меча о кость посыпались искры. Издав ликующий крик, она снова бросилась на меня.

Я отразил ее удар Головорубом и сделал резкий выпад, но тварь резво отпрыгнула и втянула живот, иначе не миновать бы ей быть насаженной на клинок, как на вертел.

Схватка была отчаянной. Ее костяное оружие по крепости не уступало моему палашу, а мое искусство столкнулось с ее невероятной силой.

Внезапно я снова услышал голос Морриган, отчетливо звучащий в моем сознании:

— Будь предельно осторожен, Дюффус! Это существо — черная Эннис, зловещая копия настоящей Эннис. Понимаешь, на этой планете у всех, кто наделен властью, есть двойники, так принято. Если ты дашь ей одолеть себя, она растерзает твоё тело и заберёт твою душу.

Я с удвоенной силой кинулся в бой с чудовищем. Меч описал сверкающий круг над моей головой, и Черная Эннис отступила. Дважды палаш отсекал куски кости от её дубины, дважды до крови поцарапал её саму. Но внезапно вампирша получила подкрепление. Откуда ни возьмись появились полдюжины воинов с мечами и щитами. Футов четырёх ростом, светловолосые, они были одеты в доспехи из акужьей кожи и имели плавники и жабры.

— Дети Ллира! — произнесла Морриган прерывающимся от волнения голосом.

После этого она умолкла, и я остался один. Коротышки смыкались вокруг меня в кольцо, а вампирша подбадривала их воплями. Топор, брошенный одним из них, попал мне в плечо, и я упал на колени. Другой, ослабев, подбежал ко мне с занесённым для удара мечом. Я упал на спину, подняв Головоруб и проткнув нападавшего насквозь.

Несколько секунд он дергался и верещал, повиснув на моем клинке, потом я отшвырнул его и встал на ноги, чтобы достойно встретить остальных.

Головоруб легко раскроил шлем и череп другого, третий свалился со вспоротым брюхом. Однако через несколько мгновений картина боя снова изменилась: из моря выбежали новые Дети Ллира. Эти были выше, примерно пяти футов ростом, в руках у них были копья и сети.

Меня сразу же опутала одна из сетей. Я выбрался из неё только с помощью Головоруба.

Черная Эннис завопила громче прежнего, видя, что я тесню Детей Ллира. Я рискнул кинуть быстрый взгляд в её сторону и на секунду обомлел: на моих глазах она превратилась в крупного черного волка! Дико вой, зверь огромными прыжками неся на помощь моим противникам. Ободренные таким подкреплением, они снова пошли на меня в атаку. Копье ударилось о мою кольчугу, и тут же я получил мощный удар мечом по шлему, а брошенный кем-то из них топор оглушил меня и свалил на землю. Черный волк прыгнул на меня и прижал к земле.

Но тут и ко мне подоспела неожиданная помощь — откуда ни возьмись появилась белая пантера. Я не сомневался, это она сражалась бок о бок со мной на палубе «Андрасты»! Пантера бросилась прямо на волка, и два псевдозверя клубком из меха, когтей и клыков покатались по застывшей лаве берега.

— Давай, Эннис! Задай ей! — подбадривал я пантеру. — Держись! Покажи этой гадине!

Но они обе решили задать друг другу! Два воплощения одной и той же женщины, ведьма и её двойник дрались, как два диких зверя, обличья которых они приняли. На белой шкуре леопарда выступила кровь, черные бока волка были изодраны в клочья.

Я пытался пробиться к ним, чтобы прикончить волка Головорубом, но Дети Ллира мечами и щитами преградили мне путь. Я пробил шлем одного из них и отсек ему руку — он с воём покатился по земле, у другого я выбил копье и прикончил его точным ударом. Но противников было слишком много, и я начал отступать к морю.

Я рискнул быстро обернуться, чтобы посмотреть, как там Эннис. Вот этого-то мне как раз и не следовало делать! Она лежала на спине, придавленная волком. При виде этого меня охватило отчаяние, но я ничем не мог ей помочь, а сам тут же поплатился за то, что позволил себе отвлечься.

Услышав за спиной шлепанье перепончатых лап по мокрому песку, я хотел обернуться, чтобы встретить противника лицом к лицу, но не успел: меня опутало сразу несколько сетей. Все попытки высвободиться ни к чему не привели — я не мог размахнуться Голово-рубом. Бешено отбиваясь, я пнул ногой в живот одного из нападавших, и он упал. Но и меня тут же сбили с ног и, крепко опутав сетями, потащили к морю.

Я ждал, что вот-вот меч, кинжал или копье пронзит мне горло, но Дети Ллира почему-то не торопились убивать меня, а продолжали тащить к воде, издавая победные крики.

Значит, они решили меня утопить. Прoderжат под водой, пока я не захлебнусь, и дело с концом.

Ругаясь, я пытался отбиваться, но тщетно. Шум моря заглушал мой голос, и соленая вода заполнила рот.

Через мгновение мы все были уже под водой. Дети Ллира ухватили меня крепче и потащили в морские глубины — вниз... вниз... вниз...

XI

Я задыхался и чувствовал, что мои легкие вот-вот лопнут. Вырваться из сетей было невозможно. Окружив меня, дети Ллира плавали вокруг. Они были здесь у себя дома и свободно дышали в воде. Смеясь, они указывали на меня пальцами, их явно забавляло, что я задыхался. Казалось, их чрезвычайно веселила сама мысль о том, что у меня хватило глупости заявиться сюда без жабр.

Когда я понял, что мне пришел конец, случилось нечто странное. Неожиданно появились две более крупные особи из Детей Ллира, тащившие уродливую маску рыбы. Обменявшись несколькими жестами с остальными, они подплыли ко мне, и один из них вытащил нож. Не сомневаясь в его намерении убить меня, я несказанно удивился, когда он вместо этого разрезал сеть в том месте, где она стягивала мне голову, оставив при этом связанными ноги и руки. На меня поспешно надели рыбью маску. Послышалось слабое шипение, и я стал дышать.

Но насколько мне хватит воздуха? Навряд ли в этой штуковине мог содержаться запас кислорода больше чем на несколько минут, а потом я снова начну задыхаться. Но тут один из рослых Детей Ллира подплыл к нам с большим пузырем в руках. Вероятно, это был плавательный пузырь, вынутый из тела какой-нибудь исполинской рыбы. Они прикрепили его к моей маске, и воздух, который я вдыхал, стал гораздо теплее и приобрел неприятный рыбный запах.

Наше погружение все продолжалось. Я чувствовал усиливавшееся давление и думал о том, знают ли Дети Ллира, что на большой глубине оно меня просто раздавит. И никакая рыбная маска с импровизированным воздушным баллоном меня от этого не спасет. Но тут я сообразил, что, несмотря на наличие жабр, их тела также не могут выдержать большое давление на глубине, как и мое.

Однако мы все опускались и опускались в пучину. Детей Ллира собралось вокруг меня уже около двадцати. Двое или трое из них тащили меня, опутанного сетью, остальные просто плыли рядом, как будто охраняя нас. Вскоре я понял, что так оно и было. Из-за высокого кораллового куста выплыли, направляясь к нам, две огромные акулы. Пасти их были открыты, обнажая ряды острых зубов. Если на морде акулы может быть написано выражение, то я бы сказал, что морды этих двух выражали предвкушение сытного обеда.

Один из стражей, с сетью и трезубцем в руках, подплыл к морскому Хищнику довольно близко и взмахнул сетью перед его мордой. Повернувшись к нему, чудовище тут же забилося в сетях, наброшенных с двух сторон. Все попытки высвободиться приводили лишь к тому, что сеть туже затягивалась на бьющемся теле.

Пойманный аналогичным образом, я почти сочувствовал этому монстру, сомневаясь, однако, во взаимности данного чувства. Мечами и копьями акулу расчленили на куски, и ее темная кровь окрасила воду вокруг нас.

Другая акула вместо того, чтобы сразиться с кем-то одним, врезалась в самую гущу Детей Ллира, и ее

мощные челюсти сомкнулись, откусив ногу одного из воинов, которому не удалось вовремя увернуться. Остальные тут же окружили и прикончили чудовище. Битва, таким образом, была выиграна с минимальными потерями.

После этой вынужденной задержки мы двинулись дальше. Не знаю, на какой глубине мы находились, но давление воды уже весьма ощутимо давало о себе знать. Но вот, наконец, наше погружение прекратилось, и амфибии потащили меня над песчаным дном, покрытым водорослями. Миновав коралловые заросли и гряду подводных гор, мы выплыли в долину.

Здесь взору моему открылся город. Он был весь розово-золотой, с куполообразными крышами, перемежаемыми остроконечными, похожими на минареты башнями. Построен он был на морском дне, и его оживленные улицы и широкие площади были открыты морю.

— Будь я проклят, — сказал я себе, — если это не подводная копия нашего Диснейленда!

Наконец мы опустились на дно, и я ощутил под ногами гранитные плиты тротуара. Возможно, когда-то давным-давно город находился на поверхности, но впоследствии был затоплен. Тогда-то и появились у его обитателей жабры и плавники. Хотя навряд ли процесс эволюции мог проходить с такой быстротой. Скорее всего, согласно традициям этой планеты, здесь тоже не обошлось без волшебства.

Меня провели по широкой дороге через ворота футов пятидесяти высотой, сделанные из чистого золота. За городскими стенами кипела активная, деятельная жизнь. Магазины были открыты, торговля шла вовсю. Вьючные животные (вернее, конечно, рыбы) развозили по назначению грузы. От всей этой суеты веяло чем-то бесконечно знакомым, с одним только разительным отличием: все происходило здесь в глубочайшей тишине.

Но как же могла возникнуть и развиваться цивилизация, пусть варварская, без какого-либо общения между жителями? С самого начала нашего погружения мои стражи не издали ни звука, но на берегу я слышал их крики. Как же они общаются между собой здесь, в своем городе? Я вспомнил голоса Морриган и Мюллеартах, звучавшие в моем сознании, и решил, что, вероятно, все жители планеты Аннон могут общаться на телепатическом уровне. Я утвердился в этом мнении, двигаясь по извилистой улочке в окружении моего эскорта и разглядывая продавцов и покупателей, мимо которых мы проходили. Те и другие размахивали руками, жестикулировали, видимо, споря о ценах на рыбу и морскую зелень. Придя в конце концов к соглашению, стороны заключали сделку, и деньги переходили в одни руки, а покупки — в другие, значит, общение все же имело место. Однако ко мне так никто до сих пор и не обратился. Или я просто не понимал здешнего наречия?

Мы пересекли широкую площадь, в центре которой сквозь ветви морских растений, похожих на деревья, туда-сюда плавали рыбы, а рядом был устроен большой фонтан с разноцветными струями. У следующего перекрестка мы остановились, пропуская небольшой отряд кавалерии. Он состоял из Детей Ллира, взгромоздившихся на какие-то длиннохвостые морские существа, с виду очень похожие на лохнесское чудовище. Всадники были вооружены длинными копьями и щитами с изображением дельфинов. Толпа, запрудившая улицы, махала им руками и, полагаю, на местном беззвучном языке приветствовала своих героев.

Я почему-то решил, что гарцующая кавалерия и марширующая вслед за ней пехота держат путь не иначе как в Лохлэнн, и почувствовал страстное желание попасть туда же, выбравшись отсюда любым способом. Надо непременно узнать, что случилось с Эннис. Смогла ли она выстоять в схватке со своим отвратительным двойником? Добралась ли до Лохлэнна? Сумела ли доказать свои права на престол? Поведет ли она своих подданных с Жезлом Власти в руке на защиту Лохлэнна от Детей Ллира?

Вопросы эти были похожи на те, что задают друг другу в конце каждой серии персонажи мыльной оперы. Вот только ответы на них несли жизнь или смерть жителям Лохлэнна, Морриган и Эннис, а заодно уж и некоему парню по имени Дюффус Дженъери.

По окончании краткого военного парада мы подошли к зданию, увенчанному башней, верхушка которой терялась в темноте морских глубин. Здание было окружено ротондой, освещенной фосфоресцирующими нижними панелями стен. Это, вне всякого сомнения, был дворец Ллира — цель нашего путешествия.

Мы поднялись по высоким ступеням, миновали несколько коридоров и оказались в просторном зале. В дальнем его конце на возвышении стоял трон. Восседавший на нем гигант, широкоплечий, ростом около восьми футов, с густыми, длинными светлыми волосами был бы совсем похож на огромного человека, если бы не ряд зеленых плавников вдоль могучей спины. На голове его был шлем с небольшими крылышками, слегка сдвинутый набок. У ног великана лежал боевой топор, прислоненный рукояткой к трону.

Так вот он какой, повелитель морей Ллир!

— Тащите землянина сюда, — прозвучал в моем сознании низкий гулкий голос. — Тащите ко мне этого паршивого выскочку! Ллир будет судить его!

Воины освободили меня от сетей и подтолкнули к трону.

— Итак, Дюффус Дженьери, — пророкотал тот же голос, звучавший, казалось, в моей голове, — явившись в Лохлэнн и вмешавшись в наши дела, ты навлек на себя великие беды!

Я окинул его оценивающим взглядом. Передо мной был гигант, чудовищно сильный физически и, несомненно, наделенный сверхъестественной властью. Но по своему развитию это наверняка примитивный варвар, и я почти пожалел, что у меня не было с собой горстки стеклянных безделушек, купленных у голландца-ювелира в Манхэттене за двадцать четыре доллара. Возможно, мне удалось бы, одарив ими Ллира, уговорить его не идти на Лохлэнн.

Но, посмотрев на его руки, я заметил, что все пальцы великана унизаны жемчужными кольцами, а на запястье красуется золотой браслет с крупными, яркими рубинами. Переведя взгляд на перламутровые стены тронного зала, освещенные люминесцентными панелями, я должен был с огорчением признать, что если передо мной и варвар, то, надо отдать ему должное, — весьма состоятельный. Ни о каком подкупе не могло быть и речи.

— С какой целью явился ты в наш мир? — прозвучал вопрос Ллира.

— Видите ли, ваше величество, это довольно трудно объяснить, — ответил я мысленно, надеясь, что он без труда примет мое телепатическое сообщение.

— Отвечай одними фразами, ты, пустоголовый дикарь! Не пытайся воплотить свои глупые слова в образы!

Я почувствовал себя так же, как однажды в детстве, когда получил замечание от учителя английского языка за то, что шевелил губами во время чтения про себя.

— Простите меня, ваше величество. Я еще не привык к здешнему языку.

— Еще бы! Ты явился из мира грубых и громких звуков, не знакомого с телепатической речью. Но даже безмозглый дурак вроде тебя может без труда обучиться этому искусству, если захочет.

— Да... конечно. Я чувствую, что у меня уже почти получается.

— Тогда отвечай! Что тебе надо на моей планете? Почему ты хочешь помешать мне захватить Лохлэнн? Почему ты перебил моих людей на острове?

— Перебил ваших людей? Да они же сами на меня напали!

— Они выполняли мое приказание! — прорычал Ллир. — Скажи, зачем ты здесь?

— Ну, видите ли, эта девушка...

— Две девушки! — засопел он. — Мне ли их не знать! Эннис и Морриган, принцессы-соперницы, и только Ллир ведает, кто из них — законная наследница престола.

Я наострил свои телепатические уши. Если только Ллир знает, кто из них полноправная королева, то мне надо во что бы то ни стало вытянуть из него правду.

— Почему они обе уверены в законности своих притязаний на трон? — спросил я.

— Хо-хо! Землянин думает, что останется в живых и понесет эту информацию в Лохлэнн!

Мне не понравился оборот, который приняла наша беседа, о чем я ему и сказал, сообщив также,

какое огромное и могущественное государство — Соединенные Штаты, и какой важной персоной я там являюсь, и какие мощные атомные бомбы имеются в наших арсеналах.

— Ты что это, козявка, никак угрожаешь мне?! — злобно спросил внутренний голос Ллира.

— Что вы, конечно, нет. Просто мне действует на нервы, когда вы намекаете, что я долго не проживу. Знаете ли, я довольно суеверен.

— Ты просто безмозглый идиот и больше ничего! К тому же болтливый. Отвечай на мой вопрос!

Он поднял топор и встал передо мной во весь рост. Будь со мной Головоруб, я бы еще мог с ним потягаться, но безоружному, похоже, это было не по силам, не говоря уже о таком пустяке, как армия, подчиненная этому великану.

— Как вам уже известно, мое имя — Дюффус Дженъери, — начал я. — Я частный сыщик по вопросам, связанным с оккультными науками, которые и изучаю. Мою клиентку Морган Лэйси похитил человек по имени Сион, и...

— Ты имеешь в виду лорда Сиона, регента Лохлэнна, — перебил меня Ллир. — Он не похищал девушку. Она последовала за ним добровольно, после того как ее память была разблокирована. При чем здесь ты?

— Я не мог спокойно отнестись к тому, что моя клиентка похищена... вернее, исчезла прямо у меня из-под носа, вот я и прибыл сюда, чтобы найти и спасти ее.

— Знаю, каким способом ты сюда добрался! — усмехнулся Ллир. — Склонности Бранвен всем здесь хорошо знакомы. Вот уж бесстыжая потаскуха!

Слушая его, я подумал, как он похож на некоторых наших земных деятелей! Собирается захватить свободную страну, погубить всех жителей, затопив ее, и при этом строит из себя праведника, поборника высокой морали, сурово осуждая безобидные плотские радости Бранвен.

— Ты явился сюда с девицей Эннис, — продолжал Ллир. — На что ты надеялся? Помочь ей взойти на трон и самому править вместе с ней?

У него была неприятная манера задавать несколько вопросов сразу и не дожидаться ответов ни на один из них.

— Я хотел забрать Морган Лэйси обратно на Землю, — солгал я, надеясь, что Ллир не сможет проникнуть дальше поверхностного слоя сознания и прочитать мои сокровенные мысли.

— Почему ты думаешь, что она бы согласилась?

— Но если она не имеет законного права на престол, что ей здесь делать?

Ллир кивнул.

— Звучит довольно здраво, но что дает тебе основания не считать ее законной наследницей престола?

— Эннис совершенно уверена, что имеет все права на лохлэннский трон, да и потом, она такая могущественная ведьма! К тому же известно, что она — дочь Аравна, короля Лохлэнна.

— Которого из Аравнов? — спросил Великан. Этого я не ожидал.

— Вы хотите сказать, что их было два?

— Конечно, два: Аравн и Черный Аравн. Двойники есть у всех, кто наделен властью.

Это было похоже на правду. Я сам убедился в существовании Черной Эннис. Значит, и у Аравна мог быть двойник — Черный Аравн. Но что это меняло?

— Настоящий и Черный Аравны оба любили королеву Этну. Она родила по дочери от каждого из них. — Ллир усмехнулся, забавляясь пикантностью ситуации. — Когда друиды Лохлэнна узнали, что принцесс — двое, что рождены они с разницей в десять месяцев и от разных отцов, они приказали отправить обеих на Абред, предварительно заблокировав их память.

Ллир помолчал, охваченный воспоминаниями.

— Никто, кроме самой королевы Этны, не знал, кто из девочек — дочь Аравна, а кто — дитя его двойника. Она так горевала из-за разлуки с дочерьми, что ее отправили в круиз по морю Туманов. Возле Столбов корабль потерпел крушение...

Он снова остановился и, улыбнувшись, проговорил:

— Все, кроме самой королевы, погибли. Она была доставлена сюда.

Очевидно, гибель корабля не была случайной. Мне, пожалуй, не нравился этот мистер Ллир!

— Дама была доставлена сюда. Королевское происхождение не мешало ей быть женщиной невысокой морали. Никаких попыток не потребовалось — стоило Ллиру немного заняться с ней любовью, и она поведала мне, которая из ее дочерей — настоящая принцесса. Вскоре после этого она, бедняжка, умерла. Наверное, наш климат оказался для нее сыроват.

Обладая внешностью и манерами грубого и простоватого вождя викингов, Ллир на самом деле был гораздо хитрее, чем казался. Определенно, он мне совсем не нравился. Я стал с надеждой ожидать момента, когда мне удастся встретиться с ним один на один, с Головорубом против его огромного топора.

— И которая же из них — законная королева? — спросил я как можно более невинным тоном, надеясь застать его врасплох.

Он захохотал.

— Не надейся услышать это от меня! Ты, разумеется, живым отсюда не выйдешь, но мало ли что? Бранвен или Мюллеартах могут получить от тебя эту информацию телепатическим путем, и тогда Жезл Власти, попав в королевскую руку, не допустит мои легионы в Лохлэнн. Мы захватим его, как уже захватили Сокр, если нам не помешает жезл. Так что эта тайна надежно хранится в моей голове, землянин, и никогда оттуда не выйдет.

Но разве мог я позволить ей там остаться? Ведь я всегда считал себя величайшим из земных магов и полагал, что моя магия не действует только на Земле, где вообще бессильны чьи-либо чары. Теперь, наконец, настало время доказать, что я, действительно, колдун и чародей. Если бы только мне удалось проникнуть в мысли Ллира, прочитать их, но, так, чтобы он этого не заметил! Если бы я смог получить только эту короткую информацию, я спас бы и Эннис, и Морриган, и весь Лохлэнн!

Я нисколько не сомневался, что смогу это сделать, и даже знал, как за это взяться. Вспомнив, как Хранитель-бандит подбирался к моему сознанию, я мысленно представил себе руку, осторожно проникающую в мозг Ллира. Пройдя сквозь поверхностный слой, на котором велась наша беседа, рука двинулась дальше.

Сознание Ллира оказалось пронизанным злобой даже больше, чем я мог предположить — почти как у того Хранителя. Холод, сковавший мою воображаемую руку, был так непохож на ту теплоту, которую я ощущал, вступая в мысленный контакт с Морриган! Но под слоем холода и злобы я нащупал, наконец, то, что искал.

— Это Эннис. Эннис — полноправная королева, но они посадят на трон Морриган и не смогут защититься от меня. Эннис — настоящая королева!

Я быстро отступил. Ллир не должен догадаться, что я похитил его тайну. Узнав об этом, он убьет меня на месте. Я вытащил мою воображаемую руку из черепной коробки гиганта, страшно довольный своими магическими способностями и тем, что мне удалось провести великого Ллира.

— Довольно, — сказал он. — Уведите. Землянину больше нечего мне сказать. Посадите его пока в воздушную комнату, я допрошу его еще раз, прежде чем отрубить ему голову и повесить ее в зале Отрубленных Голов.

XII

Несмотря на то, что меня волокли из тронного зала Ллира по винтовой лестнице в подводную темницу, все во мне ликовало. Но, сказать по правде, ликование это сильно умерилось при виде камеры, в которой я оказался.

Это была маленькая металлическая коробка, где мне было даже не выпрямиться во весь рост, заполненная воздухом и вставленная в коробку больших размеров, полную воды. Одна стена моей камеры была из толстого стекла.

Втолкнув меня в тюрьму, люди Ллира сорвали с меня маску. Через некоторое время после того, как я остался один, панель внешней камеры приподнялась, и в нее всплыли три огромные акулы, похожие на тех, что напали на нас по пути сюда. Чудовища внимательно разглядывали меня через толстое стекло камеры. Вид у них был голодный. Мне захотелось показать им язык, но я почему-то передумал.

Во всех книгах, где герои попадают в плен, они меряют шагами темницу, напряженно думая, и в конце концов изобретают блестящий план побега. Я тоже решил попробовать. Пять шагов — поворот, пять шагов — опять поворот. Да, маловато для выработки гениальных идей. Наверное, именно из-за этой тесноты мне не удалось ничего придумать.

Сев на пол, я начал тщательно осматривать помещение. Если мне придется пробыть здесь долго, я попросту вывихну себе шею — мой рост почти пять с половиной футов, тогда как высота камеры — всего четыре. А если лежать на полу, то приходится сворачиваться чуть ли не вдвое. Но они, скорее всего, и не собираются долго меня здесь держать.

Акулы продолжали алчно смотреть на меня сквозь стекло, а одна из них не переставая толкалась в него носом. На морде чудовища застыло какое-то жалобно-голодное выражение. Казалось, его красноватые глаза умоляли меня разбить чем-нибудь это стекло и дать ему проникнуть ко мне, чтобы мною пообедать. Но я решил оставить эту просьбу без внимания. Эта акула чем-то напомнила мне одного импресарио из Голливуда...

Я еще походил по камере, но планы, возникавшие у меня при этом, были сплошь из разряда невыполнимых. Я стал мечтать о том, как заманю Ллира в свою тюрьму под предлогом передачи ему важной информации и буду держать его в заложниках, пока не получу свободу. Однако возникало несколько проблем. Чтобы заманить сюда кого-либо, мне надо было связаться с ними, чего по своей инициативе я сделать никак не мог. А сами они, похоже, вообще обо мне забыли. Я представил, как меня, умершего здесь от голода, найдет через несколько тысячелетий какой-нибудь археолог. А в наружном помещении — трех погибших подобной же смертью акул...

Еще одной загвоздкой в плане являлось то, что Ллир был восьми футов ростом, мощный, как танк, и с железными мускулами. Держать его в заложниках мне, безоружному, было бы трудно...

Не без сожаления расставшись с этим планом, я стал искать другой выход. Совершенно ясно было только одно: надо как можно быстрее отсюда выбираться. Располагая жизненно важной информацией для Эннис и Лохлэнна, я просто не имел права здесь торчать. Да и не по душе мне был вид трех уставившихся на меня в окно голодных акул.

Я еще раз сосредоточенно оглядел свою тюрьму-коробку, а также и ту, в которой плавала моя камера в компании с тремя акулами. Пол был из твердого гранита, сквозь который не пробиться. Я поглядел на окно — разбить его можно, но этим я открою доступ в свою — клетку не только воде, но и акулам.

Да, варвары эти существа или нет, но, похоже, они изобрели тюрьму, побег из которой невозможен. Интересно, ее сконструировали специально для меня или они часто берут в плен существ, дышащих воздухом?

Воздух! Окрыленный внезапной догадкой, я стал внимательно разглядывать потолок моей камеры. Воздух в ней был свежим и чистым, значит, он непрерывно откуда-то поступал. Отверстие для доступа воздуха, закрытое решеткой, я обнаружил в одном из углов потолка. Эта воздушная труба наверняка идет через всю толщу океана до самой поверхности, но беда в том, что отверстие в моей камере — всего дюймов восемнадцать в диаметре, а мне, чтобы протиснуться сквозь него, надо как минимум в два-три раза больше.

Подойдя к окну вплотную, я смог, несмотря на заслонявших весь обзор акул, разглядеть, в какую сторону от моей камеры идет воздушная труба. Я простоял не менее получаса, пока двое из чудовищ не затеяли драку и не стали гоняться друг за другом, на время исчезнув из виду. Тогда-то я и разглядел, что труба, выходя из стены моей камеры, идет к противоположной стене внешнего помещения. Там она входит в трубу большего диаметра, выходящую наружу через потолок. Это — путь на поверхность, но как до нее добраться?

На трубе я разглядел также что-то вроде корабельной водозапорной двери с четырьмя ручками. Несомненно, это было отверстие, через которое туда при необходимости проникали ремонтные рабочие. Учитывая диаметр трубы, я решил, что она вентилирует не только мою камеру, но и несколько других, и что время от времени у Ллира бывает помногу пленников, дышащих воздухом.

Все эти рассуждения, небезынтересные сами по себе, пока не давали мне практически ничего. Если мне удастся добраться до этой двери, открыть ее и попасть в трубу, то, возможно, я смогу подняться на поверхность — меня вытолкнет хлынувшая в отверстие вода. Но... как быть с акулами?

Я был хорошим пловцом и мог подолгу задерживать дыхание под водой. Если бы не акулы, я бы разбил окно, проплыл до водозапорной двери и успел открыть ее прежде, чем начал бы задыхаться. Но за это время каждый из моих товарищей по заключению успеет отхватить от моего тела по изрядной порции.

Тут я снова затосковал по Головорубу. Со своим верным помощником я бы одолел акул, без него же предприятие выглядело совсем безнадежным. Но предпринять попытку все же следовало. Возможно, сквозь разбитое окно вода втолкнет акул с такой силой и скоростью, что я успею выскочить в наружную камеру и подобрать какой-нибудь осколок для защиты от чудовищ.

Эннис, может быть, уже погибла, и Морриган ошибочно коронована, но я должен был ради них и жителей Лохлэнна выбраться отсюда и открыть правду, которую узнал.

Я упустил из виду еще одну проблему. Чем мне разбить стекло? Оно было толстым и очень прочным и, конечно, нечего было и думать разбить его кулаком или ногой.

В моей камере не нашлось ничего, чем можно было воспользоваться. Ничего металлического, например, прута от решетки кровати, да и кровати-то никакой не было. Я выругался. Я готов пойти на такой огромный риск во имя призрачной надежды на спасение, но нечем разбить проклятое стекло!

— Головоруб, старый товарищ, если бы ты был сейчас со мной! — воскликнул я, подняв руки и задев шлем на голове.

Шлем! Конечно же, шлем! Я снял его. Какое счастье, что Дети Ллира не отобрали у меня ни его, ни кольчугу! Острее выступ на шлеме вполне может пробить стекло, а кольчуга защитит от акул по крайней мере часть моего тела. Ллир и его дети поступили весьма беспечно, оставив мне мои доспехи.

Со шлемом в руке я подошел к окну. Три акулы собрались по другую его сторону и, мне показалось, улыбнулись в предвкушении сытной еды.

— Вы, похоже, собрались полакомиться мной? — обратился я к ним. — В таком случае должен вас предупредить, что я не только жесткий, но и ужасно вонючий. Лук и чеснок я поедаю тоннами. Того, кто меня проглотит, ждет мучительнейший гастрит! А что будет, когда у всех сразу в таком тесном помещении начнется чесночная отрыжка!

Похоже, мои слова их не убедили, и они продолжали кидать на меня голодные взгляды.

Что ж, пеняйте на себя! Раз не слушаетесь моих советов, придется вам отвечать за последствия.

Вот такими шутками я подбадривал себя, готовясь к побегу.

Крепко держа шлем обеими руками, я размахнулся и что было сил стукнул острием по стеклу. Раздался звон, и на стекле появились небольшие трещины. Я ударил еще раз по тому же месту, трещины увеличились. Акулы в нетерпении били хвостами по воде. Они были поистине счастливы видеть, как их ужин сам пробивается к ним сквозь толстое стекло.

Наконец, с третьего удара стекло раскололось. Осколки упали внутрь под давлением хлынувшей в мою камеру воды. Я вовремя отскочил и прислонился к стене: помещение стремительно наполнялось водой и акулами.

Три монстра начали биться в тесной камере, кусая друг друга острыми зубами. Пока они сосредоточились на этом увлекательном занятии, я выбрался сквозь отверстие в наружную камеру. Острые осколки стекла в месте пролома царапали мою кольчугу. Я изо всех сил отбивался ногами от возможного нападения сзади.

Уровень воды в наружной клетке упал, часть ее перетекла в мою, но вода все еще не покрывала меня с головой. Сделав глубокий вдох, я поплыл к водозапорной дверце. Акулы продолжали сражаться за право выбраться из моей камеры в наружную сквозь небольшое отверстие.

В моем распоряжении было не больше одной-двух минут, да и то в самом лучшем случае. Морда одного из чудовищ была уже нацелена в мою сторону, его зубы были свирепо оскалены, глаза кровавадно сверкали. Я понял, что через мгновение эти зубы вонзятся в мое тело. Рванувшись к дверце, я обо что-то споткнулся и чуть не упал. Инстинктивно вытянув вперед руки, я наткнулся на рукоятку меча. Головоруб! Головоруб! Как же он мог здесь очутиться?

Держа в руках свой меч, я чувствовал себя совсем другим человеком. Но Ллир и его безмозглые стражи все-таки не могли быть настолько глупы, чтобы оставить палаш там, где я так легко смог его найти. Однако это ведь не простой, а волшебный меч! Как знать, может быть, он сам отыскал дорогу ко мне?

Или, что тоже вполне возможно, его прислала мне Мюлеартах. Не знаю, почему я решил, что это дело ее рук, а не помощь Бранвен. Наверное, потому, что до сих пор морская ведьма действовала намного эффективнее, чем обладательница благостного лона.

Одна из акул, выбравшись наконец из моей бывшей тюремной камеры, бросилась на меня в атаку. Размахнуться Головорубом в воде было невозможно, но из него получилось прекрасное копьё. Я воткнул клинок в акулюю пасть, как бы угощая свирепую тварь пятью футами отличной, хотя и совсем несъедобной стали. Мерзкая голова хищника оказалась проткнутой насквозь, вода вокруг потемнела от его крови. Двое других к этому времени также выбрались из моего узилища и собрались напасть на меня с обеих сторон. Я встал спиной к водозапорной двери, отпугивая их мечом. Они приближались медленно, но целеустремленно. Достаточно сильным ударом я заставил одно из чудовищ отступить, но другое продолжало приближаться.

Опираясь на стену, находившуюся за моей спиной, я делал выпады, преодолевая сопротивление воды, но внезапно уровень ее понизился, и моя голова и плечи оказались над ее поверхностью. Моя бывшая камера заполнилась водой до предела, поэтому здесь ее ubyло. Теперь я смог поднять Головоруб и обрушить его на приблизившуюся ко мне акулу. Мой удар рассек ее почти пополам чуть ниже головы. Единственная уцелевшая тварь, похоже, предпочла оставить меня в покое и удовольствоваться на обед своими павшими товарищами.

— Выходит, рассказ о жесткости моего мяса и гастрономических пристрастиях все же возымел действие, — пробормотал я, дотягиваясь до одной из ручек, запиравших дверцу.

Надо было торопиться, вода снова стала прибывать, просачиваясь откуда-то снаружи. Когда она опять покроет дверцу, мне будет гораздо труднее ее отпереть.

Когда я поворачивал вторую ручку, вода снова добралась до моих плеч. Третья долго не поддавалась, и мне пришлось постучать по ней Головорубом, как молотком, чтобы она открылась. Четвертую совсем заклинило, и мне не оставалось ничего другого, как вырезать запор мечом. Металл оказался довольно мягким, и Головоруб справился с этим делом отлично.

Когда дверь, наконец, была открыта, уровень воды уже достиг моих глаз. Подталкиваемый водой, я забрался в трубу. После этого я быстро захлопнул дверь, чтобы удержать снаружи рвавшуюся в отверстие воду. Затем я принялся ощупывать внутреннюю поверхность трубы в поисках ступеньки. Нашел одну, затем над ней другую. Полз осторожно, ощупью находя каждую следующую ступеньку и крепко хватаясь за нее. Медленно, но верно я двигался по темному желобу навстречу свободе.

XIII

Осторожно переставляя ноги и перебирая руками, я лез в крошечной тьме по трубе воздуховода. Дважды нога моя соскальзывала со ступени, и я зависал в воздухе, отчаянно пытаюсь снова нащупать опору. Дважды моя рука не находила сверху следующей ступеньки. Оба раза я становился на цыпочки и, почти теряя равновесие, находил-таки металлическую перекладину. С Головорубом на перевязи и в шлеме с кольчугой, я вскоре задышал, как знаменитый бегун, набравший лишний вес, но все же пытающийся выиграть забег.

Не знаю, сколько времени я уже так карабкался — по моим подсчетам выходило что-то между девяносто девятью и ста годами. Ладони мои кровоточили, несколько раз я останавливался, чтобы вытереть с них пот и заодно перевести дух. Но, наверное, и вечности когда-нибудь приходит конец, и вот высоко над моей головой забрезжило маленькое пятнышко света.

— Бранвен, расчудесная ты моя секс-бомба, не тебе ли я обязан своим спасением? — спросил я, но Бранвен не ответила. После моей разлуки с Эннис она стала совсем необщительной.

Я по-прежнему чувствовал усталость, но впереди маячило избавление. Маленькое круглое пятно света в вышине было моей наградой, и я стремился поскорее заполучить свой приз. Поэтому последнюю часть пути я преодолел в рекордный срок и наконец, пошатываясь, вылез на поверхность и огляделся.

Увидев, что меня окружало, я чуть было не нырнул обратно в трубу.

— Боже мой, — прошептал я, — не иначе как это преисподняя!

Именно так все и выглядело. Я находился в глубоком котловане конической формы. Его дно было усеяно небольшими лужицами, в которых, булькая, кипела вода, а совсем рядом со мной оказалась воронка с кипящей лавой. Воздух, насыщенный горячим паром, наводил на мысль о турецких банях в середине августа.

Я попробовал поставить ногу рядом с отверстием трубы, и сквозь толстую подошву ботинка почувствовал, как горяча почва. Пот градом катился по моему лбу и спине. Я задышался от испарений, а дотронувшись до Головоруба, почувствовал, что он стал очень горячим.

Да, похоже на то, как если бы я со сковородки прыгнул прямо в костер и к тому же должен быстро сообразить, что делать дальше. Я задрал голову вверх. Сквозь тяжелые клубы пара пробивался свет, и в круглом отверстии кратера показался кусочек голубого неба.

Я понял, что стою в буквальном смысле слова на вулкане.

Осознав это, я вспотел еще сильнее, особенно после того, как с ужасом почувствовал, что почва слегка колеблется у меня под ногами.

Я подумал было, не позвать ли на помощь Бранвен, но она была не слишком-то внимательна ко мне

последнее время, а заставить себя прибегнуть к помощи Мюллеартах я просто не мог.

Выходит, мне оставалось рассчитывать только на свои силы. Прежде всего следовало пересечь кратер и добраться до его противоположной стенки. Навряд ли мне удалось бы взобраться по отвесной стене наружу, но, возможно, убравшись подальше от луж с кипящей водой и лавой, я почувствую себя лучше и смогу сообразить, что делать дальше.

— НЕ ТУДА ИДЕШЬ, ГЛУПЫЙ, — раздался в моем сознании хриплый голос Мюллеартах. — НУ ПОЧЕМУ ТЫ НИЧЕГО НЕ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ КАК НАДО? НЕ ПРИСМАТРИВАЙ Я ЗА ТОБОЙ, ТЫ БЫ УЖЕ ПОГИБ НЕ МЕНЬШЕ ДЮЖИНЫ РАЗ!

Неудивительно, что ее называли ведьмой. Она была ничем не лучше любого шофера-лихача на раскаленной дороге воскресным летним днем.

— Да, скажешь тоже! Здорово ты мне помогала, когда я был в плену у Ллира!

— ЕСЛИ ТЕБЯ УГОРАЗДИЛО ПОПАСТЬ К ЛЛИ-РУ, ТО ЧТО ЖЕ Я-ТО МОГЛА ПОДЕЛАТЬ? МОР-РИГАН ПОПРОСИЛА МЕНЯ ПРИСМОТРЕТЬ ЗА ТОБОЙ, НО ВО ДВОРЕЦ ЛЛИРА ДАЖЕ Я НЕ МОГУ ПРОНИКНУТЬ!

Я снова подумал, не она ли прислала мне Головоруб в морские глубины, но отбросил эту мысль. Я верил, что мой меч, обладающий волшебной силой, мог сам найти меня и на берегу необитаемого острова, и в подводной темнице Ллира.

— Так ты что, решила оставить меня здесь, чтобы у оленя сгорели ноги, или все-таки подскажешь, как отсюда выбраться?

— ВЫРАЖАЙ СВОИ МЫСЛИ ПОВЕЖЛИВЕЕ, ЮНЕЦ, А ТО Я ВОЗЬМУ И УТОПЛЮ ТЕБЯ В ОДНОЙ ИЗ ЭТИХ СУЛЬФАТНЫХ ЛУЖ. НЕ ХВАТАЛО ЕЩЕ, ЧТОБЫ ТАКИЕ ПАРШИВЫЕ ЩЕНКИ ДЕРЗИЛИ МНЕ, ПОЧТЕННОЙ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ДАМЕ!

— У меня ноги горят! Как мне отсюда выбраться?

— ТЫ НЕ ТУДА ИДЕШЬ! ТЕБЕ НАДО ИДТИ ПО КРАТЕРУ В ДРУГУЮ СТОРОНУ, ТАМ ОТВЕРСТИЕ ТУННЕЛЯ, ВЕДУЩЕГО В ЛОХЛЭНН!

Я оглянулся. Лава, казалось, блестела еще ярче, шипели, лопаясь, пузыри на поверхности сульфатных луж, все было окутано паром.

— Боюсь, мне это не под силу, — ответил я.

— ПОД СИЛУ! НАДО ТОЛЬКО НЕМНОГО ОТВАГИ! БЕДА С ВАМИ, СМЕРТНЫМИ, ВЕЧНО ВЫ СКУЛИТЕ.

— Но ты хоть немного поможешь мне на самом горячем участке пути?

— С КАКОЙ ТАКОЙ СТАТИ, КАБАН ТЫ ЭТАКИЙ? ПОЧЕМУ ЭТО Я, ХРУПКАЯ ПОЖИЛАЯ ЛЕДИ, ДОЛЖНА ТАЩИТЬ НА СЕБЕ ТАКОГО ЗДОРОВОГО УВАЛЬНЯ?! В МОЕМ ВОЗРАСТЕ НАДО БЕРЕЧЬ СИЛЫ. ВЫ, СМЕРТНЫЕ, ВЕЧНО НОРОВИТЕ ЗАСТАВИТЬ КОГО-ТО ДЕЛАТЬ ЗА ВАС ВСЮ ЧЕРНУЮ РАБОТУ. НЕТ ЧТОБЫ СТОЯТЬ НА СВОИХ СОБСТВЕННЫХ НОГАХ!

— Я на них и стою, и им страшно горячо!

— ТАК ЧЕГО ТЫ СТОИШЬ? ИДИ! И ПОБЫСТРЕЕ — ТЕБЕ ЖЕ БУДЕТ ЛУЧШЕ. МОЖЕТ, ПОДНИМЕТСЯ ВЕТЕРОК И НЕ ДАСТ ТВОЕЙ КОЖЕ ОБГОРЕТЬ...

— Масса благодарностей! — крикнул я и припустил в направлении, указанном ведьмой.

— ПОТИШЕ, СЫНОК! БУДЕШЬ БЕЖАТЬ ТАК БЫСТРО — УСТАНЕШЬ! — крикнула колдунья мне вслед.

Но я не мог двигаться медленнее, иначе загорелись бы подошвы ботинок, а я сам просто растаял бы. Как ни странно, поднялся легкий ветерок и слегка остудил мою кожу. Пот уже не так обильно струился по моей спине, и пар над поверхностью кратера немного развеялся. Я понял, чьих это рук дело, услышав за спиной хихиканье Мюллеартах. Старая карга помогла мне только дойти куда надо, не позаботившись при этом избавить меня от страданий. Но надо отдать ей должное: без нее я бы не прошел этот путь.

К противоположной стене кратера я добрался, дыша, как загнанная лошадь, но не обнаружил там никакого входа в туннель.

«Не иначе как старая вешалка надула меня!» — подумал я, оглядываясь в поисках чего-либо, хотя бы отдаленно похожего на отверстие.

— ПОСМОТРИТЕ НА ЭТОГО ВЕЛИКОВОЗРАСТНОГО ПЛАКСУ! — воскликнула Мюллеартах, внезапно представшая передо мной. — БУДЬ ТЫ ПОУМНЕЕ И ПОСМЕЛЕЕ, САМ МОГ БЫ НАЙТИ ВЫХОД ОТСЮДА, НИКОГО НЕ ПРОСЯ О ПОМОЩИ!

Ну и видок у нее был с этим единственным налитым кровью глазом посреди лба! Неудивительно, что она так редко показывалась.

— Мне нравятся твои лекции, — сказал я. — Они так содержательны!

— НО ТЫ МЕНЯ НИКОГДА НЕ СЛУШАЕШЬ! — пожаловалась она. — КАК И ЛЮБОЙ ИЗ СМЕРТНЫХ! ДАЖЕ МОРРИГАН! КОГДА ВАМ ХУДО, ТАК, НЕБОСЬ, ЗОВЕТЕ МЕНЯ, А ПОТОМ...

— Мне от тебя сейчас надо только одно: скажи, как мне выбраться из этой чертовой дыры?

— АХ, ЭТО... ВХОД В ТУННЕЛЬ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ВОТ ЭТОГО БОЛЬШОГО СУЛЬФАТНОГО БАССЕЙНА. ДРУИДЫ ЛОХЛЭННА ХОДЯТ СЮДА ЭТИМ ПУТЕМ ЗА СУЛЬФАТОМ ДЛЯ СВОИХ ДУРАЦКИХ ФОКУСОВ.

Я двинулся в обход бассейна. Каждый мой шаг сопровождался советами и поучениями Мюллеартах.

— СМОТРИ ПОД НОГИ, ГЛУПЫЙ, А ТО СОЖЖЕШЬ СТУПНЮ! ПРИ ВХОДЕ В ТУННЕЛЬ БЕРЕГИСЬ ВЫСТУПА СПРАВА, А ТО ОН ВЫЩИБЕТ ДАЖЕ ТЕ ЖАЛКИЕ МОЗГИ, КОТОРЫЕ ЕСТЬ В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ. НЕ ЗАБУДЬ РАССКАЗАТЬ МОРРИГАН, КТО ТЕБЕ ПОМОГ ПОПАСТЬ В ЛОХЛЭНН! НЕ...

Нырнув в туннель, я перестал слышать ее голос. Даже если тебя приметя пилить красивая молодая девчонка, и то не очень-то вытерпишь, а уж от этой одноглазой ведьмы я и подавно не собирался такое сносить.

Длина туннеля была, наверное, около полумили, но идти было несравненно легче, чем по кратеру, и шел я быстро.

Чем дальше я уходил от кратера, тем становилось прохладнее, а когда впереди забрезжил свет, воздух стал свежим, бодрящим, напоенным ароматом цветов и трав. Я не мог надышаться им и вскоре принялся беззаботно насвистывать. Однако у выхода из туннеля, оборвав веселый свист, я издал вопль ужаса: меня там уже ждали! Неподалеку от отверстия туннеля стоял огромный чешуйчатый дракон. Спина и хвост чудовища были унизаны шипами, неуклюжее туловище увенчивали две женские головы с длинными светлыми локонами, украшенными розами. Огромные рты, сделавшие бы честь и гиппопотаму, обнажали в улыбке по три ряда белоснежных острых зубов.

Правая голова, облизнувшись, повернулась к левой и проговорила:

— Посмотри, сестра Себа, он наконец появился. Точно такой, как она говорила!

— Да, сестра Фифа, — отвечала левая. — А какой крупный и сочный на вид!

Они смотрели на меня так кровожадно, как будто я был аппетитной бараньей отбивной, только и ждущей, чтобы меня сожрали! Ну почему, подумал я в отчаянии, почему почти любое существо, которое я встречаю в этом проклятом мире, немедленно оценивает меня с точки зрения вкусовых и питательных свойств?

— Она не обманула нас, сестра Фифа, — заключила голова по имени Себа, тряхнув локонами. — Он вышел из туннеля, как она и предупреждала.

Вот теперь я понял, почему Мюллеартах столь заботливо направляла меня в туннель. Она предназначила меня на корм этому двухголовому монстру женского пола. Интересно, сколько же запросила морская ведьма за шкуру бедняги Дюффуса?

Чудовище стало приближаться ко мне, угрожающе размахивая десятифутовым хвостом, но при этом сохраняя приветливые улыбки на обоих своих лицах.

— Мы так рады видеть тебя, Дюффус Дженъери, — проворковала Фифа.

— Да, да! — согласилась Себа. — Долгие годы мы мечтали, что наконец появится кто-то вроде тебя!

— Дело в том, — сказала Фифа, — что мы — заколдованная принцесса.

— Да, да! — поддержала Себа. — Один мерзкий друид наложил на нас заклятие, и мы приняли этот облик.

— Только прекрасный принц может освободить нас от злых чар, — добавила Фифа. — Ты ведь прекрасный принц, да?

Полагаю, что я вполне мог считать себя принцем, так как среди моих предков числился по меньшей мере один король, а красивым меня признавали многие женщины. Но я не знал, под действием каких именно чар находилось чудовище, и решил уклониться от прямого ответа.

— Ты ведь нам поможешь, правда? — спросила Фифа.

— Конечно, поможешь! — с энтузиазмом воскликнула Себа. — Ты такой славный. И мы так долго ждали!

Обе вздыхали так печально, что мне стало их жаль. Как ужасно для прекрасной принцессы оказаться превращенной в двухголовое чудовище! Но почему все-таки у него две головы и два имени, если принцесса была одна?

Как и большинство существ этого мира, дракон умел читать мысли. Обе головы скромно потупились.

— Видишь ли, вот как это случилось, — начала Себа.

— Да, вот как, — поддержала Фифа.

— Был красивый молодой принц, — сказала Себа.

— И уродливый старый король, — продолжила Фифа.

— И мы полюбили принца, — сказали они хором, — но должны были выйти замуж за короля.

— И когда король обнаружил нас в постели с принцем, он рассвирепел и приказал своему друиду заколдовать нас, — сказала Фифа.

— При этом он кричал: «Раз ты такая двуличная, то пусть это станет очевидным для всех!» — закончила рассказ Себа.

— Согласись, это было жестоко и подло по отношению к молодой красивой девушке! — потребовала Фифа.

— Согласен. Но чем я могу помочь?

— Ты можешь снять с нас заклятие! — с жаром ответили обе.

«Ну что ж», — подумал я. Во всех сказках и легендах о заколдованных принцессах, которые я читал, поцелуй служил единственно надежным средством для снятия злых чар. Затем избавитель получал всевозможные, порой весьма недвусмысленные, изъявления благодарности. Меня не очень вдохновляла перспектива целовать этих толстогубых «красоток», но джентльмен всегда должен помогать даме, попавшей в затруднительное положение... особенно если его ждет заслуженная награда.

— А как снять с вас заклятие? — спросил я на всякий случай. — Что я должен делать?

— О, тебе ничего не придется делать, — уверила меня Себа-Фифа. — Мы сами сделаем все, что нужно.

— Как это сами?

— Мы тебя съедим, — с готовностью ответили они хором. — Нам надо проглотить прекрасного принца, чтобы вернуть свой прежний облик. Вот какой гадкий был король! Он ненавидел принцев!

Я попятился, а чудовище сделало ко мне шаг на своих четырех толстых неуклюжих ногах, похожих на короткие столбы.

— Я вам не подхожу, — сказал я быстро. — Во мне нет ни капли королевской крови. Мои предки все до единого были мойщиками туалетов или в лучшем случае конокрадами.

— Нет, это неправда! — крикнули головы. — Мы знаем, что ты — принц. Мы за версту чуем

королевскую кровь, а кроме того, нам об этом сказала она!

Чтоб тебя разорвало, проклятая ведьма Мюллеартах! Попадись только мне еще раз, я тебе выколю твой единственный глаз, сказал я себе, снимая с перевязи Головоруб.

— Зачем тебе этот ужасный меч? — спросили головы, уставившись на мой палаш.

— Чтобы защищаться, — ответил я. — Предупреждаю вас, леди, меч мой называется Головоруб и вполне оправдывает свое название.

— Ах ты негодник! — воскликнула Себа.

— И ты смеешь нам угрожать?! — поддержала сестру Фифа.

— Вы первые начали, — возразил я. — Но вот что я вам предлагаю. Если вы отойдете на десять шагов, отвернетесь и дадите мне пройти, я обещаю не рубить ваши головы.

— Какой ты невоспитанный! — возмутилась Себа.

— Может, ты и принц, но никакой не джентльмен! — поддержала ее Фифа.

— Вот именно, — согласилась Себа. — Джентльмен не станет угрожать прекрасной принцессе своим ножом для забоя скота!

— Наоборот, он одарит даму цветами и конфетами и тому подобным, — заверила Фифа.

— Прошу учесть, что в настоящий момент вы не являетесь прекрасной принцессой, — заметил я, размахивая перед чудовищем Головорубом. — А еще прошу принять во внимание, что это очень острый меч!

— Хорошо, раз ты такой, — кивнули головы, — мы отойдем и отвернемся, а ты крадись себе мимо, как презренный трус и невоспитанный мужлан.

— Благодарю вас, леди, — сказал я. — Теперь покажите-ка мне вместо очаровательных мордашек ваш мощный тыл.

— Вот грубиян, а, Себа? — спросила Фифа.

— Так выражаться при дамах! — вознегодовала Себа. — Знаешь, не думаю, что он пришелся бы нам по вкусу.

Чудовище неуклюже повернуло свое грузное тело хвостом ко мне.

Крепко держа в руке Головоруб, я стал перешагивать через хвост. Это было моей ошибкой. Хвост взметнулся со скоростью броска кобры, крепко обвив мое туловище. Руки мои оказались прижаты к бокам, а я завопил и стал отбиваться.

— Отпустите меня! Вы меня обманули! Вы обещали не делать этого! Мы заключили договор! — кричал я, возносясь над униженной шипами спиной чудовища, с бесполезным Головорубом в прижатой к туловищу руке.

— Ничего мы не заключали, — ответил дракон, — мы просто временно отступили под давлением грубой силы.

— Не верю, что вы когда-то могли быть прекрасной принцессой! Вы всегда были такими как сейчас — чешуйчатым длиннохвостым злобным уродом с двумя головами!

— Ах ты негодяй! — завизжали они голосами оскорбленных дебютанток.

Хвост взметнулся еще выше и резко опустился. Я ударился о землю так, что аж зубы щелкнули. То же самое повторилось еще раз.

— Вот тебе? Вот тебе! — вопили головы дуэтом. — Будешь знать, негодяй!

Дракон так и прикончил бы меня, если бы ему в головы не пришло кое-что другое. Стукнув меня о землю третий раз, он повернулся и занес надо мной одну из своих мощных передних ног.

— Будешь знать, как оскорблять прекрасную принцессу, невоспитанная свинья!

Я резко откатился в сторону и оказался буквально на волосок от тяжело опустившейся ноги.

— Лежи смирно и получи по заслугам! — Поднялась другая нога, но и Головоруб не остался на месте. Конец клинка вонзился в мощную грудь чудовища. Убить его я не убил, но ранил наверняка. Обе головы заголосили:

— Я убита! Он меня убил! Злодей! Убийца!

Я поднял меч выше, приготовившись к сражению, но напрасно: Себа рыдала, Фифа всхлипывала. Безобразная туша повернулась и бросилась бежать по направлению к небольшой рощице. На прощание я шлепнул чудовище Головорубом плашмя по мощному заду.

— На помощь? Помогите! Убийца разгуливает на свободе! — визжал дракон. — Он на нас напал!

Монстр исчез в зарослях деревьев, все еще продолжая вопить. Его неистовые вопли, наверное, были слышны и на Земле. Во всяком случае, здесь, на Анноне, они привлекли чье-то внимание.

Вынырнув из-за пригорка на дороге, ко мне галопом мчался отряд всадников. При виде меня предводитель группы обнажил меч, остальные взяли пики наперевес. Они приближались с головокружительной скоростью.

— Ну, не подведи, друг! — пробормотал я, встав в боевую позицию с Головорубом в руках.

Их было человек двадцать, они были верхом на лошадях, и пики их были намного длиннее моего Головоруба. Я понимал, что этот бой должен стать для меня последним, но все же стоило попытаться сделать хоть что-то для своего спасения. В этом мире, где все так быстро меняется, никогда не знаешь, что может произойти в следующую минуту.

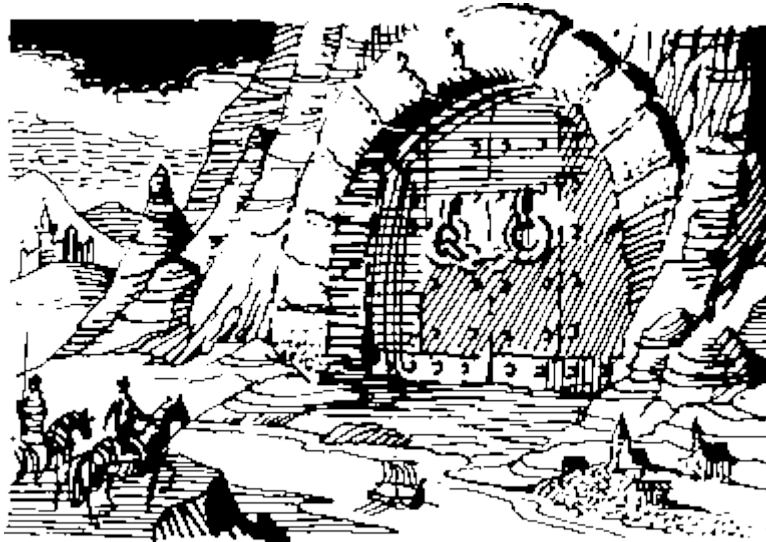
— Сдавайся! Сдавайся! — крикнул командир.

Я пытался придумать, что бы такое сказать героическое — как было сказано при Банкер Хилл или в каком-либо другом историческом сражении, но мне ничего не приходило в голову. Я просто описывал Головорубом круги над головой, он пел, и всадники слышали, как он поет свою боевую песню.

— Сдавайся, чужак! — снова крикнул командир. — Сдавайся, или ты умрешь!

— Подождем, пока они приблизятся настолько, что можно будет разглядеть белки их глаз, — сказал я Головорубу.

XIV

Положение мое казалось совершенно безнадежным. В лучшем случае я успею прикончить двоих-троих всадников, но остальные собьют меня с ног и затопчут или изрешетят копьями. Тогда, может быть, разумнее сдаться в плен? Нет! Здесь, на Анноне, воин без боя не сдается.

Поэтому я дождался, пока двадцать всадников с копьями наперевес приблизились на расстояние примерно пятидесяти футов от меня. К этому времени я успел уже оправиться от первого испуга.

— Сдавайся! Сдавайся именем королевы Морриганы — снова крикнул мне командир.

От удивления я открыл рот.

— Простите! — произнес я громко. — Что вы сказали?

Всадник осадил лошадь и внимательно посмотрел на меня.

— Я предложил тебе сдаться именем королевы Морриган, — ответил светловолосый капитан. — Я — Сивард, граф Ригор, военачальник Лохлэнна и капитан войска королевы Морриган.

— Рад познакомиться. Я — лорд Дюффус Голливудский, частный сыщик королевы Морриган.

Граф неуверенно смотрел на меня сверху вниз. Это был симпатичный молодой парень с прической, стиль которой иначе как хипповым было не назвать.

— Частный сыщик? Не уверен, существует ли в нашем королевстве такая придворная должность.

— Это потому, что речь идет о частных делах, — ответил я. — О которых известно лишь королеве Морриган и мне. Я требую, чтобы меня немедленно проводили к ней.

Граф Сивард выглядел смущенным. Я говорил с заметным акцентом, одежда моя была нездешней, но я так запросто произносил имя королевы Морриган, что он явно не знал, как со мной следует поступить.

— Немедленно дайте мне лошадь! — потребовал я решительно, вспомнив, что лучший способ защиты — нападение. — Королева Морриган ждет меня!

Последнее могло быть и правдой, если Морриган с Мюллеартах поддерживали постоянную связь, как Эннис с Бранвен. Водяная могла сообщить девушке, что я на пути в Лохлэнн... хотя, возможно, она надеется, что Себа-Фифа уже сожрала и переваривает меня.

Не знаю, что подумал обо мне граф Сивард, но он согласно кивнул и сказал:

— Ладно, мы доставим тебя в Каэр Ригор к королеве. Но учти, если ты солгал, тебе не поздоровится.

— Королевские частные сыщики не имеют привычки лгать! — сказал я величественно.

— Гм... да, вероятно... — произнес граф Сивард. Я почувствовал, что он умирает от желания спросить, чем же занимаются частные сыщики при королевах, но почему-то не решается.

Граф приказал одному из всадников спешиться. Лошадь его была предоставлена мне. Мы с ней окинули друг друга недоверчивыми взглядами, но стоило мне сесть в седло, и она покорно потащила мои двести пятьдесят фунтов, издав всего несколько жалобных вздохов.

Мы поехали по пыльной дороге мимо изгородей, за которыми на полях зеленело что-то напоминавшее пшеницу. Иногда среди полей мелькали фермерские домики, окруженные аккуратными садами. После выхода из туннеля я впервые мог как следует разглядеть страну, в которую так стремился. Лохлэнн лежал в большой сводчатой каверне, своды которой были так высоки, что под ними плавали облака. Все было залито светом, но источника его не было видно. Я предположил, что это могла быть вулканическая лава или какой-нибудь фосфоресцирующий источник, вроде того, каким пользуются Ллир и его люди. Но свет был совсем как наш, земной, и чувствовалось, что исходит он от невидимого солнца, да и растительность, зеленевшая кругом, очень напоминала земную и безусловно нуждалась в солнечном свете. Объяснить это я мог только волшебством. Оно заставляло светить солнце, с его помощью зеленела растительность. По правде говоря, мне начинало надоедать это универсальное объяснение всего происходящего, но другого, более убедительного, здесь просто не существовало.

Каэр Ригор представлял собой замок с многочисленными башнями. Он стоял на высокой крутой горе, отражаясь в водах широкой реки. У подножия горы раскинулся городок примерно такой же величины, как Педриван. По реке сновали баржи, множество мелких суденышек и несколько патрульных военных галер. За рекой темнел густой лес, а дальше можно было разглядеть стену каверны, в которой лежал Лохлэнн. В каменной стене я увидел огромные медные ворота.

Граф Сивард, поймав мой взгляд, мрачно сказал:

— Морские ворота. За ними — легионы Ллира. Без Жезла Власти мы... — Он запнулся, видимо, решив, что и так слишком много сказал чужаку.

— Мое появление здесь как раз и связано с Жезлом Власти, — объяснил я. — Мне надо немедленно переговорить с королевой.

К воротам города мы подскакали галопом, но, въехав на его улицы, перешли на рысь. Вскоре мы миновали территорию порта, где всюю шла погрузка на торговые корабли.

— Вижу, вы ведете оживленную торговлю, — сказал я Сиварду. — Куда направляются эти баржи?

— В Крок Мидхчейн, а оттуда караваны доставят наши товары на поверхность. Там их погрузят на торговые корабли и повезут в разные уголки планеты. Правда, в последнее время Дети Ллира здорово мешают этим операциям.

Каэр Ригор уступал по размерам дворцу Ллира, но зато он имел вид крепости, выдержавшей не одну осаду, и на его бастионах несли службу караульные в полном боевом облачении.

Сивард протрубил в серебряный рог, подъемный мост опустился навстречу нам, решетка крепостных ворот поднялась, и мы въехали во двор замка. Как только мы спешили, к королеве послали сообщить, что ее частный сыщик прибыл в Лохлэнн.

— Ее величество заняты подготовкой к завтрашнему празднику Бельтене, — сказал Сивард.

— Бельтене? — воскликнул я. — Тогда мне тем более необходимо немедленно увидеть ее.

— Никто не смеет беспокоить королеву, занятую подготовкой к коронации, — заметил Сивард недружелюбно.

— Смеет, если торопится предоставить информацию, жизненно важную для самой королевы и ее подданных.

Сивард нахмурился.

— Вы могли бы сообщить все лорду Сиону.

— Нет, только королеве!

В эту минуту появился слуга, которого граф посылал с докладом.

— Королева Морриган ожидает лорда Дюффуса в приемных апартаментах, — выкрикнул он, — и

просит его поторопиться.

Я ухмыльнулся и бросил на Сиварда торжествующий взгляд.

— Вот видите! Частные сыщики — весьма важные персоны.

Я последовал за слугой по сырому коридору в маленькую, ярко освещенную комнату с богато драпированными стенами. Слуга с поклоном удалился, и в ту же минуту Морган Лэйси бросилась в мои объятия.

— Дюффус!.. Дюффус, дорогой! — воскликнула она, нежно прижимаясь ко мне. — Мюллеартах пообещала, что поможет тебе сюда добраться, но я все равно ужасно беспокоилась.

На секунду ее губы прижались к моим, потом она отступила.

— Дай на тебя посмотреть. Оказывается, ты выше и крепче, чем я тебя запомнила. Ты стал в нашем мире великим воином!

А сама Морган стала еще прекраснее, чем была на Земле. На ней было длинное белое платье, соблазнительно обрисовывавшее ее великолепное тело. Золотисто-рыжие волосы спадали на плечи, на высокой груди висел медальон.

— Как к тебе нравлюсь в качестве королевы? — спросила она.

— Титул не имеет значения, — галантно ответил я, — ты была бы неотразима даже в обличий простой судомойки, а что касается вопросов престолонаследия... мне казалось, что ты во все это не хотела верить.

— Поначалу нет. Мне это казалось бредом или даже мошенничеством, но лорд Сион и леди Крэви в конце концов смогли меня убедить, что я действительно королева и что здесь меня ждут.

— Как же им это удалось? — поинтересовался я, подумав, что все может оказаться не более чем интригой Сиона. Мало ли что говорил Ллир — может, Сион, прекрасно зная, что Морриган — не настоящая королева, решил возвести ее на трон, чтобы потом использовать в своих целях.

— Они позвали на помощь Мюллеартах.

— И морская колдунья тебя уговорила?

— Да нет, она просто оживила мою память, которую друиды в свое время заблокировали, и я сразу все вспомнила, а главное — осознала, что я действительно — королева Лохлэнна.

Так вот, оказывается, в чем дело! За всем этим стоит Морская ведьма. Ей как-то удалось загипнотизировать Морган Лэйси и внушить ей, что она королева, внедрив в ее сознание какие-то фальшивые воспоминания. Неудивительно, что она отправила меня на съедение Фифе-Себе. Ведьма стремилась во что бы то ни стало помешать мне донести до Лохлэнна информацию, которую я вытянул из головы Ллира.

Морриган взяла меня за руку и усадила на диван, сев рядом.

— Я так счастлива, что ты здесь, — сказала она нежно. — Мне нравится этот мир! Согласись, по-своему он прекрасен, и населяет его жизнерадостный, трудолюбивый народ. Впервые в жизни я чувствую, что делаю что-то серьезное, пытаюсь им помочь. А теперь, когда ты здесь... — она покраснела и отвернулась, — знаешь, ведь королевы рано или поздно выходят замуж...

Я промолчал. Как, интересно, я сообщу ей, что она вовсе не королева? Она так гордится своим титулом... Морган подняла на меня встревоженный взгляд.

— Дюффус, почему ты молчишь? Ты понял, что я хотела сказать, не так ли? Я ведь знаю, как несчастлив ты был на Земле и как мечтал жить на планете, подобной Аннону.

Признаться, возможность стать важным лицом в государстве, удостоиться титула принца-консорта щеконала мое самолюбие. Тем более что королевой была бы Морган Лэйси! Единственная маленькая загвоздка состояла в том, что королевой-то как раз она и не являлась и что государство Лохлэнн можно было спасти от неминуемой гибели только ценой обнародования этого факта. Возможно, я пошел бы на сделку со своей совестью, заставив себя забыть, что законная королева — Эннис. В конце концов,

Морриган красивее ее и, кроме того, она моя клиентка. Успокоив таким образом свою совесть, я мог бы стать принцем-консортом при королеве Морриган, но какой от этого прок, если страну немедленно захватит Ллир и она будет затоплена?

— Что с тобой, Дюффус? В чем дело? — спросила Морриган, обеспокоенная моим молчанием. — Вот не ожидала, что мои слова так тебя напугают.

— Понимаешь, я... — Надо было сразу сказать ей все, но тут я представил себя с маленькой изящной короной на голове, и этот головной убор был украшен несколькими алмазами величиной со Звезду Индии. Я видел себя восседающим на золотом троне, у подножия которого распростерлась служанка, делающая мне педикюр, а несколько танцовщиц, сгибая и разгибая тонкие станы, развлекают меня своим искусством. Странно, но маникюрша выглядела точь-в-точь как Пегги О'Ши, а у всех танцовщиц была внешность Эннис.

— Дюффус, ты боишься тяготеющего надо мной заклятия? — встревожено спросила Морриган. — Того, которое преследует Морганов в кельтских мифах?

Признаться, я совершенно забыл об этом заклятии.

— Не думай о нем, — уговаривала она. — Я узнала, что его наложила на меня Мюллеартах, чтобы у меня не могло возникнуть серьезных привязанностей на Земле. Поэтому тех трех мужчин постигла столь печальная участь. Теперь же, я уверена, она рада будет снять его с меня, если я попрошу.

Я вздохнул, и мое видение о жизни на вершине лохлэннского общества исчезло. Мне было бы нетрудно договориться со своей довольно пластичной совестью об узурпации законных прав Эннис, но при всем желании я ничего не мог поделать со своим здравым смыслом. Он был неколебим.

— Морриган, я должен кое-что тебе сообщить...

— Ты влюбился в эту ведьму Эннис! — вспыхнула она. — Все дело в этом, не так ли? Я знала, что так и будет, стоит тебе остаться наедине с этой... этой поклонницей Бранвен!

— Нет-нет, дело совсем не в этом! Я... Внезапно меня перебил резкий звук труб.

— Тревога! — воскликнула Морриган. — Что же... В комнату вбежал граф Сивард. Едва переводя дух после быстрого бега, он окинул меня недоброжелательным взглядом. По-видимому, ему не понравилось, что я сидел рядышком с его королевой, обняв ее за плечи и держа за руку. Юный граф, вероятно, имел собственное мнение о том, кому быть принцем-консортом.

— Ваше величество! Враг... — выдохнул он.

— Морские ворота? Они атакуют со стороны Морских ворот? — быстро спросила Морриган.

— Нет, это всадники. Они проникли через туннель из кратера, там же, где был найден вот этот человек, — он снова враждебно взглянул на меня.

— Уверяю вас, Дюффус заслуживает полнейшего доверия, — строго сказала Морриган.

— Тем не менее вражеская конница уже на подступах к Равнине Поклонения.

Морриган нахмурилась.

— Если они овладеют Равниной, то коронация завтра не состоится.

— Я приказал всем воинам выйти на защиту Равнины, — заявил Сивард. — Мы выступаем немедленно.

— Я поеду с вами! — воскликнула Морриган.

— Ваше величество, это слишком рискованно! Поберегите себя! — запротестовал Сивард.

— У Лохлэнна должен быть правитель, способный вести воинов за собой, — твердо сказала Морриган. — А поскольку у меня пока нет консорта, то я должна отправиться в бой сама.

Произнеся эти слова, она выразительно посмотрела на меня.

Леди заблуждалась! Дело было вовсе не в личных чувствах. С каким восторгом я любил бы ее и сражался за нее! Но какой же смысл становиться консортом, зная, что страна обречена быть затопленной и

захваченной Ллиром с его бандитами-амфибиями? Тем более что есть возможность избежать этого, короновав Эннис.

Морриган приказала принести ее доспехи и немедленно облачилась в шлем и кольчугу, взяв в руки поданный ей меч.

— Ты хоть знаешь, как им пользоваться? — поинтересовался я.

— Королева обязана это знать! — ответила она уверенно. В жестах ее, когда она вкладывала меч в ножны и вынимала его оттуда, уверенности, однако, было гораздо меньше, чем в словах.

— В любом случае, он выглядит намного удобнее, чем этот твой огромный палаш.

Пока мы с ней беседовали, Головоруб лежал в стороне, но теперь я поднял его. Раз Морриган идет в бой, я должен ее сопровождать. Ведь она была моей клиенткой, нанявшей меня, чтобы я ее защищал.

— Вы с нами, лорд Дюффус? — спросил Сивард.

— Да.

— Тогда я советовал бы вам взять копье и щит.

— Я уж положусь на старину Головоруба. Мы с ним понимаем друг друга.

— Да простится мне мое недоверие, но чтобы орудовать таким мечом, надо иметь силу как минимум троих воинов.

— Не беспокойтесь об этом. Скоро вы своими глазами увидите, на что мы способны.

Через несколько минут мы выехали из ворот Каэр Ригора с сотней вооруженных кавалеристов. Несколько сотен пехотинцев с копьями, в шлемах с гребнями и тяжелых латах маршировали следом. Опередив пехоту примерно на милю, мы стали ждать ее подхода в низине у дороги, милях в пяти от высокого плоского холма, который Морриган называла Равниной Поклонения.

Сиварду не терпелось поскорее ввязаться в бой. Он старался убедить Морриган немедленно послать конницу в атаку. Мы видели впереди костры. Дым от них застилал небо.

— Ваше величество! Это всего лишь диверсионная группа! И они дерзнули жечь дома ваших подданных! Позвольте мне и моим людям немедленно атаковать их!

Морриган повернулась ко мне, и я взял слово. Ярдах в двухстах впереди от нас в густых зарослях я заметил какое-то подозрительное шевеление. Заросли эти по обеим сторонам дороги выглядели вполне подходящим местом для засады.

— Ваше величество! — воскликнул я. — Одно из главных правил ведения сражений — не разъединять свои войска. Я предлагаю дожидаться подхода пехоты.

Сивард, бросив на меня недовольный взгляд, взорвался.

— Я не знал, что частный сыщик — воинское звание! Ваше величество, не я ли Дукс беллум?!

— Операцией командуете вы.

Тогда Сивард, указывая вперед мечом, воскликнул:

— Вперед, воины Лохлэнна! Чужеземцы в наших полях!

Прямо как на подмостках, подумал я. Хорошо бы перед битвой и мне в голову пришло что-либо подобное.

Конница Лохлэнна понеслась галопом, и мы с Морриган не отставали от них. Выбравшись из низинной части дороги, мы стремительно приблизились к тому ее участку, по обеим сторонам которого зеленели густые заросли.

Сивард обернулся, чтобы прокричать своим людям, возможно, нечто еще более героическое, но тут из зарослей на нас обрушился град стрел. Шесть или семь всадников упали с коней. Сиварду стрела попала прямо в открытый рот и, сраженный ею, он рухнул под копыта лошадей. Две стрелы звякнули о мою кольчугу. Морриган вскрикнула от испуга, когда из зарослей с пронзительными воплями выскочили две

или три сотни коренастых Детей Ллира в остроконечных шлемах.

Схватив за поводья лошадь Морриган, я притянул ее поближе к себе. Двое амфибий сразу же попытались взобраться к ней на седло. Я сбил обоих точным ударом Головоруба. Мы оказались полностью окружены, и нужно было сражаться за свою жизнь.

Около половины наших всадников были убиты, остальные деморализованы. Они бесцельно кружились на некотором расстоянии от поля сражения.

— Ко мне, воины Лохлэнна! Все на защиту королевы! — крикнул я им.

Всадники приблизились к нам и были встречены новым градом стрел. Но атака была менее эффективна, чем предыдущая, потому что часть амфибий оказалась втянута в рукопашный бой с теми из наших воинов, которые потеряли своих коней и вынуждены были спешиться.

— Дюффус! Дюффус! — раздался отчаянный крик Морриган. Двое морских разбойников пытались стащить ее с седла.

Взмахнув Головорубом, я уложил обоих. Но остальные продолжали наступать. Трезубец ударил меня в грудь, и я чуть не вылетел из седла, удержавшись только благодаря тому, что как раз в этот момент моя лошадь высоко подкинула зад и ударила копытами одного из неприятелей, задевшего ее мечом.

И тут начался настоящий кошмар. Я увидел, как Морриган пытается отбиться своим коротким мечом от троих нападавших и как наши солдаты стараются к ней прорваться. Сам я скрестил меч с пятью амфибиями, убив и ранив троих из них.

Противник имел огромный численный перевес. Большинство наших солдат, потерявших лошадей, были уже убиты или ранены. Лишь горстка продолжала сражаться у тела Сиварда и часть — собралась вокруг знаменосца со знаменем Лохлэнна в руках. Но навряд ли они смогли бы продержаться долго.

Около двадцати наших всадников понеслись во весь опор к Каэр Ригору, остальные безрезультатно пытались пробиться к нам.

Бешено размахивая Головорубом, я вывел Морриган из окружения и добрался с ней до немногих наших людей, стоявших спина к спине возле знамени. Здесь мы спешили и примкнули к ним. Я без устали орудовал Головорубом. Бросавшихся на меня с копьем или трезубцем Детей Ллира мой добрый меч рассекал вместе с доспехами, дорога была усеяна их трупами.

Дорожная пыль покраснела от крови наших людей, кровь убитых врагов оставляла на ней синие лужи. Я был легко ранен в руку, меня пошатывало от усталости и потери крови. Еще двое наших людей упали, сраженные копьями, но они прихватили с собой на тот свет нескольких солдат неприятеля, а я зарубил их командира — великана пяти футов ростом.

Однако его смерть не внесла смятения в души низкорослых амфибий. Они знали, что нам некуда от них деться, и философски воспринимали потери в своих рядах. Они окружили нас. Еще двое из наших солдат упали, пронзенные копьями, двое последних оказались погребены под грудой Детей Ллира. Из рук Морриган выбили меч, и, прежде чем я успел извлечь клинок Головоруба из тела очередного вражеского солдата, заколотого мною, как кто-то удачным броском топора нанес страшный удар по моей голове, и я рухнул на колени. Дважды еще мне удалось отбить тянувшиеся ко мне кровожадные руки людей Ллира, но силы быстро покидали меня...

— Лохлэнн! Лохлэнн! Королева Морриган! — донеслись до нас крики наших пехотинцев, во весь опор мчавшихся по дороге. Они лавиной обрушились на измотанного противника. Ощетинившись длинными пиками, отряд пехоты пробил солидную брешь в цепочке амфибий. Тех Детей Ллира, которые не успели в паническом бегстве удрать через туннель, наши солдаты прикончили алебардами и мечами.

Ободрившись, наша кавалерия пустилась вслед за удиравшим противником. Мы с Морриган тем временем собрали в одно место всех раненых. Надо было торопиться на Равнину Поклонения.

— Завтра Бельтене, — сказала Морриган. — Мне необходимо встретиться с друидами, хранящими Жезл Власти.

XV

— Я немедленно потребую Жезл Власти, — заявила Морриган. Мы ехали к Равнине Поклонения с нашим значительно поредевшим эскортом. — В полночь наступит Бельтене. Ллир уже начал военные действия, и ждать дольше просто опасно.

Я молча кивнул: Если законная королева — Эннис, то обладание Жезлом Власти не принесет Морриган никакой пользы. С другой стороны, возможно, Эннис уже нет в живых, и тогда, действительно, к чему ждать? Я решил немедленно по приезду на Равнину рассказать друидам все, что мне известно. Они как-никак волшебники, и именно по их настоянию Морриган и Эннис в свое время отправили в ссылку. Может быть, мудрые старцы и теперь найдут способ спасти свою страну.

Я по-прежнему не мог понять, откуда в этой подводной стране исходит свет, но теперь он стал постепенно тускнеть, и на землю опустились сумерки. Мы выехали на широкую дорогу, ведущую вверх к Равнине Поклонения. Вскоре нашим взорам открылся большой круг, сложенный из камней. Он напомнил мне Стоунхендж в Англии. Впереди высился величественный замок с мраморными террасами. Там, мигая, зажигались огни.

От замка к каменному кругу двигалась процессия облаченных в длинные балахоны фигур. В руках они несли зажженные фонари.

— Похоже, нас ждут, — сказала Морриган. — Верховный друид и лорд Сион уже давно здесь, а теперь начали собираться облаченные.

Я бросил взгляд на гигантские Морские ворота, видневшиеся за замком. В сумеречном свете они грозно отливали медью.

— Для чего вам понадобились эти ворота? — спросил я девушку. — Стоит им открыться, и страна будет затоплена водой. Зачем их вообще здесь поставили?

— Когда их построили, уровень моря был гораздо ниже. Только после того, как он неожиданно поднялся на несколько сот футов, ворота стали представлять такую угрозу. А прежде они служили входом для кораблей. Тогда нашим купцам не приходилось поднимать свои товары на поверхность с помощью мулов и пользоваться для торговли чужими грузовыми кораблями. В те дни Лохлэнн был могущественным королевством.

— А из-за чего так поднялся уровень моря? Морриган пожала плечами.

— Чьи-то злые чары.

Я подумал о тающих ледниках и увеличении количества осадков, но есть ли вообще в этом странном мире ледники и какова здесь норма осадков? Пожалуй, придется удовольствоваться привычным объяснением — море поднялось в результате колдовства. И Ллир, разумеется, был вполне способен на

такое.

Мы медленно проехали между двух рядов бородатых друидов, одетых в длинные белые балахоны и распевавших приветственный гимн на языке, не похожем ни на гэльский, ни на английский. Верховный друид ждал нас на возвышении в центре мегалита. Это был величественный старец с умными, пронзительными глазами и сурово сжатыми губами, которые частично скрывала ого белоснежная борода. Он поднял руку.

— Приветствую тебя, госпожа! Добро пожаловать в Круг Мудрости!

В этом приветствии, подумалось мне, чего-то не доставало. При всей его почтительности оно было не похоже на обращение первосвященника к своей королеве. Я заподозрил, что старикашка осведомлен о том, которая из претенденток была настоящей королевой, гораздо лучше, чем я мог предполагать.

Морриган, спешившись, подошла к возвышению. Я следовал за ней, как телохранитель — на почтительном расстоянии.

— Я прибыла, чтобы получить Жезл Власти, — сказала Морриган.

Верховный друид нахмурился.

— Но ведь Бельтене еще не наступил. Жезл должен быть вручен королеве Лохлэнна в начале Бельтене.

— Он начнется в полночь, — настаивала Морриган. — К этому времени Жезл должен быть у меня, иначе будет поздно. Ллир уже двинул свою конницу на Лохлэнн. Скоро он сам явится сюда во главе своих легионов.

— Нам известно об этом. И сейчас, пока мы говорим, Ллир движется к Лохлэнну, — заявил Верховный друид.

— Значит, самое позднее через минуту после наступления полуночи мне должен быть вручен Жезл Власти, — упорствовала Морриган.

— Да, Жезл, несомненно, будет вручен. Но, признать, в этом вопросе мы встретились с одним затруднением...

— С каким еще затруднением?! — грозно нахмурившись, спросила Морриган. Я отметил про себя, что она быстро вошла в роль королевы, которая, надо признать, была ей весьма к лицу.

— Затруднение — это я! — произнес знакомый голос, и Эннис, живая и невредимая, вышла из-за камня, за которым она скрывалась, и направилась к возвышению. — Я пришла заявить свои права на Жезл Власти и трон Лохлэнна!

Девушки уставились друг на друга с нескрываемой злостью. Верховный друид озабоченно переводил взгляд с одного лица на другое, будто надеясь угадать правду по их взглядам и выражению лиц.

— Вы обе явились требовать Жезл Власти, — сказал он наконец. — Мы обращались к оракулу и использовали все свои волшебные приемы, но ответа не получили.

— Я — законная королева Лохлэнна, — заявила Эннис.

— Это — ложь! — воскликнула Морриган. — Потому что королева — я!

Слова обеих звучали убежденно и искренне. Я не сомневался в том, что Бранвен поддерживает притязания Эннис, а Мюллеартах вовсю старается для Морриган. Просто в случае с Эннис оказалось, что для этого есть основания.

Я задумался о соперничестве между двумя богинями. Что выиграет та из них, чья протеже станет королевой? Превратится в верховное божество Лохлэнна? Или причина еще серьезнее и глубже?

Но, как бы то ни было, раз Эннис здесь, мне следует открыть правду, даже если Морриган возненавидит меня за это и Мюллеартах примется вредить мне на каждом шагу.

Верховный друид по-прежнему внимательно смотрел то на одну, то на другую девушку, как бы читая их мысли. Но это ничего бы не решило, поскольку каждая из них искренне считала себя королевой.

— Я требую незамедлительно вручить мне Жезл Власти, — сказала наконец Морриган. — Мой капитан лорд Дюффус и я вынуждены были вступить в сражение с людьми Ллира, чтобы добраться сюда. Мне необходимо получить средство для спасения Лохлэнна до того, как морской бог начнет настоящую войну против нас.

Впервые за это время Эннис взглянула на меня. Видимо, ей было безразлично, с кем я вожу компанию.

— Жезл Власти в твоей руке не будет иметь никакой силы, — обратилась она к Морриган. — Он служит только настоящей королеве. Самозванка не сможет воспользоваться его волшебной силой.

— Леди... — попробовал было я вмешаться, но девушки не слышали меня. Они насакивали друг на друга, как две дикие кошки. Я ждал, что они того и гляди вцепятся друг другу в волосы, но происшедшее оказалось намного ужаснее.

— Даю тебе ровно десять секунд на то, чтобы убраться отсюда и предоставить мне спокойно решить проблемы Лохлэнна, — сказала Морриган. — Иначе пеняй на себя: я позову на помощь Мюллеартах, и она превратит твои волосы в паклю!

— А я тебе даю ровно половину этого срока, ты, лгунья, крадущая чужих мужчин и чужие троны, а потом я позову Бранвен, и она превратит тебя в жабу!

— Ах, в жабу! — усмехнулась Морриган, занося руку над головой. В ее ладони засветился красный огненный шарик.

Друиды, стоявшие возле Эннис, в ужасе пригнулись. Я крикнул ей, чтобы она поостереглась, но было уже поздно. Морриган швырнула огненный шар прямо в Эннис.

Однако в нее он не попал. Яркая вспышка света у ног Эннис превратилась в высокую женщину с обнаженной грудью и золотыми волосами. Снаряд Морриган разбился о ее поднятую руку.

— Бранвен! Бранвен! — раздались голоса вокруг, и друиды бросились врассыпную. А я, вместо того чтобы проявить благоразумие и последовать их примеру, встал между двумя девушками.

— Эннис!.. Морриган!.. Это ни к чему не приведет! — крикнул я им, но в этот момент возле Морриган появилась Мюллеартах, а Бранвен метнула в них шипящую молнию, угодившую мне прямо между лопаток в тот самый момент, когда я поднял руки в миротворческом жесте. Меня подняло в воздух и перевернуло вверх ногами. После чего я жестко приземлился на один из гигантских камней и сразу же отключился.

Очнувшись, я обнаружил, что две пары нежных женских рук ощупывают мое тело в поисках повреждений.

— Дюффус, ты жив? — спросила Морриган.

— Дженъери, скажи что-нибудь! — плакала Эннис.

Я был уверен, что умираю, но разве это имело значение в такую минуту? Два прекрасных лица склонились надо мной, и моя ушибленная голова покоилась между двух пар самых роскошных грудей в этой части Вселенной.

— Он еще дышит? — озабоченно спросила Морриган у своей сестры.

— По-моему, с ним все в порядке, позвоночник не сломан, — отозвалась Эннис.

— Все из-за тебя и твоей бесстыжей богини! — крикнула Морриган.

— Вы первые начали — ты и твоя одноглазая ведьма! — ответила Эннис со злостью.

Я передумал умирать и громко застонал.

— Дорогой... о мой бедненький! — проворковала Морриган, целуя меня.

— Дай ты ему хоть вздохнуть, людоедка бессовестная! — воскликнула Эннис. — Ты же его чуть не задушила!

— Уж кому я дам вздохнуть, так это тебе, черная узурпаторша с черной душой! — кричала Морриган. — Я зашвырну тебя так далеко в космос, что ты сможешь видеть солнце только в телескоп! Ты и

твоя полуголая богиня убили человека, которого я люблю, и...

— Это твоя вина, что человек, которого я люблю, чуть не умер, — зло перебила ее Эннис. — Тебя следовало бы превратить в пресмыкающееся, покрытое слизью, с кабаньей головой!

Я снова застонал. Мне начинало нравиться быть предметом перебранки между двумя самыми красивыми девушками, каких я когда-либо знал.

— Дюффус, дорогой!

— Дюффус, любимый!

— ПРЕКРАТИТЕ ВЫ ЭТО НАКОНЕЦ? — раздался вдруг хриплый голос Мюллеартах. — С ВАШИМ ЗДОРОВЫМ БАЛБЕСОМ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ! ВЕДЬ ОН СВАЛИЛСЯ НА ГОЛОВУ, А ПУСТЫЕ ГОЛОВЫ КРЕПКИЕ!

Я застонал еще громче, и девушки подбадривающе похлопали меня по плечам.

— Ваши величества... ваши величества, — забеспокоился Верховный друид. — Дело, которым мы заняты, не терпит отлагательства. Пожалуйста, послушайте меня!

Я поднялся на ноги, заботливо поддерживаемый с двух сторон принцессами. Начав было хромать на левую ногу, я через несколько шагов по рассеянности стал прихрамывать на правую и, поняв, что запутался, пошел ровно.

— Вы обе потребовали трон Лохлэнна и Жезл Власти, — обратился верховный друид к представшим перед ним девушкам. — Ваши мысли свидетельствуют, что обе вы искренне верите в законность своих прав. Мы не видим другой возможности узнать правду, кроме как положиться на волю богов. Я предлагаю решить спор поединком, в коем интересы каждой из вас будут представлять избранные вами воины.

— Я выбираю Дюффуса, — быстро сказала Эннис.

— Лорд Дюффус будет представлять меня, — почти одновременно с ней произнесла Морриган.

Я вздрогнул. Вот так положение! Я живо представил себя бегущим по арене, как сумасшедший, и пытающимся отсечь собственную голову, в то время как две мои красавицы изо всех сил подбадривают меня.

Верховный друид покачал головой.

— Одна из вас должна выбрать кого-нибудь другого. Неужели в этой стране нет достойных воинов?

— Я видела Дюффуса с его огромным мечом на поле боя, — сказала Эннис. — С ним никто не сможет потягаться.

— Никакому другому воину я не доверю судьбу Лохлэнна, — решительно заявила Морриган.

— Леди, мне очень лестно слышать это от вас, но поймите, ведь я не могу состязаться с самим собой!

— Ты мог бы, если бы у тебя был двойник. Бранвен может дать тебе двойника, — заверила меня Эннис.

Я сглотнул. Милейшая Эннис придумала превосходный план, по которому я должен был бы изрубить себя самого на мелкие кусочки ради выяснения вопроса, который мне и так совершенно ясен.

— Но кого из нас будет представлять настоящий Дюффус и кого — его двойник? — спросила Морриган.

— Кинем жребий, — ответила Эннис.

Этому надо было положить конец. Я не хотел раздваиваться на враждующие половины. А кроме того, кому из нас достанется Головоруб? Или и это тоже должен решить жребий? О чем же я думаю? Почему бы прямо сейчас не выйти и не сказать им, что я точно знаю, кто из них — законная королева? Ведь я прочитал мысли Ллира и узнал, что это — Эннис. Открыв было рот, я не успел ничего сказать: меня опередила Мюллеартах.

— НИКТО НИКОГДА НЕ СЛУШАЕТ МОИХ ДОБРЫХ СОВЕТОВ, НО СЕЙЧАС ПРОШУ СЕРЬЕЗНО ОТНЕСТИСЬ

К МОЕМУ ПРЕДЛОЖЕНИЮ.

Мюллеартах, красавица ты моя чешуйчатая, рыбка одноглазая, как я тебя люблю, подумал я.

— Что у тебя за предложение? — с надеждой спросила Морриган.

— ПОСКОЛЬКУ ОБЕ ПРЕТЕНДЕНТКИ НА ПРЕСТОЛ ОКАЗАЛИ ТАКОЕ ДОВЕРИЕ ДЮФФУСУ ДЖЕНЬЕРИ... КАКИМ БЫ НЕУМЕСТНЫМ ОНО НИ КАЗАЛОСЬ МНЕ... Я ПРЕДЛАГАЮ, ЧТОБЫ ЕМУ БЫЛО ДОВЕРЕНО ВЫБРАТЬ КОРОЛЕВУ! — пророкотала Морская богиня.

Какое блестящее решение! Ну и умница же эта ведьма! Под ее суровой внешностью должна скрываться нежная душа, подумал я. Да тут и любой бы огрубел, доведись ему мотаться туда-сюда по планете в течение пары тысяч лет.

— Я согласна, — сказала Эннис, переведя на меня взгляд своих темных глаз. — Я верю, что Дюффус не ошибется.

— Я тоже доверю свою судьбу и судьбу своей страны Дюффусу Дженьери, — сказала Морриган, нежно улыбнувшись МНЕ.

— НО КОНЕЧНО, — добавила ведьма, — СПЕРВА ОН ДОЛЖЕН ПОДВЕРГНУТЬСЯ ГАБХА-БХЕЙЛУ!

— Габха-бхейл! — повторил Верховный друид с такой радостью, как будто внезапно увидел свет в конце туннеля. — Ну конечно! Это идеальное решение! Таким образом боги выскажут свою волю!

Мне все это начинало не нравиться. Я не знал, что такое габха-бхейл, но Мюллеартах сказала, что я должен ему «подвергнуться». Это само по себе настораживало, к тому же в голосе ведьмы, когда она предлагала свой план, явственно звучало злорадование.

— Прошу прощения, — сказал я, — но поскольку дело касается меня, не соблаговолит ли кто-нибудь объяснить, что такое габха-бхейл?

— Это ряд испытаний, чтобы проверить чистоту твоих помыслов и открыть твою душу воле богов.

— Я и без того знаю, кто должен быть королевой, — возразил я, — а моя душа и сейчас в прекрасном состоянии. И почему бы мне без проволочек не увенчать короной голову избранницы, а потом мы все как следует выпьем и постараемся выспаться, прежде чем Ллир со своими бандитами нападут на нас?

— НЕ ОСЛЫШАЛАСЬ ЛИ Я? — грозно спросила Мюллеартах. — НЕУЖЕЛИ НАШ ХРАБРЫЙ ГЕРОЙ ИСПУГАЛСЯ ТАКОЙ МЕЛОЧИ, КАК ЛЕГКИЕ ИСПЫТАНИЯ?

— Да нет, я не... — я запнулся. Обе девушки смотрели на меня доверчиво и с надеждой.

— Не бойся, лорд Дюффус! — прозвучали в моем сознании слова Бранвен. — Я помогу тебе. Я помню, как ты молился мне в часовне, и оберегу тебя от увечий.

Моя спина все еще продолжала болеть от удара молнии, которой она меня угостила, но это ведь вышло случайно, а на ее помощь, наверное, вполне можно положиться.

— Перестань потеть от страха, Дженьери, — зашептала Мюллеартах мне в ухо. — Уж я позабочусь, чтобы ты не обжег зад, когда будешь перепрыгивать Костер Правды, и чтобы священные пираньи не отъели тебе мизинцы в Бассейне Чистоты.

— Священные пираньи?! — ужаснулся я мысленно.

— Да. Друиды привезли их с Земли, из Южной Америки специально для подобных случаев.

Обещанию Мюллеартах я не поверил. Она затеяла все это, чтобы погубить меня! Не зря же она натравила на меня Себу-Фифу.

— Кто говорит, что это я? — возмущенно пророкотал голос Мюллеартах. — Не знаю я никакой Себы-Фифы!

— Но кто же кроме тебя мог это сделать? — недоумевал я.

— Почему бы тебе не поинтересоваться об этом у твоей благодостолонной приятельницы? — прохрипела Мюллеартах. — У Бранвен было больше причин не дать тебе встретиться с Морриган, чем у

меня!

Пожалуй, это было похоже на правду, особенно, если она знает, что мне известно, кто настоящая королева. Но я просто не мог себе представить, чтобы Бранвен была способна на такое, особенно после того, чем мы стали друг для друга...

— Ладно, согласен! — сказал я отважно. — Я подвергнусь габха-бхейлу. — А чем я, собственно, рисковал? Заинтересованные богини с обеих сторон обещали мне помощь. Разве может что-либо плохое грозить человеку, чью безопасность взялись обеспечить две богини?

Однако я чертовски быстро убедился, что может!

Сначала я оказался перед водоемом с кипящей и пузырящейся лавой. Чтобы доказать, что моя душа чище свежеевыпавшего снега, мне надо было через него перепрыгнуть. Небольшая загвоздка заключалась, однако, в том, что пруд был длиной в добрых пятьдесят футов. Сомневаюсь, что на этой планете или на Земле нашелся бы хоть один человек, способный перепрыгнуть его без помощи сверхъестественных сил.

При одном взгляде на белую кипящую массу меня охватила дрожь. Но тут взор мой обратился к Эннис и Морриган, смотревших на меня с таким безусловным доверием, что плечи мои сами собой распрямились. Не без труда изобразив на лице улыбку, я выпятил грудь, отошел на несколько шагов, разбежался и оттолкнулся от земли...

И тут же почувствовал, что магическая сила поднимает и поддерживает меня. Я великолепно проплыл по воздуху почти до середины водоема, но тут Бранвен и Мюлеартах затеяли спор.

— Я взялась ему помогать, — произнес голос Бранвен. — Чего ты-то суешься в это со своей ведьминской мордой?

— Чепуха! — прохрипела Мюлеартах. — У тебя один только секс на уме, и ты не в состоянии сосредоточиться на таком важном деле. Так что уж предоставь его мне.

Вместо того чтобы спокойно плыть по воздуху дальше, я повис над бассейном с кипящей лавой, и пока они спорили, нижняя часть моего тела медленно поджаривалась.

— Я буду ему помогать! — рычала Мюлеартах, таща меня в сторону. — Я!

— Нет уж! — зашипела Бранвен, толкая меня в противоположном направлении. — Я взялась за это дело и доведу его до конца!

— Это ты так думаешь, ты, бесстыжая полуголая потаскуха! — Мюлеартах толкнула меня снова, и я почувствовал, что переворачиваюсь в воздухе вверх ногами, а жар от раскаленной лавы опалил мне лицо.

— А уж ты бы помолчала, несчастная одноглазая морская черепаха!

Теперь я вращался, как на вертеле, равномерно подрумяниваясь с обеих сторон.

— Леди, пожалуйста, перестаньте! — взмолился я. — Уж свалиться-то в лаву я смог бы и без вашей помощи!

Обе они, мыча что-то нечленораздельное, подхватили меня за руки и благополучно опустили на землю на другом берегу бассейна. Я остался цел и, в общем, почти невредим, но доверие мое к обещаниям богинь серьезно пошатнулось.

Подобным же образом прошло и испытание в священном пруду. Ширина его составляла всего футов десять, но он буквально кишел пираньями, то и дело выскакивавшими над поверхностью воды в поисках ужина. При желании я вполне мог бы перепрыгнуть через пруд, но это противоречило условиям. Его следовало перейти вброд. Но если я попытаюсь это сделать, кровожадные твари обглодают мои ноги до колен, не успею я дойти и до середины!

— Не трусь! — прохрипела Мюлеартах. — Твои ноги я намазала снадобьем, которое отпугивает пираний.

— Не бойся! — зашептала Бранвен. — Твое тело я умастила благовониями, они примут тебя за плывущий по воде цветок!

Выпятив грудь и придав себе как можно более героический вид, я ступил в воду, доходившую мне до пояса, и отважно двинулся вперед.

Не успел я еще сделать и второго шага, как две рыбы впились острейшими зубами в мое тело. Я взвыл и ринулся вперед, не помня себя от боли. Что-то схватило и приподняло меня, и я на некоторое время повис в воздухе, пока Бранвен и Мюллеартах переругивались между собой.

— Твое идиотское благовоние нейтрализовало запах моего снадобья, — шипела Мюллеартах. — Почему ты решила, что от Дюффуса должно разить духами, как от публичной девки?!

— Это твое вонючее снадобье привлекло рыб! — взвизгнула Бранвен. — Не иначе как это твой косметический крем! С такой-то рожей!

— Заткнись, бесстыжая шлюха! Распутная мразь! Я вот сейчас...

— Что-о-о?! Ах ты, лягушачья икра, тухлая скумбрия! Я тебя...

— Леди! — прервал я их. — Я же ранен! — Из двух глубоких ран на моем бедре в пруд капала кровь.

— Ой-ой-ой! Бедненький ты мой! — запричитала Бранвен. — Сейчас я этим займусь! Тебе сразу полегчает.

— Не хнычь! — приказала Мюллеартах. — Сейчас я кое-чем помажу твои царапины, и все как рукой снимет.

К моим открытым ранам сначала приложили что-то горячее, как раскаленная кочерга, а затем сразу же что-то холодное, как арктический лед. По-моему, я успел вскрикнуть всего один раз, прежде чем потерял сознание.

XVI

Говорили, что я приземлился на другом берегу бассейна с торжествующей улыбкой на устах и рукой, поднятой в победном жесте. Сам я всего этого не помнил, поскольку был без сознания, поддерживаемый с двух сторон двумя богинями.

По правде сказать, я окончательно пришел в себя только когда меня доставили обратно на постамент, к друидам, лорду Сиону, Эннис и Морриган — все они собрались там в ожидании моего решения.

Я посмотрел сначала на Эннис, потом на Морриган. Улыбки на лицах обеих не оставляли сомнения в том, какой награды я вправе ожидать от той, кого изберу королевой Лохлэнна.

На лице Морриган мой взгляд задержался дольше. Я вспомнил о том вечере, когда впервые встретил ее и — с сожалением — о том, что не успел узнать, так ли она прекрасна в объятиях, как я ожидал. Я смотрел на Эннис. Уж она-то, когда сообразовалась, может быть замечательной партнершей в постели! Кроме того, я ведь точно знал, что она — законная королева, и стать при ней принцем-консортом было бы наверняка почти столь же приятно, как и занять эту должность при Морриган.

— Боги открыли мне свою волю, — произнес я торжественно. — Я объявляю Эннис королевой Лохлэнна!

На минуту воцарилась мертвая тишина. Морриган бросила на меня укоризненный взгляд.

И тут Мюллеартах дала волю своей бешеной ярости. Недаром она была повелительницей бурь, эта ее вспышка была подобна урагану.

— ЧТО?! АХ ТЫ БЕССТЫЖИЙ ПРЕДАТЕЛЬ, НИЧТОЖНЫЙ ЧЕРВЯК! ТЫ, ЗНАЧИТ, ПРОДАЛСЯ ЛЛИРУ! СЕЙЧАС Я ВОЗЬМУ ТЕБЯ ЗА НОГИ И ПРОПОЛОЩУ ГОЛОВОЙ ВНИЗ В СВЯЩЕННОМ ПРУДУ!

— Мюллеартах, прошу тебя, не надо! — взмолилась Морриган. — Я посвящена тебе и прошу, не тронь его!

— Старая карга не умеет проигрывать с достоинством, — заключила Эннис, выходя вперед, чтобы взять Жезл Власти из рук Верховного друида. — Послушай, Морриган, если ты пообещаешь мне вернуться на Землю и никогда больше не видеться с Дюффусом, я...

Но ее прервал страшный грохот. Медные Морские ворота содрогнулись, и створки их слегка приоткрылись. Сквозь образовавшееся отверстие хлынула вода, и Ллир со своими воинами налегли на ворота снаружи, пытаясь их открыть.

Трубы заиграли сбор, в замке друидов жалобно звякнули цимбалы. Солдаты, которые пришли с нами от Каэр Ригора, заняли позицию на гребне холмов, обрамлявших Равнину Поклонения, к ним присоединились отряды деревенского ополчения.

— Море наступает, — сказал я Эннис. — Даже если мы разобьем отряды Ллира, страна будет затоплена. Того и гляди, под напором воды Морские ворота распахнутся настезь, и мы не сможем их закрыть.

— Их закроет Жезл Власти, — уверенно ответила Эннис.

— Но Жезл бессилен до Бельтене, который наступит в полночь, а до полуночи еще несколько часов, — напомнил я ей.

— Да, мы во что бы то ни стало должны продержаться до полуночи. Твой меч будет нам нужен как никогда!

Вода, проникшая сквозь щель в Морских воротах, уже залила пространство по другую сторону реки. Сама река превратилась в огромное озеро. Конные вестовые доложили, что территория вокруг Каэр Ригора затоплена и что банды Ллира окружают город.

— Каэр Ригор защитит себя сам, — сказала Эннис, — а мы должны удержать Равнину Поклонения, иначе все пропало.

Следующие несколько часов были сплошным кошмаром. Отдельные рассеянные отряды воинов Лохлэнна примыкали к нам. На равнину сбегались сотни жителей, спасавшихся от наступавшей воды. Горизонт заволочено дымом от горевших повсюду костров. Вода покрыла уже часть дороги, ведущей к Равнине, а в это время конный патруль, из-под копыт которого летели брызги, прискакал с сообщением, что сам Ллир во главе тысячного войска идет маршем на Равнину Поклонения.

Блеснувшая молния озарила группу друидов, похожих на стаю мрачных старых сов. Они внимали предсказаниям, покачивая головами.

— В чем дело? — обратился я к Эннис. — Похоже, им не нравится то, что они слышат?

— Они в отчаянии, — ответила Эннис. — Все предзнаменования плохие.

— Не может этого быть! Ведь Жезл Власти у нас! — сказал я, глядя на длинный посох, который она держала двумя руками. Он был искусно украшен руническими письменами с одной стороны и каббалистическими знаками — с другой, но, судя по всему, не являлся особо эффективным оружием.

— Жезл — это только средство для концентрации силы, — объяснила Эннис. — Находясь в руках настоящей королевы, он притягивает космические силы и преобразует их.

— Значит, он должен действовать, ведь ты — настоящая королева, — сказал я, немедленно, однако, усомнившись в справедливости собственных слов. Просто я кое-что вспомнил. Прежде всего — необъяснимое появление Головоруба буквально за порогом моей тюремной камеры, да и вообще подозрительную легкость побега из плена. А потом я запоздало удивился тому, как нетрудно оказалось для меня проникнуть в мысли Ллира и выудить оттуда нужные сведения. Ведь мне никогда не удавалось читать чужие мысли, даже здесь, в этом волшебном мире. Напротив, другие — с легкостью читали мои. Предположим, хотя бы только как возможный вариант... что Ллир намеренно предоставил мне заведомо ложную информацию. Тогда Эннис — не королева... Тогда законная королева — Морриган...

— Бранвен поможет нам, правда? — с надеждой спросил я Эннис.

— Нет, что ты! Бранвен удалилась. Она не выносит войн и насилия.

Я почувствовал внезапный холод в желудке. Он усилился, когда прискакали часовые с сообщением, что Ллир со своими головорезами уже на подступах к Равнине и движется вперед, несмотря на попытки лохлэннских лучников помешать его наступлению.

— Похоже, скоро начнется бой, — сказал я Эннис и Морриган, стоявшим рядом со мной. — Сколько осталось до полуночи?

Морриган, видимо, ориентировавшаяся по своим внутренним часам, ответила:

— Полчаса.

— Мюллеартах поможет нам, как ты думаешь? Она покачала головой.

— Нет, она унеслась сама не своя от злости, когда ты объявил Эннис королевой. Сейчас она в море, и горе тем морякам, которые окажутся на ее пути!

— Хорошенькое дело! — сказал я. — Две богини, такие разные, и обе бросают нас на произвол судьбы как раз когда мы больше всего нуждаемся в их помощи!

— Выходит, так надо, — спокойно сказала Морриган. — Наверное, именно это было предначертано нам судьбой с самого начала.

Звук битвы долетел до нас с подступов к Равнине. Воины Лохлэнна пытались отразить атаку жителей моря.

— Думаю, мне следует поспешить им на помощь, — сказал я.

— И мы с тобой! — воскликнула Эннис. — Я по-прежнему могу менять свой облик, и...

— Ни в коем случае, — твердо заявила Морриган. — Если ты погибнешь в битве, Лохлэнн будет затоплен. Я пойду туда!

— Вы обе останетесь здесь! — возразил я. — Войны, сражения — это для нас, мужчин.

И мы сражались. Мы встретили Ллира на узком участке дороги и удерживали свои позиции, несмотря на значительное численное превосходство противника. Лохлэннские воины, ополчение и даже друиды, вооружившиеся топорами и посохами, сражались на баррикадах из поваленных деревьев.

Для Головоруба наступил настоящий праздник. Я пробился на переднюю линию обороны и неистово крутил мечом над головой, а он пел свою боевую песню, кроша щиты и доспехи, как будто они были бумажными. Палаш со звоном рассекал шлемы, а заодно и головы, на которые те были надеты. При его деятельном участии мы то и дело отбрасывали противника вниз по дороге, но каждый раз Ллир, сам правивший колесницей, запряженной драконами, вдохновлял своих амфибий на новые атаки.

Меня дважды сбивали с ног, и во второй раз надо мной сверкнули три копья, готовые пригвоздить меня к земле. Два из них пронзили тело нашего солдата, заслонившего меня, а третье перерубил своей косой один из подоспевших друидов. Вскочив на ноги, я рассек пополам двоих из нападавших, но сам получил удар мечом по руке, из которой обильно потекла кровь. Тут же на мой шлем обрушился удар топора, от которого загнула голова.

Амфибии оттеснили нас вверх, где дорога была шире, что облегчало их продвижение. Численное превосходство Детей Ллира уже начинало сказываться. Верховный друид, сражавшийся длинным ножом, был убит, лорд Сион ранен, и сын оттащил его в сторону от места сражения. Лохлэннское войско осталось без предводителя, и его возглавили мы с Головорубом. Рядом с нами знаменосец держал королевское знамя.

На линию фронта прорвалось несколько кавалеристов Ллира верхом на драконах, обдающих огнем своего дыхания наших пехотинцев. Одно из чудовищ приблизилось ко мне, и всадник, привстав на стременах, поднял копьё, целясь мне в грудь. Древко копья я рассек Головорубом, но отшатнулся от огненной струи, вырвавшейся из пасти дракона.

Трое наших солдат сгорели заживо — драконы действовали, как огнеметы, но я ухитрился пролезть под брюхо одному из них и глубоко воткнуть Головоруб в тело чудовища. Мертвый дракон повалился* на дорогу, и я прикончил всадника, не дав ему опомниться. Труп дракона мы использовали как баррикаду и, потеснив врага, вскоре перегородили всю дорогу телами трех монстров.

Тут появился солдат, прибывший от королевы Эннис, и прокричал, что Ллир нас окружает: он с сотней воинов пошел в обход, вскарабкался на ничем не защищенный склон Равнины Поклонения и пытается занять Круг Мудрости.

Оставив наше войско защищать дорогу, я выбрал десяток самых отважных и бросился с ними к Кругу. Мы подоспели как раз вовремя. Дюжина морских разбойников прорвалась через наш заградительный отряд и устремилась к постаменту. Позади них потрясал своим боевым топором огромный Ллир, похожий на разъяренного бога.

Я подбежал к Эннис.

— Сколько осталось до полуночи? Она прижала к себе Жезл.

— Несколько минут. Но боюсь, нам не продержаться. Смотри, Морские ворота открылись еще шире!

Мне некогда было смотреть.

— Может быть, мне удастся выиграть для нас немного времени, — сказал я, выскочил на середину постамента и крикнул: — Дюффус, король Шотландский!

Клич этот навряд ли подходил к происходящим событиям, но он привлек ко мне внимание всех, включая и морского царя, чего я, собственно, и добивался.

— Ллир, где ты? — я старался перекричать шум битвы. — Я вызываю тебя на поединок! Твой топор против моего меча! Выходи, если не трусишь!

Ллир посмотрел по сторонам. Повсюду его солдаты теснили наших. Ему явно не хотелось рисковать своей шкурой в поединке со мной.

— Давай, Ллир! Человек ты в конце концов или рыба? — спросил я насмешливо. — Уж не испугался ли ты меня и моего меча?

Это его задело. Он не смог вынести упрека в трусости. Прорывав слова согласия, великан ринулся на меня тяжелыми прыжками, от которых сотрясалась земля. Спрыгнув с помоста, я побежал ему навстречу. Его топор рассек воздух со звуком, похожим на гудок скорого поезда. Я отразил этот удар Головорубом, и от столкновения меча и топора посыпались искры. От этого удара у меня заболели руки, но пришлось тут же готовиться к следующему: Ллир занес топор над головой и с силой обрушил его на меня. Отскочив в сторону, я позволил его оружию глубоко погрузиться в лохлэннскую почву.

Однако Ллир оказался быстрым и ловким противником. Не дав мне воспользоваться преимуществом его временной безоружности, он стремительно выхватил топор из земли и отпрыгнул в сторону, избежав удара Головоруба.

Я атаковал, он умело защищался, отбивая удары моего палаша, нацеленные ему в голову.

Впервые в этом мире мне встретился противник, не только превосходящий меня силой, но и не уступающий в мастерстве. Град моих ударов не причинил ему вреда, и вот он уже перешел в наступление, тесня меня обратно к постаменту мощными взмахами топора и стараясь выбить меч из моих рук.

Но наконец он допустил ошибку, которой я не преминул воспользоваться. Его оружие имело лезвие, но он упустил из виду, что у Головоруба есть еще и острый конец. Он подошел слишком близко, нанес удар, который должен был прикончить меня, но промахнулся, и древко его оружия слегка задело мою шею, ободрав кожу. Сам гигант с бесконечно удивленным видом уставился на свою грудь, откуда торчала рукоятка пронзившего его насквозь Головоруба.

С минуту, показавшуюся мне вечностью, морской царь стоял, покачиваясь, как будто его сила была столь велика, что могла противостоять даже смерти. Рот его приоткрылся, и кровь заструилась по светлой бороде. Он рухнул на спину, и я, поставив ногу ему на грудь, извлек из могучего тела свой меч, в который раз убедившись, что он — волшебный. Каким же еще мог быть палаш, прикончивший мифического морского бога?

Повернувшись к постаменту, я увидел, что там орудуют Дети Ллира.

Я чувствовал себя усталым и вконец обессиленным, но помчался быстрее ветра на выручку Эннис и Морриган, которые с трудом отбивались от морских разбойников.

— Жезл! Жезл Власти, Эннис, — крикнул я, рассекая напополам одного из двух мерзавцев, которые схватили и куда-то тащили ее.

— Жезл не действует! — выдохнула она. — Я пробовала, но ничего не выходит!

— Так может, еще рано?

— Думаю, что нет. Раньше Бранвен всегда сообщала мне точное время, но теперь некому. Во всяком случае, уже за полночь.

Я взглянул вверх как раз в тот момент, когда Морские ворота с грохотом растворились настезь, и стена воды с пенными гребнями наверху обрушилась на страну, погребая под собой леса, луга, строения. Надо было действовать без промедления. Теперь или никогда!

— Через несколько минут я попробую еще раз, — сказала Эннис.

— У нас нет этих минут, — ответил я, выхватив Жезл из ее рук и бросившись туда, где Морриган отбивалась мечом от двух бандитов-амфибий. Теперь я надеялся только на то, что Ллир надул меня, и настоящая королева — Морриган.

Я одним ударом разрубил напополам обоих нападавших на Морриган и протянул ей Жезл.

— Ты — королева! Вот твой Жезл! — только и успел я прокричать, прежде чем ревущая толпа морских разбойников набросилась на меня. Они облепили меня, как мухи, и я ничего не мог сделать, не мог даже поднять Головоруб. Они выли и рычали от ярости, смерть Ллира привела их в неистовство и, опрокинув меня на землю, они вознамерились во что бы то ни стало отправить меня вслед за ним.

— Жезл! В твоих руках Жезл Власти! — крикнул я, исчезая под грудой тел.

По кольчуге возле моего горла ударил нож. Копье пригвоздило к земле мою руку, и дюжина мечей стала рубить меня на куски.

Внезапно раздался пронзительный звук, от которого заложило уши. Звук этот заполнил собой все окружающее пространство, казалось, он мог свести с ума и опрокинуть весь этот мир — так велика была его сила.

Жезл Власти начал действовать!

— Приказываю вам! — крикнула Морриган. — Приказываю вам именем Жезла Власти! Морские ворота Лохлэнна, закройте!

Зажав руками уши, истошно вопя и стеная, Дети Ллира удирали с Равнины Поклонения во все лопатки. Луч света полился с Равнины, уперся в Морские ворота, и они медленно закрылись под действием волшебного света.

— Мы победили! Мы победили! — крикнул я Эннис.

— Но королева — не я! — ответила она печально. — А Морриган. А ты ведь говорил, что я — законная королева!

— Понимаешь, это Ллир меня обманул. Ты очень огорчена?

С минуту она молча смотрела на меня, потом отрицательно покачала головой.

— Да нет, пожалуй. Мне гораздо больше хотелось спасти Лохлэнн, чем править им, а теперь он ведь спасен!

К нам подошла Морриган. Жезл Власти сверкал в ее руке, ореол золотисто-рыжих волос обрамлял голову.

— Лорд Дюффус и леди Эннис, — обратилась она к нам. — Королева Лохлэнна приветствует своих друзей!

Мы оба наклонились и почтительно поцеловали ее руку, и я почувствовал пожатие ее пальцев.

— Леди Эннис... дорогая сестра... останешься ли ты при моем дворе и будешь ли мне подругой теперь, когда мы больше не соперницы?

Эннис улыбнулась в ответ.

— С радостью, ваше величество!

— Лорд Дюффус, желаете ли вы остаться здесь, в Лохлэнне?

— Этот мир как раз для меня, — ответил я. — Не знаю, как это вышло, но я родился не там, где следовало. В вашей стране я чувствую себя на своем месте.

Обе девушки смотрели на меня сияющими глазами. Я уже видел себя первым джентльменом

Лохлэнна с двумя преданными мне прекрасными женщинами. Приятель, вот это жизнь! И всего я добился сам!

— Да, — повторил я, с улыбкой переводя взгляд с одного пленительного лица на другое. — Это мой мир, здесь я на своем месте.

— ЧЕРТА С ДВА, МЕРЗКИЙ ТЫ СЛИЗНЯК! — проскрипел вдруг голос Мюллеартах. — ТЫ КАК РАЗ НА СВОЕМ МЕСТЕ В ТОМ ИДИОТСКОМ МИРЕ, ГДЕ МЫ ТЕБЯ НАШЛИ!

— А, это ты, ведьмочка! Привет! Чего ты кипятишься, хотел бы я знать? — ответил я дружелюбно. — Я победил всех, кого только можно, и помог спасти Лохлэнн. Твоя Морриган — королева. Неужели ты недовольна, крошка?

Мюллеартах вдруг появилась передо мной во всей своей красе. Ее единственный глаз стал багровым от ярости.

— СЛУШАЙ, БЕЗДЕЛЬНИК! ЕСЛИ ТЫ ЕЩЕ РАЗ НАЗОВЕШЬ МЕНЯ ВЕДЬМОЧКОЙ ИЛИ КРОШКОЙ, Я ЗАТКНУ ЭТИ СЛОВА ОБРАТНО В ТВОЮ ГЛОТКУ!

— Лорд Дюффус согласился остаться с нами в Лохлэнне! — сообщила Морриган, сияя от счастья. — Мы все его так любим!

— ДЮФФУС ДЖЕНЬЕРИ НЕ ОСТАНЕТСЯ ЗДЕСЬ НИ ПОД КАКИМ ВИДОМ! — прорычала Мюллеартах. — ОН ВЕРНЕТСЯ ТУДА, ОТКУДА ЗАЯВИЛСЯ. СКАТЕРТЬЮ ДОРОГА! Я ХОЧУ ОГРАДИТЬ СЕБЯ ОТ ЕГО НАГЛЫХ ВЫХОДОК НА БЛИЖАЙШУЮ ТЫСЯЧУ ЛЕТ!

— Минутку! Минутку! — закричал я, чувствуя, как рушатся все мои воздушные замки.

— В ЭТОМ МИРЕ ТЕБЕ НЕТ МЕСТА! — рявкнула ведьма. — ЛИНИИ СУДЬБЫ ДАВНО ПРОЧЕРЧЕНЫ, И ДЛЯ ТЕБЯ ЗДЕСЬ НЕТ НИ ОДНОЙ!

— Ты не можешь так поступить! — вскричал я. — После всего, что я для вас сделал!

— АХ, НЕ МОГУ?!! НУ ЧТО Ж, СМОТРИ!!! — прохрипела Мюллеартах, заноса когтистую лапу.

Эннис пронзительно закричала, Морриган попыталась оттолкнуть от меня ведьму, но было слишком поздно. Молния ударила мне в лицо, и, оглушенный, я почувствовал, что почва уходит у меня из-под ног, и реальность, кружась, уплывает от меня.

— Мюллеартах! Ты мне за это ответишь, старый мешок с костями! Я все равно вернусь и уж тогда отомщу тебе! — кричал я, уносясь с Равнины Поклонения в пространство между мирами. Злорадный смех ведьмы эхом отдавался у меня в ушах.

Я не помню, как проплыл в кромешной тьме преддверия ада. Смутно вспоминаю нескольких Хранителей, взявших с меня плату, а потом тьма рассеялась, и я очутился в своей библиотеке, держа в руке Головоруб, с которого все еще капала синяя кровь. Мои издававшие виды доспехи и продавленный шлем показались вдруг совершенно неуместными.

Я выругался и в бессильной ярости искрошил в щепки несколько предметов обстановки. Я придумал сотни самых невероятных способов мести злобной ведьме, вернувшей меня снова в столь ненавистный мне мир. В этот глупый мир смога и атомных бомб, чудовищных автомобилей и девушек вроде Пегги О'Ши.

Немного успокоившись, я повесил Головоруб в нишу и убрал на место кольчугу и шлем. Потом смешал себе несколько мартини в пропорции восемь к одному и проглотил два из них, чтобы немного снять усталость после битвы... битвы, в которой я одержал блестящую победу, выходит, для того, чтобы быть лишенным ее плодов. И тогда я принял решение.

Я подошел к одной из книжных полок, снял том старинных заклинаний и принялся его листать. Если не здесь, то в другой книге из тех, которые у меня есть и которые смогу достать, но я найду его! Это может потребовать долгих лет непрерывных изнурительных поисков, днем и ночью, но когда-нибудь, где-нибудь я найду нужное заклинание. И с его помощью я открою себе путь между мирами обратно в Лохлэнн. Обратно в Лохлэнн к моей ведьме-королеве и ее прекрасной сестре!

Примечания

1

Фут — мера длины, принятая в Великобритании и США, около 30,5 см.

2

Бэнши (ирл., шотл. фолькл.) — привидение-плакальщица, издающее громкие вопли.

3

Общество Джона Берна — антикоммунистическая организация, созданная в США в 1958 г. Робертом Уэлчем.

4

...костюмом от братьев Брукс... — в магазинах братьев Брукс торгуют модной и дорогой одеждой. Первый из них открыт на Уоллстрит в 1818 г.

5

Фунт — мера веса, равная 453 г.

6

Пикты — древний народ Северной Британии, поглощенный интервентами-шотландцами (скоттами) в VI–IX вв. н. э.

7

Э. Ланг (1844–1912) — шотландский писатель, фольклорист и антрополог, специалист по древнегреческой культуре и литературе. Цитируется его работа «История Шотландии от римского нашествия до подавления последнего якобинского мятежа» (1900–1907).

8

Артур — герой кельтских мифов, впоследствии — персонаж европейских средневековых повествований о рыцарях Круглого стола.

9

И в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио. (У. Шекспир. Гамлет. Акт 1, сцена 5. Пер. М. Лозинского.)

10

Рип Ван Винкль — герой одноименной новеллы классика американской литературы Вашингтона Ирвинга (1783–1859) Рип Ван Винкль, спасаясь от своей жены в горах, проспал ровно 20 лет. Проснувшись, он обнаружил, что мир за это время значительно изменился, жена его умерла, а у него самого отросла необыкновенно длинная борода.

11

Валгалла — в скандинавской мифологии — обитель бога Одина, обителище душ погибших воинов.

12

Горгулья — в средневековой архитектуре рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры.

13

«Кольцо Нибелунга» — цикл из четырех опер Р. Вагнера на сюжеты из древнего эпоса германских племен.

14

Зверек проворный, юркий, гладкий... — Р. Бернс. «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом». (Пер. С. Маршака.)